ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 3 ЯНВАРЬ 1989

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

ДИАЛОГ С ЧИТАТЕЛЕМ: НАШ ЖИЗНЕННЫЙ УРОВЕНЬ

ИСТОРИЯ ИСЧЕЗНУВШЕГО МУЗЕЯ

ГАРРИ КАСПАРОВ: КТО ПРОТИВ СПОРТА?

РАССКАЗ ЮРИЯ НАГИБИНА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 3 (3208)

14—21 ЯНВАРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Сделать чище атмосферу наших городов, не взваливать экологические проблемы на плечи потомков! (См. в номере материал «На Хортице, у матери...»)
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 26.12.88. Подписано к печати 10.01.89. А 04401. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,30. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 200 000 экз. Заказ № 3527. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС

10 января 1989 года состоялся очередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум рассмотрел следующие вопросы:

1. О выдвижении кандидатов в народные депутаты СССР от Коммунистической партии Советского Союза.

2. Об Обращении Центрального Комитета КПСС «К партии, советскому народу».

3. О проведении выборов народных депутатов СССР от Коммунистической партии Советского Союза.

С докладом по этим вопросам выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

На Пленуме выступили: Г. И. Усманов — первый секретарь Татарского обкома КПСС; Г. И. Ревенко — первый секретарь Киевского обкома Компартии Украины, Г. В. Колбин — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, Н. М. Грибачев — главный редактор журнала «Советский Союз», секретарь правления Союза писателей СССР, В. В. Карпов — первый секретарь правления Союза писателей СССР.

Пленум выдвинул кандидатов в народные депутаты СССР от Коммунистической партии Советского Союза. В установленном порядке они будут представлены для регистрации в избирательную комиссию по выборам народных депутатов СССР от КПСС.

Пленум принял обращение Центрального Комитета КПСС «К партии, советскому народу», которое будет опубликовано в печати.

Пленум принял постановление «О проведении выборов народных депутатов СССР от КПСС», которое публикуется в печати.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС от 10 января 1989 года

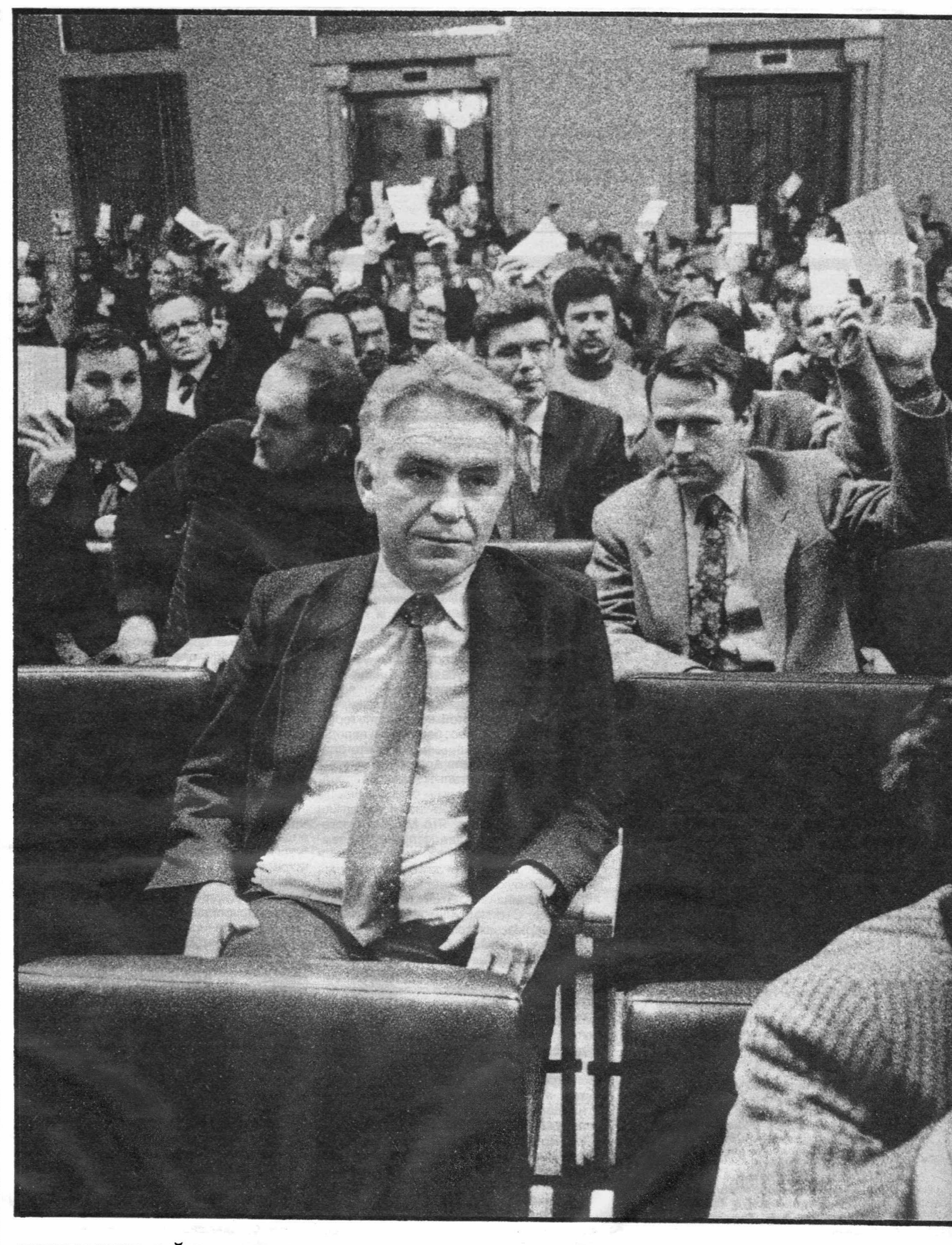
О проведении выборов народных депутатов СССР от Коммунистической партии Советского Союза.

1. Созвать Пленум ЦК КПСС по выборам народных депутатов СССР от Коммунистической партии Советского Союза 15—16 марта 1989 года в г. Москве.

2. Голосование при выборах народных депутатов СССР провести с участием кандидатов в члены ЦК КПСС, членов Центральной Ревизионной Комиссии КПСС, а также первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, вторых секретарей ЦК компартий союзных республик, Председателей Президиумов Верховных Советов и Председателей Советов Министров союзных республик, министров и руководителей центральных ведомств и организаций, командующих военными округами, не входящих в состав центральных органов КПСС.

3. Поручить Политбюро ЦК КПСС представить в установленном законом порядке список голосующих на Пленуме ЦК в избирательную комиссию по выборам народных депутатов СССР от КПСС.

АЛЬТЕРНАТИВА

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

СТРАСТИ НАКАЛЕНЫ: ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ОКОЛО ТРЕХ МЕСЯЦЕВ. А СО СТЕНЫ ПЫТЛИВО СМОТРЯТ В ЗАЛ ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНЫЕ ФИЗИКИ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ ЛЕБЕДЕВ, ЧЬЕ ИМЯ НОСИТ ИНСТИТУТ, И ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР ФИАНа СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ. БУДТО НАПОМИНАЮТ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МОМЕНТА, СОВЕТУЮТ КАЖДОМУ БЫТЬ ПРИНЦИПИАЛЬНЫМ И ОБЪЕКТИВНЫМ. ВЕДЬ РЕШАЕТСЯ ВОПРОС НЕ ПРОСТО, КТО СТАНЕТ ДИРЕКТОРОМ ЭТОГО ЛЕГЕНДАРНОГО ИНСТИТУТА, ИЗ КОТОРОГО ВЫШЛИ 6 ИЗ 10 СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ — НОБЕЛЕВСКИХ ЛАУРЕАТОВ. СЕГОДНЯ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ПУТЬ, КОТОРЫМ ПОЙДЕТ ОДИН ИЗ СИЛЬНЕЙШИХ В СТРАНЕ НАУЧНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
Игорь ГАВРИЛОВ (фото)

О том, как выбирали директора Физического института АН СССР

Продолжение см. на стр. 32.

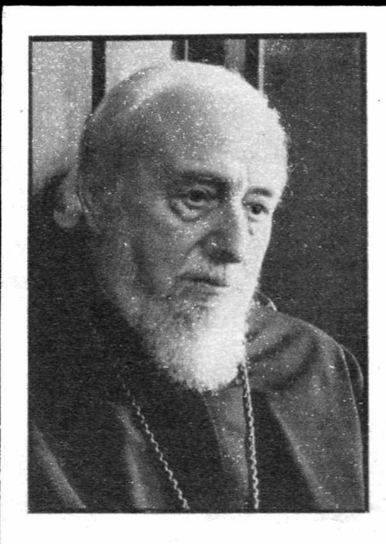
Верховный Патриарх и Католикос всех армян Вазген I:
«МЫ ВЕРИМ В ДРУЖБУ НАШИХ НАРОДОВ, ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ».

Председатель Духовного управления мусульман Закавказья шейх-уль-ислам Аллахшукюр Паша-заде:
«ИДТИ НАВСТРЕЧУ ДРУГ ДРУГУ».

Народы Армении и Азербайджана пережили год, неслыханно трудный, телесные и душевные раны их сыновей и дочерей кровоточат, заживают тяжко, мучительно.

Уверены: в тех азербайджанских и армянских семьях, где по традиции встречали Новый год, старый, восемьдесят восьмой провожали кто с гневом, кто со слезами отчаяния, кто со словами проклятий — было за что. Для народов, издавна живших в добрососедстве, он выдался несправедливо тяжким, му-

ОТСТУПИТЬ О

Его святейшество Вазген I родился в 1908 году в Бухаресте, в армянской семье. В 1936 году окончил философско-литературный факультет Бухарестского университета. К этому времени относятся его первые научные труды «Вопрос дисциплины в педагогике» и «О понятии «личность». До 1943 года работал в Бухарестском армянском училище преподавателем. Затем принял монашеский постриг и сан архимандрита с именем Вазген, став начальником армянской епархии в Румынии. Прошел полный курс богословия в Бухарестском университете. В годы пребывания в Румынии издал три исследования. В сентябре 1955 года собор Армянской Апостольской Церкви избрал его — епископа Румынского и Болгарского — Верховным Патриархом и Католикосом всех армян. За свой вклад в дело упрочения мира награжден орденами Дружбы народов и «Знак Почета». Постоянное пребывание Католикоса — Первопрестольный святой Эчмиадзин. Католикос избирается национально-церковным собором. В Эчмиадзине расположена Духовная академия, Католикосат осуществляет широкую издательскую деятельность. Стараниями Католикоса открыты два монастыря — Татев и Макараванк.

ИНТЕРВЬЮ ВЕРХОВНОГО ПАТРИАРХА И КАТОЛИКОСА ВСЕХ АРМЯН ВАЗГЕНА I ЖУРНАЛУ «ОГОНЕК»

— Ваше святейшество! Мои первые слова — это слова искреннего, глубокого соболезнования всему армянскому народу за постигшее его неслыханное бедствие. Я и фотокорреспондент журнала Игорь Гаврилов были в Ленинакане на третий день после катастрофы и видели этот поистине вселенский ужас своими глазами. Видели все — и отчаяние, и горе, но и мужество тоже.

— Мы очень взволнованы и тронуты сказанными Вами словами сочувствия и от себя, и от уважаемого журнала «Огонек». Мои соотечественники, живущие в Армении и за ее пределами, никогда не забудут той помощи, которую оказали нам в час беды все народы СССР, многих стран мира. Все, что сделано и делается для Армении в эти дни Советским правительством, преисполняет нас чувством благодарности. Большое впечатление на всех армян произвел тот факт, что Михаил Сергеевич Горбачев, едва услышав о землетрясении в Армении, сразу оставил все свои дела за рубежом и вернулся в СССР. Буквально через день он уже был в Ленинакане. Это исключительное явление. Это гуманизм в действии. Мы благодарны за это всем сердцем.

— Как с позиций Священного Писания и религиозных начал Вы объясняете случившееся 7 декабря стихийное бедствие?

— Мы прежде всего сознаем, что это лишь проявление слепых сил природы. Подобные трагедии уже не раз случались, мы не гарантированы от них в будущем. Но то, что произошло сейчас в Армении, поистине невероятно.

В религиозном аспекте я подумал бы так: это тяжкое испытание, выпавшее на долю нашего народа. И в эти дни перед армянским народом стоит задача стойко перенести страдания, победить удар смерти, чтобы собрать силы для будущего. Мы помним, что в основе христианской религии лежит победа над смертью и воскресение.

— Армянская Апостольская церковь с первых же часов землетрясения заявила о своем глубоком сочувствии всем пострадавшим, о намерении помочь им. Я слышал, что Эчмиадзин пожертвовал немалые суммы нуждающимся. По дороге к Вам в здании Духовной академии мы видели, как священнослужители раздавали вещи и продукты сотням людей, трогательно утешали их.

— Наша Церковь из своих скромных сбережений внесла в копилку помощи полмиллиона рублей, что наряду с предыдущими составило 1 миллион 700 тысяч рублей, соберет еще немало пожертвований верующих. По церковной линии мы получаем большую помощь, в том числе и из-за границы. По сути дела, все церкви нашей страны и в первую очередь Русская православная церковь, протянули нам братскую руку помощи. Святейший Патриарх Пимен даровал один миллион рублей. Из многих епархий поступали пожертвования на многие тысячи рублей. Грузинская православная церковь прислала сто тысяч рублей. С помощью этих средств мы уже помогли тысячам несчастных. При этом все мы понимаем, что самую большую помощь оказывает нам государство. Мы же только дополняем его усилия.

Вас, видимо, заинтересует и программа зарубежной помощи. Речь идет об армянах, живущих в Америке — Северной и Южной, там их около миллиона. По нашему предложению соотечественники должны провести Большой сбор средств для восстановления Степанавана. Хотя бы центра города, хотя бы самых необходимых зданий — больниц, школ, общежитий.

С этой целью мы должны через две-три недели поехать в Америку, чтобы руководить этим движением.

Наше духовенство с первых часов катастрофы принимало участие в раскопках, священнослужители сутками не выходили из больниц, ухаживая за несчастными.

— Считаете ли Вы, Ваше святейшество, что иноверцы, живущие в Армении, столь же равноправны, как и армяне? И как в таком случае Армянская Апостольская церковь относится к понятиям интернационализма и дружбы народов, независимо от различий в вероисповедании?

— Понятия интернационализма родственны нам, христианам. Мы считаем, что национальная вражда, в какой бы форме она ни проявлялась, не может быть ни принята, ни тем более поддержана нами. Разумеется, мы убеждены и в том, что все люди, населяющие Армению, должны быть полностью равноправны. Как же иначе может быть в советской республике?!

— Случившаяся в Армении беда наполнила состраданием сердца людей во всех союзных республиках, во многих странах мира. К сожалению, были случаи, которые с позиций ни общечеловеческой, ни религиозной морали объяснить невозможно. 7 декабря, вечером, когда телевидение впервые сообщило о катастрофе в Армении, мы находились в Баку. И вдруг видим: десятки молодых людей выбегают на улицу с бубнами и радостными песнопениями. Не хотелось верить, что они счастливы от горя соседей. Но это было именно так. Неужели это совместимо с канонами мусульманской религии?

— Нам больно слушать о подобном бесчинстве. Разве можно назвать этих людей мусульманами, если ислам — одна из уважаемых религий в мире?! Бог один и для мусульман, и для христиан. Явление, о котором Вы рассказали,— антимусульманское. И антихристианское.

— Есть ли разница между религиозной убежденностью и фанатизмом?

— По-нашему, фанатизм — это отвержение истинного религиозного чувства. Национальный и религиозный фанатизм есть темный путь, путь греха.

— Скажите, пожалуйста, Ваше святейшество, как смыкается религиозное сознание с пословицей «Худой мир лучше доброй ссоры»?

— Вспомним Священное Писание: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божьими».

Основатели других великих религий также были благовестниками мира и справедливости, ими были также многие мудрецы и философы от древности до наших дней. Поэтому мы за прочный, нерушимый мир между нашими народами.

— Не считаете ли Вы, что сегодняшнее положение в Армении и Азербайджане настолько тупиковое, что напоминает нам Ольстер и Ливан?

— Ни в коем случае! Главное — у нас нет и не может быть религиозных разногласий. Кроме того, позиция армян на Ближнем Востоке состоит в сохранении добрых отношений с мусульманами.

— Я прошу Вас, Ваше святейшество, извинить меня за некий полет журналистской фантазии. Все мы являемся свидетелями происходящей на наших глазах перестройки мышления, преобладания общечеловеческих ценностей. Вспомним, насколько прочнее стал мир после личных контактов М. С. Горбачева с лидерами многих государств.

Если бы не сегодня-завтра Вам пришлось встретиться с шейх-уль-исламом, какой вопрос Вы бы ему задали прежде всего? С каким предложением могли бы к нему обратиться?

— Мы с ним друзья, неоднократно встречались ранее, особенно в Москве. Если была бы возможность новой встречи, мы бы прежде всего остановились на несчастье, постигшем наш народ. На враждебных проявлениях между нашими народами. И у нас, уверен, было бы желание, чтобы эти явления никогда не повторялись. Нашей обязанностью было бы передать нашим народам стремление к братству, содружеству, интернационализму.

чительным, нескончаемым в каждодневных тревогах и горестях.

Но если бы с последним листком календаря так же просто уходили в прошлое и общая для всех вселенская горесть постигшей Армению катастрофы, и неутихающие национальные распри, и политический авантюризм цепляющихся за ускользающую власть коррумпированных дельцов!

Нет, все остается в наследство году восемьдесят девятому. И особое положение в Баку и Ереване, и комендантский час. Танки и бронетранспортеры, солдаты в бронежилетах на улицах обеих столиц. Военные коменданты особого района г. Баку генерал-полковник М. Тягунов и особого района г. Еревана генерал-лейтенант В. Самсонов накануне Нового года публиковали в местных газетах не поздравления — приказы.

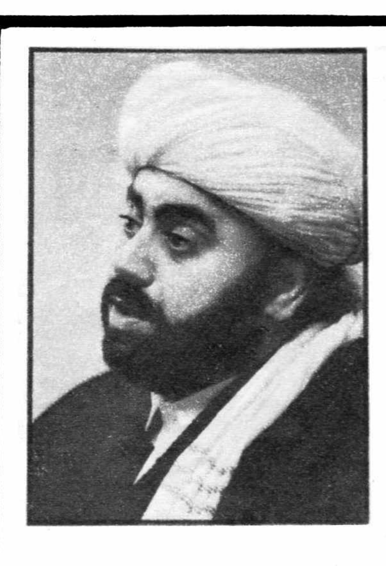
Будем смотреть правде в глаза, как это сделал М. С. Горбачев в интервью корреспондентам Центрального телевидения и телевидения Армении: надо остановиться, дальше один шаг — и пропасть.

А это значит, что уже сегодня, с первых дней новогодья, нужно искать и находить пути к миру и согласию между народами-братьями, использовать любую возможность для примирения и восстановления доверия друг к другу, рушить воздвигнутые недругами преграды непонимания и вражды.

Многое в этом благородном деле зависит от позиций верующих — как мусульман, так и христиан, от направляющей руки их духовных пастырей.

Верховный Патриарх и Католикос всех армян Вазген I и председатель Духовного управления мусульман Закавказья шейх-уль-ислам Аллахшукюр Паша-заде в конце декабря приняли в своих резиденциях в Эчмиадзине близ Еревана и в Баку специального корреспондента «Огонька» Георгия Рожнова и ответили на интересующие читателей вопросы.

Т ПРОПАСТИ

Шейх-уль-ислам — один из самых молодых духовных лидеров в мусульманском мире, имеющий столь высокий сан. Ему еще нет и сорока лет. Он окончил среднюю школу, затем — мусульманское духовное училище «Мир Араб» в Бухаре и Высший мусульманский институт в Ташкенте.
Родом шейх из крестьян селения Джиль Ленкоранского района Азербайджанской ССР.
Когда на съезде мусульман Закавказья Аллахшукюр Паша-заде был избран председателем Духовного управления мусульман Закавказья, ему было тридцать лет — случай редчайший.
Он историк и философ, яркий оратор и признанный международный деятель. Его миротворческие усилия высоко оцениваются в мусульманском мире и светских кругах. Шейх-уль-ислам избран членом Президиума Советского комитета защиты мира, Организации солидарности народов Азии и Африки.
О высоком авторитете шейх-уль-ислама в международных исламских кругах свидетельствует избрание его в 1985 году членом-корреспондентом Иорданской королевской Академии исламской цивилизации (муассасат ал ал-байт), а также членом совещательного Совета Всемирного Исламского Конгресса на его Генеральной Ассамблее в 1988 году.

ИНТЕРВЬЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ДУХОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МУСУЛЬМАН ЗАКАВКАЗЬЯ ШЕЙХ-УЛЬ-ИСЛАМА АЛЛАХШУКЮРА ПАША-ЗАДЕ ЖУРНАЛУ «ОГОНЕК».

— Уважаемый шейх-уль-ислам! Как известно, в конце ноября Вы были вынуждены прервать свою зарубежную поездку в связи с обострением обстановки в Азербайджане и срочно вернуться в Баку. Как это было?

— В составе советской делегации я участвовал в VII конгрессе Организации солидарности народов Азии и Африки, происходившем в Дели. На конгрессе изыскивались новые возможности общими усилиями достичь прочного мира, сделать необратимым процесс разрядки, добиться решения узловых проблем в таких горячих точках планеты, как Ближний Восток, Юг Африки, Афганистан.

К сожалению, во время работы конгресса до меня дошли тревожные вести с родины. Это было 24 ноября, и вы можете понять мои чувства. Тем более, что западная печать подавала сообщения из Баку откровенно тенденциозно, поверхностно. Пришлось отказаться и от участия в конгрессе, и от намечавшейся поездки в Соединенные Штаты. Я срочно вылетел в Баку.

— Какие шаги Вы предприняли после своего возвращения? Изменилось ли положение с тех пор? Есть ли тенденции к нормализации обстановки? Если они недостаточны, то что этому мешает?

— В первый день после возвращения мне нужно было точно осознать, что происходит. Чего хотят тысячи людей, сутками стоящие на площади Ленина? Уже на следующий день я выступил по республиканскому телевидению. О чем я говорил? О главном: призывал к спокойствию, терпению, взаимопониманию, уважению человека к человеку, к какой бы национальности он ни принадлежал. Неоднократно выступал в мечети, побывал и на площади. И знаете, до сих пор я слышу, как люди — и верующие, и атеисты — благодарят меня за эти слова миролюбия. И азербайджанцы, и армяне. Как учит Пророк, я призывал народ к любви — а это главное.

— Что все же мешает спокойствию?

— Скажу совершенно определенно: мешают прежде всего те, кто боится перестройки, кто противодействует ей, кто страшится утратить неправедно полученную власть и блага. Ведь они уже чувствуют: народ начинает прозревать. Он спрашивает: куда вы нас зовете? В какую пропасть толкаете?

И еще одно: хватит дискуссий, разжигания страстей в отношении НКАО. Есть четкое решение Президиума Верховного Совета СССР от 18 июля 1988 года, которое нужно неукоснительно выполнять. Разве мало правительство СССР сделало, делает и еще будет делать для Нагорного Карабаха? Нет, экстремисты словно не слышат об этом! Даже горе Армении не остановило их — об этом прямо сказал М. С. Горбачев. Национальный эгоизм поддерживать нельзя.

— Как Вы, уважаемый шейх, возглавляемое Вами Духовное управление мусульман Закавказья отнеслись к беде, постигшей Армению?

— Прежде всего, как к нашей общей беде. Я сразу же послал телеграмму соболезнования Католикосу всех армян Вазгену I, выразил ему искренние чувства не только мусульман, но и всего азербайджанского народа.

— И все же были хоть и редкие, но безобразные случаи иного отношения к трагедии соседнего народа. 7 декабря, сразу после передачи телевидения о землетрясении в Армении, на одной из улиц Баку я увидел группу молодежи с бубнами, радостными песнопениями. Разве это совместимо с нормами ислама, с учением Пророка? С общечеловеческой моралью, наконец?

— Кощунство — вот как называются подобные выходки. Оно достойно осуждения Аллаха, людского презрения. О какой религиозной убежденности этих молодых людей можно вести речь? Ведь в это же самое время в мечетях Баку раздавались молитвы, полные сострадания к братьям-армянам. Вот где было подлинное выражение чувств азербайджанских мусульман.

— В Коране говорится, что у всех нас единые отец и мать и мы разделены на племена и народы, чтобы всегда и во всем уважать и сочувствовать друг другу. Считаете ли Вы, уважаемый шейх, что иноверцы, живущие в Азербайджане, столь же равноправны, как и коренные жители? Как ислам относится к понятиям интернационализма и дружбы народов?

— Безусловно, Всевышний Аллах создал людей от одного корня. Поэтому никакой народ не имеет преимуществ перед другим в силу лишь только своей расовой или национальной принадлежности. И важнейшее, к чему призывали пророки,— утверждение всеобщего братства между людьми — и предостерегали от всего, что ослабляет братские отношения.

Интернационализм — неотъемлемое свойство души азербайджанского народа, на земле которого бок о бок веками живут представители многих национальностей, вместе деля все радости и печали, пользуясь равными правами. И если дело дошло до того, что, поддавшись ослеплению, азербайджанцы изгоняли армян, а армяне — азербайджанцев,— это вина не народов, а того коррумпированного отребья, которое спровоцировало эту общенациональную беду. Но поверьте, наши народы опомнятся и протянут руки друг другу — мы, духовные пастыри, обязательно направим их на этот единственно правильный шаг.

— Из ряда Ваших выступлений в печати, уважаемый шейх, все мы почувствовали Вашу искреннюю боль за страдания братских народов, за сохраняющееся до сих пор серьезное положение как в Азербайджане, так и в Армении. Не считаете ли Вы, что мы уже подошли к тупиковой ситуации, которая напоминает Ольстер и Ливан?

— Да, я уже не раз слышал подобные сравнения от безответственных экстремистов. Это они выдвинули позорный лозунг «Превратим Азербайджан в Ливан, а Баку — в Бейрут!» Это не мусульмане, это не азербайджанцы, это враги и ислама, и нашего народа. Я глубоко убежден, и мое убеждение разделяют миллионы соотечественников: этому не бывать никогда! Азербайджан останется домом, в котором мирно живут и мусульмане, и христиане, представители многих национальностей.

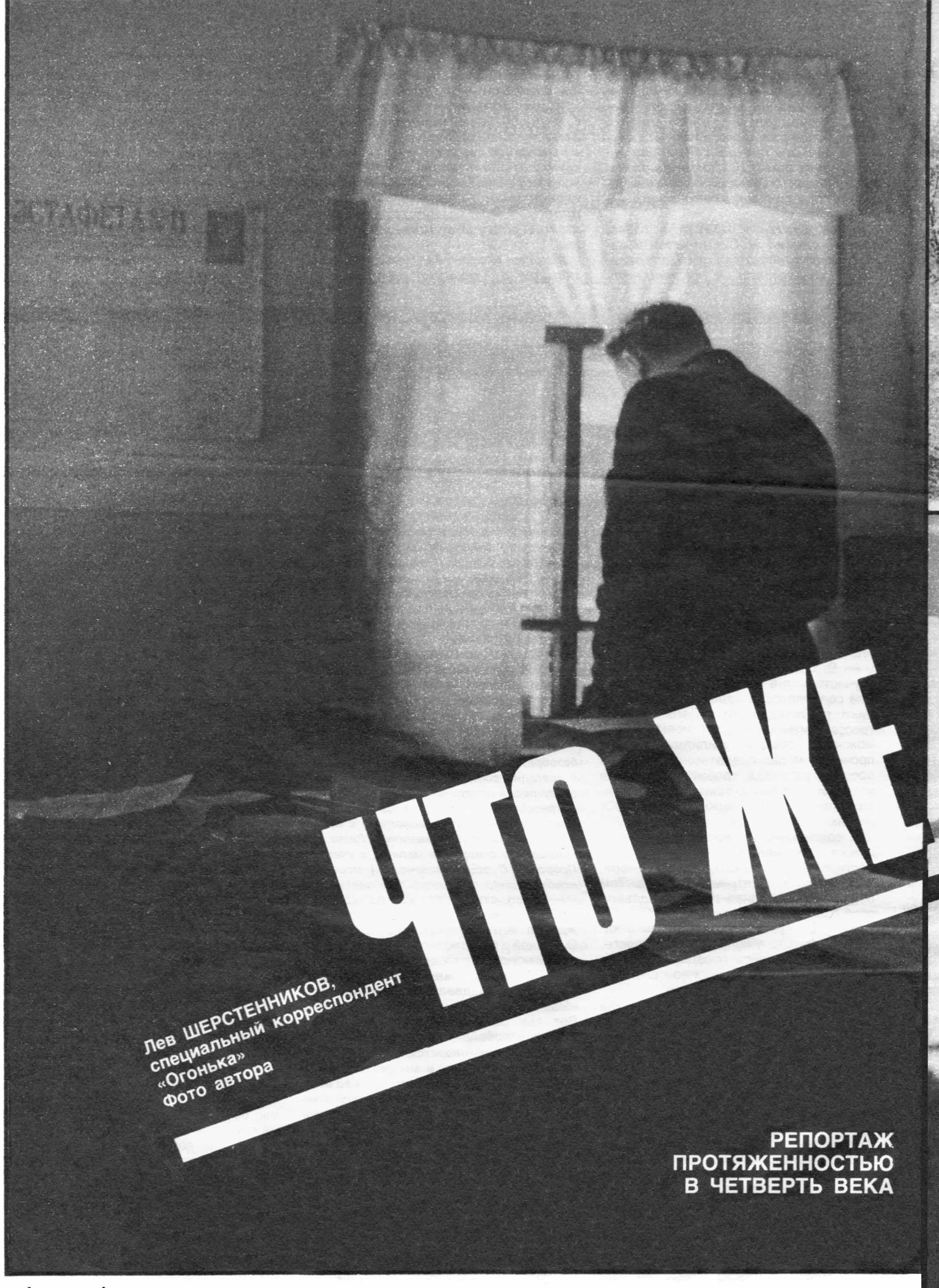
— Уважаемый шейх-уль-ислам! Не скрою, что я перехожу к самому основному вопросу нашей беседы, волнение мое понятно — я словно бы вижу миллионы людей, которые будут ждать Вашего ответа. Итак: хотели бы Вы при участии «Огонька» встретиться с Католикосом всех армян Вазгеном I?

— Последняя наша встреча была в Ростове 4 мая. Там были и представители других религий. Мы приняли Обращение к верующим Закавказья и Северного Кавказа. Но резонанса, на который мы рассчитывали, оно не дало.

Я уверен, что сейчас от нашей встречи с уважаемым Католикосом могло бы зависеть многое. У меня к нему личные симпатии, огромное уважение. Уверен, мы оба благодарим Всевышнего, что между нашими религиями нет вражды. Но жалкие попытки поссорить верующих были: достаточно вспомнить, что на одном из митингов на площади Ленина в Баку было поднято знамя ислама, даже портрет Хомейни — об этом писали в центральных газетах. Но я ответственно заявляю: эти провокаторы ничего общего с исламом не имеют.

— Нельзя ли конкретизировать Ваши намерения относительно такой встречи?

— Я предлагаю, чтобы встреча с Католикосом состоялась в Москве, на Центральном телевидении. Я хочу, чтобы это был откровенный, дружелюбный разговор, и чем скорее, тем лучше. Более того, хотелось бы, чтобы нам предоставили «Прямую линию» — пусть люди звонят, задают нам вопросы и получают конкретные ответы. Сколько сплетен мы смогли бы развеять, сколько преград на нашем общем пути убрать! Если эта встреча сблизит хотя бы одного азербайджанца и одного армянина, если она спасет жизнь хотя бы одного человека — и тогда она будет полезной. Но вы понимаете, конечно, что я рассчитываю на большее. Мы можем и должны идти навстречу друг другу.

ЧТО ЖЕ ВЫ...

Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»
Фото автора

РЕПОРТАЖ ПРОТЯЖЕННОСТЬЮ В ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

Фотографии, помещенные на этих страницах и на страницах последующих, разделяет ровно четверть века. Когда снимались первые, еще не были изношены военные шинели, еще не вышел на экраны фильм «Председатель», не были забыты «палочки»-трудодни, которыми колхоз рассчитывался в конце года со своими работниками. Еще только обкатывались на языке термины «денежная оплата» и «хозрасчет». Председатель колхоза «Комсомолец», что под Курском, Анатолий Мартынов готовился к первому своему отчетному собранию и видел впереди немалые перспективы. А бабы в это время распевали частушки:

Урожай, не угрожай,
Мы тя не боимси-и,
Мы работать здоровы,
А получать ленимси-и!..

Вот и промчалась четверть века...

Опять метет поземка, зализывая редкие темные пятна кустов да деревьев. Слезятся мокрым снегом окошки колхозного правления. Вот и председателя я себе таким же представлял: фигура осанистая, но не погрузневшая еще. Сейчас повернется к окну, взглянет из-под занавесочки наружу, как глядел на той фотографии 25 лет назад... А впрочем, обманываю я себя. Знаю, и окошечки не те — совсем другое здание правления, хотя по-прежнему не помпезное, да и поставлено в другой деревне. И район совсем не тот: прежний

,МУЖИКИ!

В ТОТ ПЕРВЫЙ НАШ ПРИЕЗД В МЕСТНУЮ ШКОЛУ БЕГАЛО СВЫШЕ 700 РЕБЯТИШЕК. А СЕЙЧАС — 66 УЧЕНИКОВ. ДЕТИ ИЗ ВОСЬМИ ПОСЕЛКОВ «КОМСОМОЛЬЦА» ДА ЕЩЕ ИЗ ДВУХ ОТНОСЯЩИХСЯ К ДРУГОМУ КОЛХОЗУ. КТО Ж ИЗ ЭТИХ РЕБЯТИШЕК ОСТАНЕТСЯ В ДЕРЕВНЕ? ВЕДЬ БЕЗ НИХ ЕЕ НЕ ПОДНЯТЬ! ВОТ ОНА, БОЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСКАЯ.

Щигровский разукрупнили на три, и теперь «Комсомолец» оказался в Черемисиновском. И председатель давно уже не тот. А вот платочки у баб — те же. И та же манера носить их.

— А я ведь вас помню. Только вы не один приезжали...

Верно, не один был — с коллегой. Неужто ж эта женщина и вправду помнит? Столько воды утекло: серебряные свадьбы успели сыграть тогдашние молодожены.

Галина Михайловна Устинова, помощник бухгалтера, перебирает с нынешним председателем Виктором Степановичем Шатохиным стародавние фотографии, прихваченные мной, и ведет скорбный счет утрат.

— Померла Ульяна, давно уже померла Красникова.— Это та, насупленная старуха в черном платке, со строгим монашеским взглядом. Снимал я ее на отчетном собрании. Что она думала в ту минуту, когда молодой, новый председатель рисовал колхозные перспективы? Верила, поди? Вряд ли. Слишком строг взгляд, слишком плотно сжаты губы, слишком много морщин спеклось на ее лице. А вот молодая, стоящая за ней, может, и верила. А может, просто усмехалась про себя: мол, поживем — увидим. Ну, как, увидела, Лена Головина? А то сама уж старухой стала, на пенсию вышла.

— И Татьяна Ивановна померла,— продолжает Устинова,— вот она, сидит в дверцах, и теленочек из-за нее выглядывает.— Дочка у нее учительницей была — Александра Ферапонтовна Красильникова, вы тогда еще у нее на постой становились. Так вот учительница, схоронив мужа, уехала. Так кто же теперь скажет куда? И Вера Хохлова уехала, она в журнале тогда была неверно названа — Холодова — молоденькая такая, и снимок был ее напечатан. Недолго она тогда проработала экономистом. А знающая была... Да и Анатолия Филипповича, бывшего председателя, след уже затерялся. Говорят, он не только из района, но и из области уехал. Чего уехал? Да кто его знает. Обычное, наверное: с начальством не поладил. А председатель хороший был, да и человек уважаемый...

А Виктор Степанович Шатохин молчит, рассматривая лица, думает свою председательскую думу. Вспоминает. Нет, не людей — они и так не забыты. Сколько он рядом с ними проработал? Вот с тем же Прокофием Антоновичем Черниковым, что с войны носил повязку на глазу. Когда Виктор пришел в колхоз, а случилось это летом того же 1964 года, Черников работал и завтоком, и завскладом,— порядочный был мужик. Жаль, теперь нету, время унесло. А разве Анатолия Филипповича не жаль — председателя, к которому он тогда специалистом пришел, участковым агрономом. Запомнился и первый урок, который дал председатель. Пришло указание из района: в такой-то срок, там-то и тем-то отсеяться. Не по весне было, не по погоде. Что поделаешь? Выполняй директиву. Ну и не устоял молодой агроном, выполнил. А потом председатель его ж с песочком и продрал: «Я-то тебе приказал, а ты что сам не соображаешь, как надо лучше дело сделать? Мне приказали, я тебе должен приказать, а ты хозяин на земле: крутись, а дело не порть. Значит, и сам думать должен...»

Мартынов и строиться людям позволял, и материалом помогал, как мог. И совсем не так слепо, как на себя наговорил, спускал вниз приказы, идущие сверху. Болел за колхоз, думал. Потому и показался начальству строптивым. А такого скрутить недолго. И причину можно найти. После Мартынова Гринев пришел председательствовать. Тоже дельным оказался мужик. Сказал как-то на пленуме райкома: не станет, мол, выполнять квартальный план по сдаче мяса, чтоб хорошо выйти с годовым,— бычков докормить надо. «Ах ты, такой-разэдакий,— посыпались слова.— Проводить неверную линию?» Ну и распрямили ему эту линию. А в вину председателю поставили: дескать, дом себе построил. А он и трех недель не прожил в новом жилье — плюнул на все, собрал чемоданы свои да и уехал. Потом председательствовал Николай Иванович Алифанов, тоже оказался неплохим мужиком и тоже недолго усидел в председательском кресле. Пружина там, что ли, какая в этом кресле или катапульта? Только кнопочку-то ту не сам нажимаешь, а тот, кто повыше тебя сидит. Ну да Виктору Степановичу грех жаловаться: восемнадцатый год председательствует, а никому пока кнопочки от его катапульты не удалось нажать.

Незавидна председательская должность. Сколько писано, сколько говорено, а по-прежнему: какой председатель хозяин? Хлеб произвел,— свези его весь по установленной тебе цене. А потом обратно привези часть его в виде того же комбикорма, только по цене уже значительно возросшей. Вон стоят, прикрытые снежком, несколько «Колосов» да «Нив». Комбайны как комбайны. Работают несколько недель в году, а держатся несколько лет — дорогая, в общем, штука, обременительная для бюджета.

«Комсомолец» — колхоз не из последних в районе. И хлеб неплохой — по 34 центнера с гектара берут, и свекла на уровне — немного совсем до четырехсот центнеров не доходит, и даже производство мяса рентабельно. А концы с концами едва сходятся. То денег для расчета по зарплате не хватает, то из долгов не выкрутятся.

— Пришли ко мне как-то два «ежика» (это председатель так предприимчивых мужичков называет). Дай, говорят, нам сто гектаров, дай семена лука.

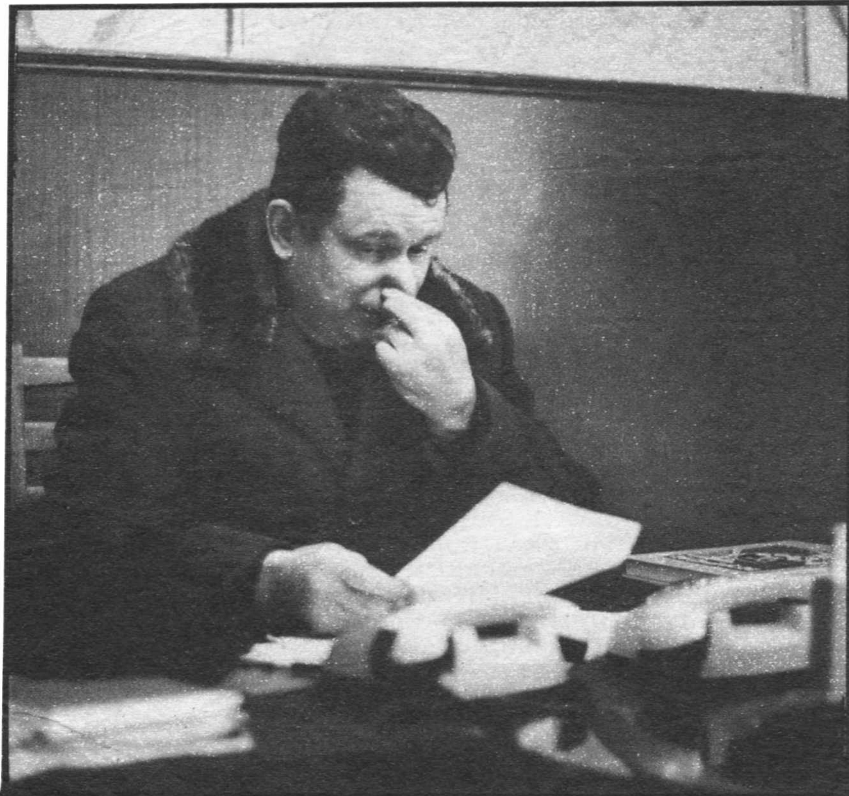
Мы его посеем, соберем, продадим — это все наша забота. Единственный уговор — 15 процентов от выручки нам. Тут и зарплата, тут и все расходы «ежиков». Прикинули мы — на четыре миллиона оборот получается, 600 тысяч из них арендаторам отдать. Разве ж это не выгода? А банк ни в какую. «Вы что там,— такие деньги отваливать — все с ума посходили?»

Появился в деревне водопровод. Асфальтовая дорога пролегла на четырнадцать километров, связав основные поселки колхоза. В домах, куда я заходил, в общем-то разных, богатых, в первую очередь хвастались дорогой и водопроводом как главными достижениями в колхозе. А в иных домах просто говорили: «В церкву надо за это дело идти благодарить!» А председатель грустно посмеивался: «Строил и думал: сейчас посадят или потом?» За что сажать? За доброе дело? Вот-вот, за него-то и сажали таких «ловкачей», что для хозяйства, для людей старались...

И вот опять хозрасчет, опять стимулирование рублем. И еще — аренда.

— Опоздали мы с ней лет на двадцать,— сокрушается председатель.

Нет, не за всю страну он говорит — за свой колхоз отвечает. Заглянул я в один из коровников. Стоят буренки в тепле, хвостами покручивают. Не бетонный дворец для них сооружен —

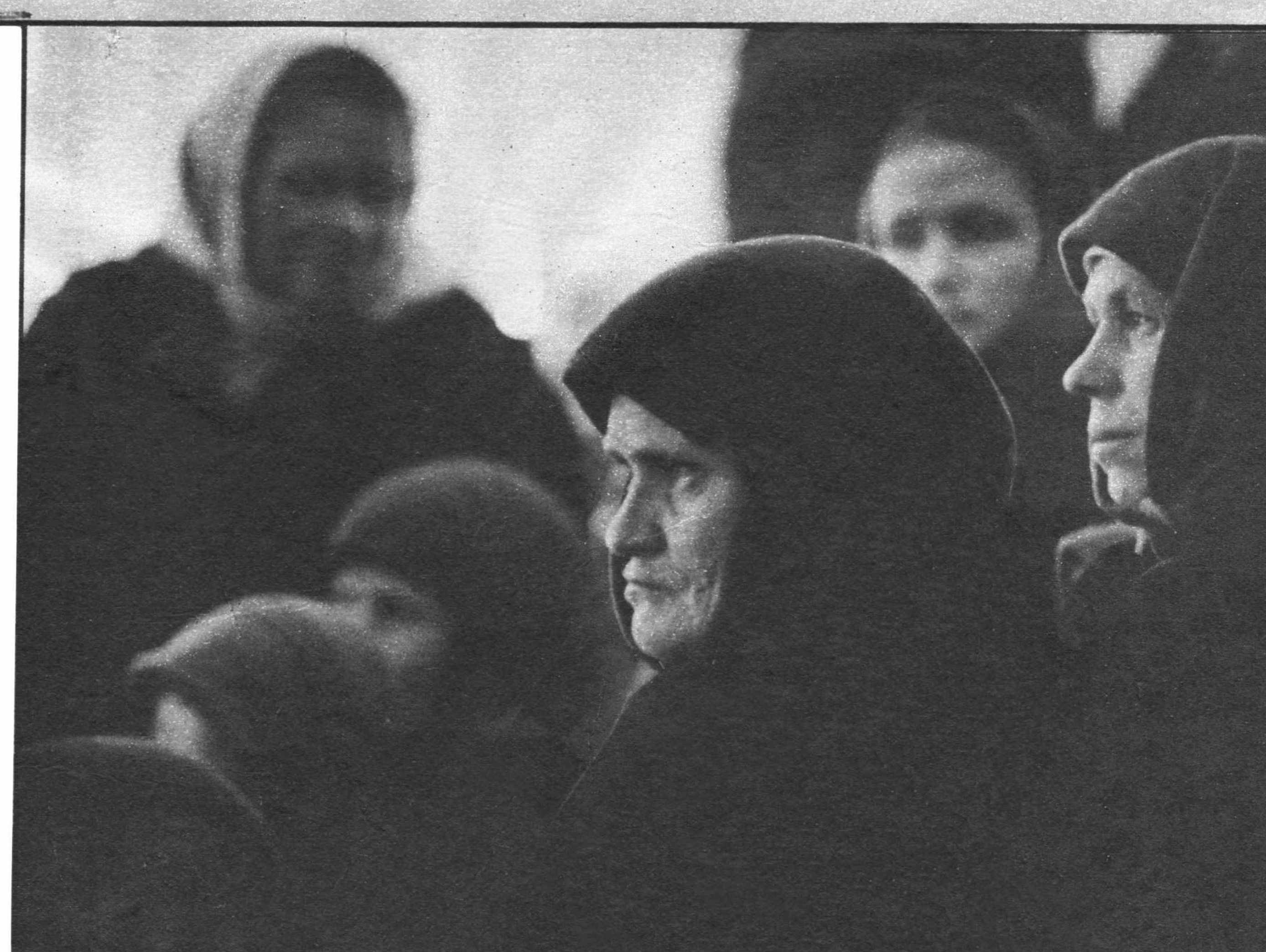
теплое невысокое строеньице с мазаными стенами — чего лучше? Телята в таком же помещении подрастают. Доярки хлопочут, скотники. Идет дело. Получают свою полную сотню рублей с небольшим — оно и ладно.

А рядом парень худощавый вкалывает. «Это наш арендатор». Арендатор — не арендатор в полном смысле, но чужачок, работающий по договору. Николай Деревянченко вместе со своим приятелем Андреем Борзуновым приехали из города. Взяли по сотне бычков, засучили рукава и прикинули: вырастят в намеченный срок, сдадут, по 800—900 рублей заработка в месяц может выйти. Но и работа!.. Каждому теленку по пятьдесят — шестьдесят килограммов корму перетаскай (а на всех тонн 12 за день), да напои их, да прибери за ними. А из всей механизации — только конвейер, оттаскивающий навоз. «Ну а вы-то что ж, мужики? Или не потянете?»

«Мне нельзя. Я при конвейере. А еще при котле»,— ответил один. А второй добавил: «Да и дома надо успеть: у него и так две коровы с телятами...» Так это же хорошо: коровы, хозяйство. Но только это в личном подворье. Свои там буренки и телята свои. И кормят они его, поди, сытнее, чем колхозные. Так, может, дать расширить ему это подворье, пусть еще телочек подкупит, бычков, а колхоз кормов подбросит. А то земельки подкинет, технику даст напрокат, а может, и продаст. Да договор заключит — себе не в убыток. Вот и выпорхнуло слово: хозяин. А что такое хозяин? Хозяин — барин. Хочу — произвожу, хочу — на печи лежу, посмеиваются мужики, но сразу же серьезнеют. Взял землю в аренду — плачу за нее столько, сколько с меня требуют. Моя забота, чем я за аренду расплачиваться буду. Ишь, чего захотел, да на таких-то правах и колхоз бы стал богатеть, дай ему волю. Стал бы выращивать только то, что ему выгодно продать. Стал бы покупать только то, что ему выгодно купить. Не государство бы отнимало у него по им же самим установленным ценам продукцию, не оно бы навязывало по сумасшедшим ценам свою, а по-джентльменски, на основе взаимной уважительности, на основе полновесного рубля, на основе действительных рыночных отношений. На основе реального, а не фиктивного хозрасчета.

●

ВЗГЛЯД ИЗ ПРОШЛОГО: НЕ БРОСАЙТЕ ДЕРЕВНЮ...

Александр КАМЕНСКИЙ

ОБ ОДНОМ ПОГИБШЕМ МУЗЕЕ

СПРОСИТЕ У ЛЮБОГО МОСКОВСКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА СТАРШИХ ПОКОЛЕНИЙ: ГДЕ НАХОДИЛИСЬ В ДОВОЕННЫЕ ВРЕМЕНА САМЫЕ ДОРОГИЕ И ЗАВЕТНЫЕ ОБИТАЛИЩА СТОЛИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ? РАЗУМЕЕТСЯ, ВОЗМОЖНЫ ОТТЕНКИ, НО БОЛЬШИНСТВО НАВЕРНЯКА НАЗОВУТ ЛЕНИНСКУЮ БИБЛИОТЕКУ, БОЛЬШОЙ ЗАЛ КОНСЕРВАТОРИИ, МХАТ, БОЛЬШОЙ, МЕЙЕРХОЛЬДОВСКИЙ, ВАХТАНГОВСКИЙ, КАМЕРНЫЙ ТЕАТРЫ, ТРЕТЬЯКОВСКУЮ ГАЛЕРЕЮ, МУЗЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ... И, КОНЕЧНО ЖЕ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ НОВОГО ЗАПАДНОГО ИСКУССТВА (ГМНЗИ), КОТОРЫЙ РАСПОЛАГАЛСЯ В ЗДАНИИ НА УЛИЦЕ КРОПОТКИНСКАЯ, 21.

Вне всякого сомнения, это был музей мирового класса, который в своем роде не имел равного не только у нас, но и в иных странах. Это не только мы так думали, но и авторитетнейшие из наших зарубежных гостей. Например, Ромен Роллан. Вот что он написал в книге отзывов, побывав в ГМНЗИ:

«Пробегая залы этого замечательного музея, я был удивлен и растроган, увидев вновь некоторые прекрасные полотна, которые очаровывали меня в молодости: Ренуар, Клод Моне, тогда только начинавший, и Сезанн, которого Воллар ревниво прятал в своих магазинах. Я жил в этот богатый период французского искусства, который был одним из наиболее славных периодов в истории живописи. Я счастлив, что вижу цветущей эту обильную, разнообразную французскую симфонию под дружественным небом СССР.

Ромен Роллан

29 июня 1935 года».

Можно привести немало отзывов подобного рода. Но что нам чужие мнения, даже если они принадлежат самым знаменитым людям. Мы-то сами тоже вроде бы не потеряли памяти и способности объективной оценки...

Как сложился московский музей нового западного искусства и что он собою представлял?

Пока еще не написана подробная история художественного коллекционирования в России. Жаль, ведь она могла бы поведать о настоящих подвигах во имя культуры, о высокой страсти целенаправленного собирательства и связанных с ней поисках и находках, захватывающем увлечении, гражданской самоотверженности. Кроме царственных особ, которые покровительствовали созданию коллекций из престижных соображений, собиранию художественных ценностей отдавали силы и средства люди совершенно различного общественного положения. Были среди них и представители просвещенной знати — Юсуповы и Шуваловы, Шереметевы и Мещерские, Горчаковы и Дурново, Строгановы и Вяземские. Собирали ученые: географ П. П. Семенов-Тян-Шанский приобрел такую замечательную коллекцию голландских мастеров кисти XVII века, что она и поныне лежит в основе соответствующего раздела Эрмитажа. Фантастическое по богатству собрание памятников древнеегипетской культуры и искусства (около шести тысяч экземпляров!) принадлежало выдающемуся египтологу В. С. Голенищеву — оно и посейчас составляет славу раздела Древнего Востока в московском музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, самое создание которого было делом жизни филолога и искусствоведа профессора И. В. Цветаева, отца Марины Цветаевой...

Но особую роль в русском (прежде всего московском) художественном собирательстве сыграли приобщенные к культуре купцы, которые отдавали музейному делу все свои богатства. О великой заслуге братьев Третьяковых перед отечественным искусством нет нужды говорить подробно — имена основателей прославленной галереи для всех нас святы. И, к слову, поэтому для меня звучит просто кощунственно недавно появившееся название «Всесоюзное музейное объединение «Третьяковская галерея». Помилуйте, что за дурная выдумка! Разве Третьяковская галерея — это торговая фирма? Промышленный концерн? Ведь эта галерея возникла и сложилась как хранилище русского классического искусства. Ни с кем ей не нужно объединяться, и когда она, многострадальная, откроется вновь после мучительного для всех нас, преступно долгого перерыва, то и должна оставаться в традиционном качестве, не принимая под свое крыло и свое имя что-либо совершенно ей чужеродное.

Но вернемся к московским купцам-собирателям предреволюционной эпохи. Нас особенно интересуют сейчас династии Щукиных и Морозовых, вложившие в свои художественные коллекции огромные средства. Сергей Иванович Щукин и Иван Абрамович Морозов главное внимание отдали собиранию произведений новой французской школы, живописцев и скульпторов конца XIX — начала XX века.

Сейчас вкусы этих купцов кажутся совершенно естественными. Но в свое время это было вовсе не так. Они покупали работы тех, кто не был в моде, решительно отличался от салонно-академических традиций, создавал абсолютно новые, еще не получившие широкого и прочного признания творческие концепции. Откуда у Щукина и Морозова могли появиться такие пристрастия, оказавшиеся пророческими? Как могло случиться, что эти московские дельцы оказались прозорливее многих современных им европейских и отечественных знатоков, ученых, критиков? Вопрос непростой, но, во всяком случае, очевидно, что представлять себе всех русских промышленников той эпохи этакими торгашами, которые думают лишь о наживе, по меньшей мере необъективно...

С. И. Щукин начал свое собирательство в 90-х годах XIX века, И. А. Морозов — десятилетием позже. Во многом их вкусы совпадали, но самый стиль коллекционирования был различен. Блистательно определил эту разницу один из прославленных критиков тех времен, А. Эфрос, в журнале «Среди коллекционеров» (1921, № 10): «...у Щукина парижские знаменитости кисти всегда появлялись как на сцене, в полном гриме и напряжении; к Морозову они приходили тише, интимней и прозрачнее. Когда по Парижу еще только начинала свой грохот новая репутация, Щукин широким жестом набирал все, что можно, и увозил в Москву... Морозов, наоборот, разборчиво и долго выискивал в новом художнике что-то ему одному видимое, наконец, выбирал и, выбирая, всегда вносил свою золотую поправку. «Щукинский мастер с поправкой Морозова» — я бы назвал это классической формулой новозападного нашего собирательства».

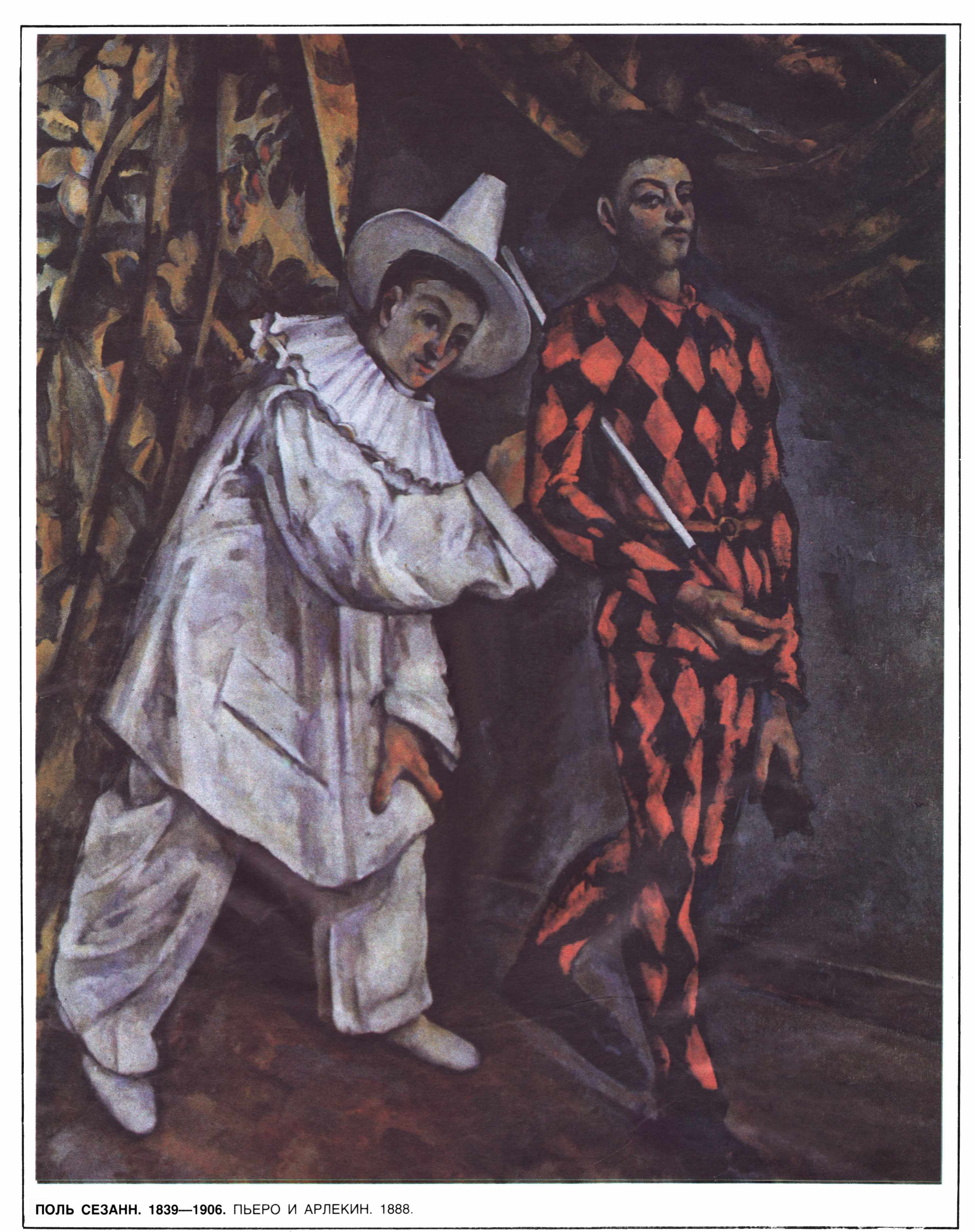
При всей разнице личных оттенков С. И. Щукин и И. А. Морозов делали одно общее, колоссальной важности дело: они не только знакомили Россию со всем лучшим во французском искусстве рубежа XIX—XX веков, но и вообще впервые воссоздали для всего мира поразительную по полноте и совершенству картину творческих экспериментов этого искусства. Вот несколько сведений, не требующих комментариев. В коллекции Щукина (как об этом свидетельствует книга П. Перцова «Щукинское собрание французской живописи», Москва, 1922) к концу собирательской деятельности коллекционера находилось 13 картин Клода Моне, 5 — Эдгара Дега, 4 — Винсента Ван Гога, 16 — Поля Гогена, 8 — Поля Сезанна, 7 — Анри Руссо, 26 — Анри Матисса, 50(!) — Пабло Пикассо, 16 — Андре Дерена. В Морозовском собрании было больше произведений XIX века (К. Моне, П. Ренуар, П. Сезанн, А. Сислей, К. Писсарро, А. Тулуз-Лотрек, Э. Дега, П. Гоген, В. Ван Гог), но коллекционер внес свой значительный вклад и в приобретение французских мастеров нашего века (А. Матисс, П. Пикассо, М. Дени, П. Боннар, А. Дерен и другие, причем Боннар, Дени, Матисс, а также скульптор Аристид Майоль выполняли некоторые произведения по прямому заказу Морозова). Еще в 1912 году известный критик Сергей Маковский восклицал в своей статье «Французские художники из собрания И. А. Морозова» («Аполлон», 1912, № 3—4): «Да, это культурный памятник, достойный пристального изучения и широкой популярности. Пусть идут в галерею Морозова художники и историки искусства,— перед ними откроются лучшие страницы французской живописи за последние десятилетия, живописи, поражающей искренностью и вдохновенностью художнических исканий...»

К Октябрьской революции собрания С. И. Щукина и И. А. Морозова завоевали авторитет, известность и признание. Новая власть высоко оценила культурное значение этих коллекций. Они были национализированы специальными декретами Совета Народных Комиссаров от 5 ноября и 18 декабря 1918 года. Оба декрета подписал В. И. Ленин, причем в декрете «О национализации художественной галереи Щукина» говорилось:

«Художественная Галерея Щукина представляет собою исключительно собрание великих европейских мастеров, по преимуществу французских, конца XIX и начала XX века и по своей высокой художественной ценности имеет общегосударственное значение в деле народного просвещения». Далее отмечалось, что сокровища галереи надо использовать «в соответствии с современными потребностями и заданиями демократизации художественно-просветительных учреждений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики».

Огромной важности документ! Это ведь не косвенные свидетельства или воспоминания о ленинских взглядах на искусство, а прямое, непосредственное их выражение. Так же, как и другие подписанные в 1918 году Лениным декреты, связанные с художественной жизнью — о национализации Третьяковской галереи, об установке памятников «великим людям в области революционной и общественной деятельности», о запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины, об упразднении Академии художеств (как реакционно-консервативного учреждения)... Оценка вождем революции французских мастеров кисти конца XIX — начала XX века как «великих», чье творчество имеет «высокую художественную ценность» и важно для «современных потребностей» культуры РСФСР, должно восприниматься как основополагающее для наших суждений на этот счет (не случайно вульгаризаторы и догматики, неспособные понять суть творчества названных «великих европейских мастеров», замалчивали эти ленинские слова).

Вскоре к сокровищам обеих коллекций был открыт доступ — Щукинская галерея стала первым Музеем нового западного искусства в особняке в Б. Знаменском переулке (ныне улица Грицевец, дом 8), Морозовская — вторым (улица Кропоткинская, 21). Зрители пришли в эти музеи соответственно осенью 1918 и весной 1919 года. С 1922 года музеи были административно объединены и какое-то время (отметим это) считались филиалом Музея изящных (ныне изобразительных) искусств с автономными правами. Но параллелизм в сложившейся ситуации оказался неоправданным. Как писал многолетний

ПОЛЬ СЕЗАНН. 1839—1906. ПЬЕРО И АРЛЕКИН. 1888.

ВИНСЕНТ ВАН ГОГ. 1853—1890. КРАСНЫЕ ВИНОГРАДНИКИ В АРЛЕ. 1888.

директор ГМНЗИ, замечательный искусствовед и общественный деятель Борис Николаевич Терновец в каталоге 1928 года: «Значение Музея Нового Западного искусства как первоклассного мирового собрания будет окончательно закреплено объединением его коллекций в общем здании». Это объединение произошло зимой 1928—1929 годов в морозовском особняке на Кропоткинской улице, который давно уже был специально приспособлен для музейной деятельности. Причем к этому времени в ГМНЗИ влились еще работы французских и других европейских мастеров из нескольких частных и государственных коллекций, в том числе две картины Эдуара Мане, отливки статуй Огюста Родена. В итоге строго отобранная, научно продуманная экспозиция давала в своем роде совершенное и неповторимое по своей цельности и полноте представление о новом искусстве европейского Запада, прежде всего Франции.

Музей начал жить большой, насыщенной жизнью. Он прекрасно посещался, устраивал выставки, выпускал альбомы и каталоги. Собрание постоянно пополнялось произведениями современных мастеров, причем известен случай, когда крупнейшие советские художники (в их числе П. Кончаловский, А. Куприн, К. Петров-Водкин, В. Фаворский, А. Тышлер) безвозмездно передали ГМНЗИ группу своих работ для обмена их на новые произведения иностранных мастеров, которые потом выставили в музее в качестве экспонатов. Так велик был авторитет музея, так горячо и искренне стремилась помочь его деятельности и его славе наша творческая интеллигенция...

В этой статье речь идет исключительно о трагической истории прекрасного музея. Разумеется, здесь нет возможности подробно остановиться на историко-художественном смысле и значении его экспонатов. Но хоть несколько самых общих определений по этому поводу дать необходимо, иначе останутся непонятными причины происшедшей катастрофы.

Музей нового западного искусства в Москве, если отсечь побочные и второстепенные явления, объединил три важнейших этапа эволюции французского искусства конца XIX — начала XX века.

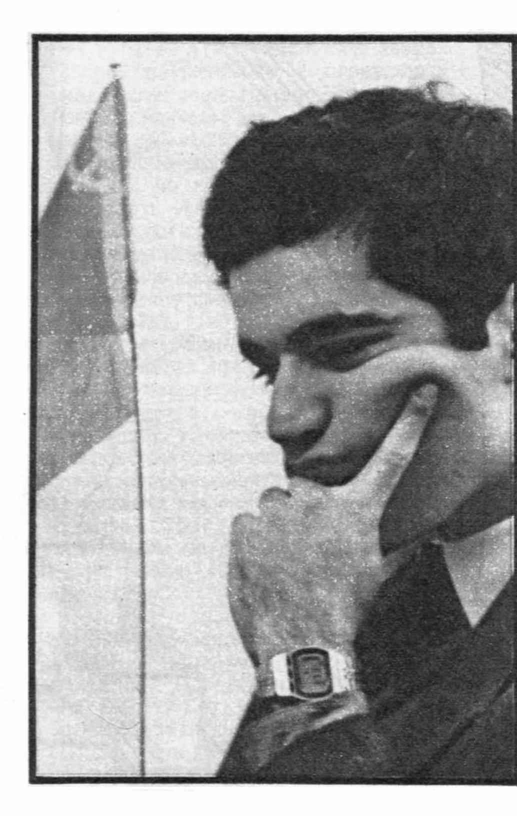
Первый из них — импрессионизм (от французского слова «impression» — впечатление — так называлась картина Клода Моне, написанная в 1872 году. Полное ее название «Впечатление. Восходящее солнце»). С легкой руки одного остроумца репортера эта картина дала название целому художественному направлению. Его представители, которые действительно стремились передать всю летучую неповторимость отдельных мгновений жизни, совершили «революцию художественного созерцания», как определил выдающийся русский критик Яков Тугендхольд (Марк Шагал по тому же поводу сказал еще более кратко и афористично: «Революция взгляда»). Они отказались от академической искусственности композиций, черноты тонов, внеся в живопись свежесть и живость естественных красок в их бесконечных, переливающихся сочетаниях. Еще важнее, что великий основатель импрессионизма Эдуар Мане, а вслед за ним Ренуар, Моне, Дега, Писсарро, Сислей и другие сумели найти феерически богатое и покоряющее своей чувственной прелестью зрительное соответствие новому человеческому восприятию мира, пришедшему после грандиозных завоеваний цивилизации во второй половине XIX столетия. Импрессионисты показали безграничность каждого мига жизни и условность временных границ, красоту обыденного и поразительное обилие непознанных и постоянно обновляющихся впечатлений бытия. В том-то и состоит грандиозное значение «революции» импрессионистов, что она была не только узкостилевой, сугубо художественной, но оказалась огромным и важнейшим сдвигом в человеческом самопознании.

При всем своем бескомпромиссном новаторстве импрессионизм никогда не отходил от святой верности натуре. Мастера постимпрессионизма (Сезанн, Ван Гог, Гоген), определяющие второй из этапов отраженной в ГМНЗИ эволюции европейского искусства, отошли от натурности в сторону свободно обобщенной трактовки действительности. Сезанн с фанатической последовательностью обнажает могучую архитектонику природы; мир его картин обладает «циклопической» кладкой, раскрывая внутреннее напряжение пространства, ощутимо весомое движение ищущей мысли. Ван Гог сумел придать обостренную, пульсирующую духовность каждому проявлению жизни, малейшей ее детали; полная яростного душевного пламени любовь ко всему сущему на свете и мучительная горечь неосуществленных надежд смешиваются в его картинах.

Третий, новейший этап упомянутой эволюции яс-

Продолжение на вкладке 3.

...— ЗНАЧИТ, ВЫХОД ОДИН — ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ?
— БЕЗУСЛОВНО. ПОРА РЕШАТЬ, ЧТО ВАЖНЕЕ —
ПЯТЬДЕСЯТ ОЛИМПИЙСКИХ МЕДАЛЕЙ ИЛИ ЗДОРОВЬЕ ВСЕЙ НАЦИИ...

КОРОЛЕВСТВО КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

О социальных проблемах советского спорта беседуют чемпион мира по шахматам Гарри КАСПАРОВ и обозреватель «Огонька» Валерий ВЫЖУТОВИЧ.

В. ВЫЖУТОВИЧ. *Я прочитал в одном из ваших интервью: «Иногда мне кажется, что я мыслю шахматными ходами. Не за доской, не во время матча, а даже в нормальной, обыденной жизни. Короткие, как выстрел, пешечные ходы, витиеватые — конем, безграничные маневры ферзя... Иногда форма для меня и есть содержание. Вот так и пришел к диалогу. К диалогу с самим собой. Вопрос — ответ. Сам спрашиваю — сам отвечаю».*

Как это понимать, Гарри? Или интерес журналистов к вам настолько иссяк, что вы перешли на самообслуживание?

Г. КАСПАРОВ. Не думаю, что интерес стал меньше, чем во времена борьбы за шахматную корону. Просто смена ракурса борьбы со спортивного на социальный отпугнула многих журналистов. Наверно, вы поймете из нашей беседы, кто и почему заинтересован компрометировать меня в ряде центральных изданий вот уже более года. Ввязываясь в газетную перепалку, мы лишь сыграем на руку тем, кто пытается за проблемой двух «К» скрыть свои антиперестроечные позиции.

В. В. *Должен предупредить, что «Огонек» не собирается брать на себя роль арбитра в затянувшемся конфликте Карпов — Каспаров.*

Г. К. А на мой взгляд, конфликта «К — К» как такового не существует. Мы зачастую игнорируем тот факт, что Система тоже оперативно реагирует на изменение политического и общественного климата в стране. Понимая, что топорное использование административной мощи сегодня крайне непопулярно, наиболее дальновидные апологеты Системы выдвигают на авансцену своих лучших представителей. Происходит незаметная для многих подмена понятий: незаурядный индивидуум начинает своим именем прикрывать деяния Системы. С этим процессом мы регулярно сталкиваемся сегодня в идеологической сфере противостояния старого и нового.

Должен признать, что в случае с Карповым этот замысел с пропагандистской точки зрения был реализован блестяще. Еще в застойные годы, вознесенный официозом на недосягаемую «идеологическую» вершину и став неотъемлемой частью Системы, Карпов принял новые правила игры и благодаря своим выдающимся спортивным качествам и достижениям сумел отвлечь общественное мнение от существа проблемы.

Сделав из Карпова политический противовес моей деятельности, Система тщательно заботится о поддержании безукоризненной репутации своего кумира в глазах населения. Парадоксально, но сегодня, когда любой руководящий работник не может быть застрахован от критики в свой адрес, в шахматах поставлен железный занавес на пути проникновения всякой нежелательной информации. А дальнейшее уже является делом техники — легко лгать, зная, что ответа все равно не последует. Но сегодня я не собираюсь оправдываться, ибо уверен, что дымовая завеса вокруг меня рассеется после первой же открытой дискуссии. Сегодня я намерен говорить о перестройке всей нашей спортивной системы. Точнее, о необходимости ее, ибо многое из того, что происходит в спортивном «королевстве», требует серьезных, глубоких перемен.

В. В. *Того же требует ситуация в экономике. Или, скажем, в здравоохранении. Или в науке. То есть спорт, хочу я сказать, страдает теми же социальными недугами, коим подвержены многие сферы нашей жизни. В нем отражаются все пороки Административной Системы.*

Г. К. В наше время спорт настолько социален, что перестройка в нем невозможна без перестройки основ нашей жизни. Спорт завоевал огромные аудитории. Народ, уставший от забот, хочет знать, кто же сейчас самый-самый. Самый лучший, самый сильный, самый быстрый. Плюс бурное развитие телевидения, которому требовался своего рода допинг в виде спортивных зрелищ. Ведь через спорт можно подать очень многое. Нельзя забывать и о рекламе. Как сделать ее наиболее доступной? Через спорт! Ведь когда человек знакомится с рекламой, скажем, во время трансляции футбольного матча, он скорее и легче сделает выбор. А реклама — это деньги. Значит, спорт начинает получать огромные средства на свое развитие... В Америке это произошло раньше, в Европе — на рубеже 60—70-х годов, когда спорт стал приобретать профессиональные очертания, когда стали появляться сверхмощные профессиональные клубы.

В США есть ряд видов спорта чисто американских: бейсбол, американский футбол, профессиональный бокс,— которые «работают» только на местную аудиторию. Даже если забыть о разнице между Америкой и Европой, все равно спорт остается одним из наиболее доступных способов воздействия на массовое сознание. Без спорта никакого движения на телевидении и в рекламе сейчас не происходит. Он вовлекает массы людей в имитацию действия. И помогает расслабиться. Оказавшись мысленно рядом со своими кумирами, люди хотят и сами испытать спортивные радости: побывать в бассейне, на корте, стадионе. И таких возможностей представляется немало.

В западных странах система социального страхования включает в себя сеть студенческих, коммунальных и других оздоровительных сооружений. Спорт, причем именно массовый спорт, находится под пристальным вниманием. Он, конечно, не совсем бесплатный. Но цены таковы, что открывают доступ к занятиям массовым спортом в хороших условиях всем слоям населения. Профессиональный и массовый спорт имеют, во-первых, четкое подразделение, а, во-вторых, разные источники финансирования. Причем деньги из профессионального спорта часто попадают в массовый, это нормально. Но никогда не бывает наоборот.

В. В. *Вы обрисовали западный образец спортивной жизни. А каковы взаимоотношения спорта с обществом в Советском Союзе?*

Г. К. В 30-е годы началось формирование новой спортивной системы. Люди хотели заниматься спортом. С энтузиазмом строили стадионы, занимались легкой атлетикой, сдавали нормы ГТО. Худо, однако, что система, сформированная тогда и ориентированная только на то время, сохранилась, с небольшими, правда, изменениями, в начале 50-х и середине 60-х годов.

После войны произошла определенная рокировка ценностей. Выход нашей страны на международную спортивную арену вызвал сильный соблазн политизировать спорт. Создалась обособленная когорта спортсменов, которая добивалась побед, прославлялась, получала призы. Начиная с 50-х годов акцент с массового спорта начинает смещаться в сторону лидеров и чемпионов. При этом база остается прежней. Ведь количество вкладываемых в спорт денег с учетом инфляции оставалось неизменным, хотя стоимость подготовки чемпионов неуклонно возрастала. Сначала пропорции соблюдались, массовый спорт еще жил, еще сильны были традиции 30-х годов. Но мы уже начали создавать касту лидеров. При этом никого не интересовало, что будет с рекордсменами и чемпионами после того, как они отработают свое. А спортивный век очень короток! Несчастной оказалась судьба многих выдающихся спортсменов 60-х годов...

В конце 60-х появляются первые признаки кризиса. Благосостояние народа повышается, и современных спортсменов-любителей не прельщает перспектива бегать босиком по полю. Нужна благоустроенная площадка, нужен приличный инвентарь... А условия эти не создаются. Больше того, база массового спорта начинает сужаться, поскольку все лучшее поглощает профессиональный спорт. Если на страну вместо ста тысяч бассейнов можно сделать только сто, то все сто будут работать на первую команду страны. Деньги, предназначенные на развитие массового спорта, расползаются по тем спортшколам

годы отчитывается и по новому пункту плана — сдаче валюты. Много ли мы зарабатываем? На профессиональном уровне — мизер. Могли бы больше? Конечно. Нужно шире открыть дорогу на Запад. Но как? Ведь у нас не существует реального статуса спортсмена. Кто такой спортсмен в наших условиях? Непонятно. Почему же чиновничий аппарат боится признать его профессионалом? Да потому, что тогда тот перестанет быть зависимым. А зачем же тогда Госкомспорт? Чем же будут заниматься его чиновники? Ведь сегодня от них зависит, кто будет тренером сборной и кто будет в ней играть. Любой бунт они подавят просто — не поедешь за границу, не включат в сборную страны. Если они признáют права спортсмена, если начнут разрешать выступать в западных клубах без всяких посреднических своих услуг, то как же и кем они будут управлять? Ведь тогда обнаружится их ненужность. И придется соглашаться на создание независимых федераций — Союза шахматистов, Союза теннисистов, Союза футболистов... Но чиновники Госкомспорта не хотят отдавать власть, потому что спорт их кормит, и кормит очень хорошо.

Госкомспорт использует в отношениях со спортсменами собственные инструкции, а не законы государства. Наш спортсмен сейчас вообще существо бесправное и безгласное, именно этим и объясняется, что Госкомспорт из двух направлений — коммерциализации и профессионализации — выбрал лишь первое. Заметьте, слово «коммерциализация», которое применительно к спорту, было у нас таким же ругательным, как и «профессионалы», сегодня в газете «Советский спорт» перекочевало из раздела «Их нравы» в рубрику «Наши достижения». Коммерциализация чиновников устраивает, потому что позволяет зарабатывать деньги. А профессионализация не устраивает, потому что тогда Госкомспорт теряет возможность управлять спортсменами административными методами.

Наше государство могло бы получать гораздо больше денег, если бы спорт развивался на профессиональной основе. Но руководство Госкомспорта категорически возражает. Возьмите историю с Заваровым, которого «продали» за пять миллионов долларов. Два миллиона получает «Динамо», один миллион — в госбюджет. И два миллиона — Госкомспорту. Два миллиона! Где вы в мире видели посредника, который получает сорок процентов?! Спорткомитет по-прежнему монопольно владеет «правом» на использование советского спортсмена, фактически не неся никакой ответственности за результаты и его спортивную судьбу. В случае неудачи отвечают руководители клуба, тренеры, кто угодно, только не Госкомспорт. Если что — виноват тренер, а формировать сборную и определять правила проведения чемпионата — прерогатива спортивного начальства. Тренер часто не может защитить спортсмена от чиновничьей расправы.

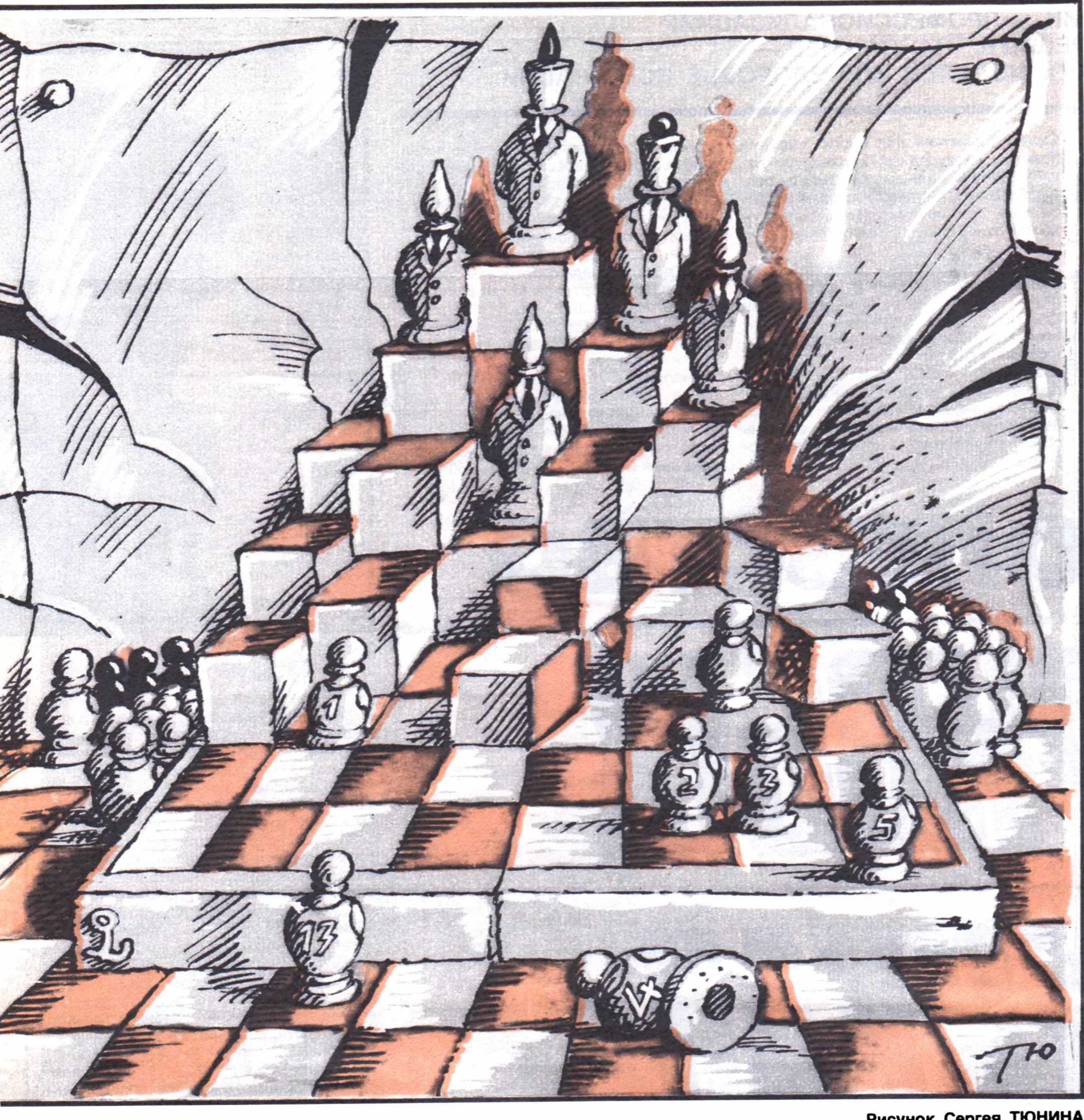

Рисунок Сергея ТЮНИНА.

и спортзалам, которые растят и воспитывают только чемпионов. Критерием работы тренеров становится выполнение плана по разрядникам и мастерам спорта. Никого не волнует, сколько детей пройдет через оздоровительную секцию, главное — разрядники и мастера. Это не только вал, потому что в данном случае требуется еще и качество. А в конечном счете все подчиняется одному — добывать медали.

Можно придумать миллионы значкистов ГТО, как это сделал бывший председатель Спорткомитета Сергей Павлов. Можно записать оптом всех, один раз в три года принимавших участие в пробеге, в значкисты. Но от этого количество людей, регулярно занимающихся спортом, не вырастет. Потихоньку деньги, предназначенные на развитие массового спорта, начинают обеспечивать только спорт лжепрофессиональный.

В. В. *Почему — «лже»?*

Г. К. Потому, что в отличие от западного профессионального спорта он сам себя не «кормит». Точнее, несколько чисто профессиональных видов спорта содержат все остальные. На что идут деньги, которые выжимают из тенниса, футбола, хоккея, велоспорта, баскетбола? На стрельбу из лука, стрельбу пулевую, пятиборье, борьбу классическую... Потому что там на подготовку нужны те же деньги. Не будем забывать — главный отчет идет по медалям. И в отчете все красиво выглядит. Это и есть вал, который губит советский массовый спорт. Вал, по которому долгие годы отчитывались и продолжают отчитываться чиновники Госкомспорта.

В. В. ***Знакомая картина. Точно так же отраслевые министерства содержат слабые предприятия за счет сильных.***

Г. К. При этом спортивные чиновники остались одним из последних отрядов бюрократии, которые открыто пропагандируют философию уравниловки.

В. В. ***Значит, массовый спорт хиреет из-за утечки средств к профессионалам?***

Г. К. Я об этом говорил с трибуны последнего профсоюзного съезда в феврале 1987 года. Всю ли правду мы знаем про наш массовый спорт? Почему, скажем, любой советский гражданин не может отвести ребенка в бассейн или в спортзал? И не сможет в ближайшем будущем, пока не будет сломан тот механизм, который позволяет чиновникам брать деньги из массового спорта. Вот почему я тогда ратовал за профессиональный спорт. Признав статус профессионального спорта, мы навсегда прекратим перекачку денег из массового спорта в профессиональный.

В. В. ***Но тогда и профессиональный станет хуже некуда.***

Г. К. Да, ряд видов понесут ущерб, и мы будем получать меньше медалей на Олимпиадах. Но давайте думать, что важнее — лишние пятьдесят медалей на Олимпиаде или здоровье всей нации? На этот вопрос у нас с вами будет один ответ, у чиновников из Госкомспорта — другой. Потому что с них спрашивали по другому счету. Между тем в мире не так уж много профессиональных видов спорта. Футбол, хоккей, баскетбол, шахматы, теннис, велоспорт, авто- и мотогонки, бейсбол, бокс... Легкая атлетика и плавание — это уже полупрофессиональные виды. Они дают большие финансовые поступления. Но не лично игрокам, а федерациям. С остальными видами спорта большая проблема. Пусть они развиваются, но не за счет массового спорта и в ущерб основным видам. Потому что в основных-то видах мы плетемся в хвосте. Тот же теннис взять. Число кортов в стране растет гораздо медленнее, чем призы, выигрываемые теннисистами за рубежом. Но деньги эти идут на содержание аппарата и на другие виды спорта.

В. В. ***Я не спрашиваю, контролируют ли спортсмены этот процесс, потому что ответ знаю заранее. Принося миллионные прибыли спортивному ведомству, наши чемпионы — люди финансово бесправные.***

Г. К. Перестройка в какой-то мере стала затрагивать эту сферу. Спорт достаточно финансово прибылен, и руководство Госкомспорта в последние

В. В. ***В таком же положении находятся и спортивные журналисты. Не угодил репортажем или статьей Госкомспорту — больше на международный турнир не поедешь. Таким образом из журналистов рекрутируется «обслуживающий персонал», готовый отрабатывать каждую загранпоездку отчетами, написанными по заказу...***

Г. К. Есть немало способов оплачивать послушание. Вы знаете, что в магазине «Олимпия» можно за девяносто рублей купить теннисную ракетку, которая «с рук» стоит четыреста — пятьсот? Ясно, что эту льготу чиновники Госкомспорта предоставляют отнюдь не самым строптивым спортсменам. А возьмите поездки спецгрупп на Олимпиады. Я боюсь ошибиться, но, насколько мне известно, из семидесяти человек, выезжавших в Калгари, большинство имели полностью или частично оплаченные путевки. Может быть, это были выдающиеся спортсмены? Нет,

Кто же поехал бесплатно? Нужные люди. Так что открыто выступить против Госкомспорта сейчас мало кто решится. Разве что ряд шахматистов, достаточно независимых. Хоккеистам, футболистам, баскетболистам это сделать гораздо сложнее. Если в команде кто-то и выскажет недовольство, его могут легко заменить. Но любое коллективное требование сделать независимой жизнь советских спортсменов привело бы к подрыву огромной власти, сосредоточенной в руках чиновников от спорта.

В. В. ***Как же, по-вашему, улучшить жизнь и укрепить самостоятельность спортсменов?***

Г. К. Узаконить их профессиональный статус. Распространить на спортсменов систему налогообложения. В основных профессиональных видах спорта создать самоуправление. Почему теннис обязан поддерживать пятиборье? Если престиж тенниса выше, то он и должен развиваться в первую очередь. Спорт следует перевести на самоокупаемость. Нужны государственные законы, препятствующие перекачке денег из профсоюзных фондов в фонды команд. Пусть это даже приведет к упразднению, скажем, какого-то количества футбольных команд вторых, пятых, десятых лиг. Пусть ударит по некоторым первым сборным страны, но другого выхода все равно нет, пока мы не сломаем структуру, работающую только на олимпийский вал и на медали.

В. В. ***Может, пора, наконец, предоставить спортсменам широкие возможности для работы за рубежом? Блохин, Заваров, Хидиятуллин, Дасаев и другие наши мастера прорубили окно в Европу, отчего честь советского спортивного флага вовсе не пострадала, как панически предрекали некоторые. Но давайте спросим: кто следующий? Контракты известных наших спортсменов с иностранными клубами — это исключение из правил или же новое правило?***

Г. К. Западный спорт сейчас — колоссальная общественно-политическая сила. Это сотни тысяч, миллионы болельщиков! Это целые финансовые империи, которые набирают мощь, вовлекают в свои ряды все большее и большее число людей. Если предоставить возможность прямых контактов, то возникнут взаимовыгодные связи. Но для этого необходимо узаконить профессиональный статус спортсмена и распространить на него общегосударственную систему налогов. Сегодня не может быть терпима ситуация, когда Госкомспорт использует при расчете со спортсменами собственные инструкции, а не государственные законы. Насколько я знаю мировую практику, СССР — единственная страна, в которой люди разнятся не по доходам, а по роду деятельности. Советское налогообложение предусматривает разный налог на разные роды деятельности, а не на разные доходы. Они, например, колеблются от 13 до 69 процентов в зависимости от рода деятельности. Как же это согласуется с Конституцией, которая гарантирует всем равные права?

Мы боремся даже не с высокими доходами, а с высокими доходами применительно к определенной части населения. У нас может быть композитор-миллионер, потому что у композиторов налог 13 процентов. Но у нас не может быть изобретателя-миллионера, потому что он, кроме более высокого налога, попадает под действие многочисленных ведомственных инструкций. Люди разных профессий проходят по разным графам налогообложения. Точно так же советские граждане делятся на категории по возможности получать заработок за границей. Почему мы все разнимся по категориям, а не по пользе, которую приносим стране?

До сих пор бытует порочная практика: вы не можете оставить себе ни копейки из заработанного за рубежом. Сдаете все деньги государству, а оно вам выплачивает столько, сколько сочтет нужным. За последние годы только Госкомспорт получил от меня более одного миллиона долларов. В сущности, никуда эти деньги я не сдавал, их у меня отбирали. В других государствах, уплатив один миллион долларов, вы знаете, что получаете взамен. У нас налоговая система пока никак не связана со льготами для населения. В принципе она носит феодальный характер. Объясните, почему Заваров или Дасаев «продаются» через Спорткомитет? Почему клуб, воспитавший спортсмена, затративший на него немалую сумму, не может выйти на прямые контакты с Западом? Почему он не может самостоятельно закупить оборудование? Почему требуется алчный посредник, который впивается в клуб, впивается в игрока и высасывает все, что может?

Кажется, в футбольном сезоне 1987 года спортсмены шести советских клубов, игравших в европейских первенствах, вышли на поле с одинаковой эмблемой одной малоизвестной итальянской фирмы. Все это видели по телевидению. Спрашивается: в каком случае больше денег получит государство — когда все шесть советских клубов, играющих в престижном европейском турнире, оптом «продаются» одной компании или когда все шесть будут «зафрахтованы» шестью компаниями? Ясно, что во втором. А в каком случае больше получит посредник? Ясно, что в первом. А кто был посредником? Госкомспорт!

В восемьдесят шестом году я стал первым советским спортсменом, имя которого на законных основаниях начало использоваться для рекламы. Я рекламировал шахматный компьютер фирмы «Салтек».

В. В. ***Сколько долларов вы получили за это?***

Г. К. Нисколько. Все деньги «прикарманены» Госкомспортом. Как мне там говорят, до сих пор нет государственного решения о том, как поступать с доходами спортсмена от западной рекламы. Первый взнос фирмы шахматных компьютеров за рекламу был сто тысяч долларов, а фирма «Швеппс» заплатила двадцать тысяч. Мне говорят, что я не получаю своих денег, потому что наши инстанции не решили, сколько же мне причитается! Впрочем, Госкомспорт постоянно ссылается на инструкции Минфина, которые не предусматривают подобного рода деятельности. И опять мы в тумане инструкций...

Нет, без слома существующей административной структуры нам не решить очень многих проблем. Повторяю: необходимо разделение массового спорта и профессионального. Категорически необходимо! Кроме того, требуется реорганизация самого комитета. Управляя огромным штатом сотрудников или разделив ту же организацию на подразделения, можно создавать видимость бурной деятельности. Денно и нощно решать, кого поставить на правый край сборной СССР по футболу. И при этом оставлять без решения кардинальные вопросы.

Мне кажется, Госкомспорт мог бы заниматься теми видами спорта, которые невозможно перевести на хозрасчет и самоокупаемость.

Главное, чтобы профессиональный спорт помогал развитию массового. И ни в коем случае не наоборот. Да, надо воспитывать звезд, но не за счет рядовых спортсменов.

В. В. ***Кстати, о звездах. Они, как нам усердно внушалось долгие годы, там у них кончают свою карьеру под забором. А тут у нас — другое дело. Сколько газетного елея пролито на эту тему! Между тем многие бывшие звезды нашего футбола и хоккея почивают отнюдь не на лаврах.***

Г. К. Неудачники есть и у них, и у нас. Да, Гарринча умер в нищете. Но жив Пеле, который процветает. Я думаю, и тут, и там все зависит прежде всего от личности спортсмена. Но никто, даже самый ярый защитник отечественного спорта, наверное, не станет возражать, что на Западе у любого большого спортсмена есть шанс после заката спортивной карьеры сделать карьеру деловую — на собственном имени или еще на чем-то. А вот у советских спортсменов таких шансов нет. Судьба Воронина, Численко, Альметова, Полупанова — печальное тому подтверждение. Подобный финал предрешен самой системой, сталинским взглядом на человека как на винтик в огромном государственном механизме. Стране нужны медали, нужен дурман побед. Сначала мы действительно часто и легко побеждали, потом это стало делать труднее и труднее. И чем дальше, тем решительнее Система отбрасывала все, что ей мешало. Если прежде она еще могла проявить хоть какую-то жалость, то, восходя «от победы к победе», становилась все более безжалостной. Значкистов ГТО можно придумать на бумаге. Олимпийские медали сочинить нельзя. Для этого требовались человеческие судьбы, которые без всяких колебаний бросались на алтарь советского спорта.

Такой путь был предопределен. Сначала сбор всех лучших под знамена сборной, потом ужесточение спортивного режима, потом отсечение всего, что не ведет к рекордам. И — логическое завершение: использование стимулирующих препаратов. Мы можем кричать на всех перекрестках, что это нам чуждо, что этого у нас нет, но это — есть! Просто нас еще не схватили за руку, а редкие «проколы» обычно игнорировались нашей прессой. Потребность в допинге появляется там, где перед спортсменами ставится жесткая «государственная» задача, которую надо выполнить во что бы то ни стало. Многое ужесточилось. Кстати, где чаще нарушают правила, в профессиональном спорте или любительском, в футболе, например? Кто чаще нарушает правила — советский футболист или западный? Ответ очевиден: советский. У нас можно безнаказанно оскорбить судью. У нас можно врубить по ногам и получить в наказание всего лишь красную карточку. На Западе красная карточка — удар не по самолюбию, а по карману. Профессиональный спорт жесток, но приучает к дисциплине. Наш же не просто жесток — он уродлив, ибо приучает к безнаказанности.

Вот сейчас «Огонек» стал писать о мафии, о рэкете... Неудивительно, что роли вышибал и боевиков там нередко играют бывшие спортсмены. Значит, что-то их толкает. Может быть, все та же система, которая сначала приучает к успеху, а затем выбрасывает на улицу. Такая система пропитана фальшивой идеологией, двойной моралью. Чтобы непрестанно доказывать успехами в спорте «преимущества нашего образа жизни», мы вынуждены были врать, потому что никаких реальных козырей у нас не было и пока нет. В детстве я видел, как подтасовывались результаты и состав участников на спартакиадах школьников. Это приходило сверху. Если возможны подтасовки и любые жертвы ради олимпийской медали, то подобное будет происходить и в республике, области, городе. Все, что допустимо во взрослом спорте, допустимо и в детском. Можно выжимать из человека все соки, можно толкать двенадцатилетних девочек на гимнастический помост и уродовать их. Можно колоть допинг, можно делать все, ибо спортсмен подавлен навалившейся зависимостью.

В. В. ***Кроме того, многие виды спорта испытывают на себе сановную опеку меценатов. Высокое покровительство гнет и ломает спортсменов.***

Г. К. Еще бы! Мы ведь часто заимствуем западное в уродливом виде. Спонсорство подменяем меценатством. Что такое спонсорство? Это открытая выдача денег. Это поддержка команды за рекламу «кока-колы» или «Адидаса». А у нас? Высокий деятель районного, городского или областного масштаба считает делом чести иметь команду. Где взять деньги? На большом заводе. То есть приписать ее к заводу, посадить на шею этого завода. Естественно, у завода не будет стадиона, рабочие не получат даже спортзала. Но будет команда. Команда, которую опекает Сам. Команда, за которую всем надлежит пострадать. И если она под угрозой вылета из своей лиги, все средства хороши, чтобы спасти ее. Вот это и есть наше извращенное представление о поддержке спорта.

В. В. ***Так же, как и политизация всех сфер жизни, спорта в частности, когда из каждой нашей победы в международном турнире выводится торжество социалистической системы над капиталистической. Комсомольские собрания перед решающими матчами, «патриотические» заклинания типа «такой хоккей нам не нужен»... Этот идеологический допинг ничем не лучше медицинского. И тут, и там — разрушительные последствия.***

Г. К. Вы правы. Ясно одно, административно-командный спорт — порождение административно-командной экономики. При правильной организации работы ДСО, спортивных клубов, союзов, при снятии ограничений на выезд спортсменов за рубеж (а это основной метод «управления» советским спортом) ненужность Госкомспорта в решении многих вопросов станет очевидной.

Монополия — единственная форма, в которой чиновники от спорта могут существовать. И наиболее яростно они сопротивляются попытке эту монополию нарушить.

Вот свежий пример. По инициативе Международной ассоциации гроссмейстеров в декабре прошлого года был проведен благотворительный матч в Мадриде между командой советских гроссмейстеров и командой гроссмейстеров остального мира. Призовой фонд — 160 тысяч долларов — передан Советскому Детскому фонду и ЮНИСЕФ (половина этой суммы передана детям Армении).

Скажите, почему с такой яростью накинулись на это мероприятие сторонники Госкомспорта? За рассуждениями, имели или не имели мы право называться сборной СССР, просматривалась главная претензия: почему турнир и выезд спортсменов за рубеж были организованы не Госкомспортом?! Шахматная федерация СССР заявила о своей полной непричастности к мадридскому благотворительному турниру. Поразительный нейтралитет в вопросах общечеловеческой морали!

В. В. ***Как я вас понял, вы безоговорочно сводите все проблемы перестройки в спорте к разрешению конфликта между личностью и Системой. Но на Западе о вас говорят: дитя перестройки. Выходит, вы тоже шахматный кумир аппарата, стоящего у власти?***

Г. К. Мне повезло в жизни, так как я принадлежу к левому крылу и по убеждениям, и по судьбе. По убеждениям потому, что я не мог принять царившую у нас долгое время авторитарную идеологию. И по судьбе — ибо только перестройка позволила мне одержать победу в борьбе за шахматную корону. Выиграв 9 ноября 1985 года свою самую главную шахматную партию, я не подозревал, что жизнь логически вовлечет меня в противоборство общественных сил, начало которому положила перестройка. В отличие от шахмат, это сражение не выиграть в одиночку. Сегодня нам всем пора выбраться из королевства кривых зеркал.

В. В. ***Что для этого требуется?***

Г. К. Разбивать зеркала.

КАФЕДРА ПЕРЕСТРОЙКИ: ДИАЛОГ С ЧИТАТЕЛЕМ

Так будет называться новая рубрика «Огонька». Потребность в научном осмыслении процессов перестройки, необходимость в глубоком и компетентном толковании на страницах журнала событий и явлений сегодняшнего дня, помноженные на неостывающий читательский интерес к социальным, экономическим проблемам нашей жизни,— все это и вызвало к жизни новую рубрику.

Как идет подготовка к предстоящим выборам в Советы? Обретают ли реальную плоть принятые дополнения и изменения в Конституции СССР? Что представляет собой наш прожиточный минимум? Почему падает покупательная способность рубля? Куда исчезают дешевые товары? Как отразится на жизненном уровне населения грядущая реформа ценообразования? В чем преимущества и издержки набирающей силу кооперации? На эти и другие актуальные вопросы социально-экономической политики ответят материалы нашей новой рубрики.

ДОРОГОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ

Гавриил ПОПОВ, доктор экономических наук, профессор

КАК «ВЫМЫВАЮТ» ДЕШЕВЫЕ ИЗДЕЛИЯ НА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Газеты, радио, телевидение переполнены тематикой, связанной с исчезновением дешевых изделий. В самом деле, где дешевое мыло? Где дешевые детские зимние пальто? Почему я для повседневной жизни должен приобретать чуть ли не пуленепробиваемые дорогие ручные часы? Почему диван, вчера стоивший 150 рублей, сегодня меняет вполне приемлемую обивку на очень дорогую, и теперь можно купить этот диван только за 250—300 рублей?

Ответ как будто напрашивается сам собой: началась перестройка, внедряется экономический механизм. Это при администрировании все было дешево, оно с деньгами не считалось. А теперь мы права предприятий расширили? Расширили. В росте доходов их сильнее заинтересовали? Заинтересовали. Так чего же вы хотите? То ли еще будет, когда настоящий рынок появится! Так что мужайтесь.

А те, кто не хочет мужаться, требуют решительных административных мер. Вызвать директоров заводов на административный ковер в министерство, напомнить им в обкоме, что их партбилет вовсе не пришит к костюму.

Я не буду комментировать тезис о дешевизне при Административной Системе — надо не забывать, сколько и чего брали у колхозов, сколько вырывали у природы, что дешевле всего ценилась жизнь каждого из нас...

Я не буду задавать и такой вопрос: с чего бы это в странах с рыночной экономикой полно дешевых товаров — во всяком случае, столько, сколько нужно покупателю?

Не время — после трех лет перестройки — напоминать иным ее «забывчивым» критикам, сколько раз в годы прошлого исчезали то вафельные полотенца, то махровые, то дешевая фарфоровая посуда, то обычные стеклянные стаканы. Мог бы рассказать, как в брежневские годы один рабочий прислал в ЦК партии два портрета В. И. Ленина — выпуска 1965 и 1980 годов. Портреты одинаковые, бумаги и краски те же, а вот цены...

Я исхожу из главной идеи: если внедряемый экономический механизм не смог помешать дальнейшему развитию типичного для времен Административной Системы процесса вымывания дешевых товаров, то решение можно найти только на путях развития самого экономического механизма.

Но прежде чем давать рецепты, надо все же попристальнее вглядеться в практику.

Итак, внедряем самостоятельность, заинтересованность, рынок... Как экономист, я знаю, что в таком механизме цены могут сильно расти, если какой-то производитель станет монополистом. Но наши предприятия по сей день ходят в кандалах из госзаказов, лимитов, централизованных цен, нормативов. Так что их монополизм пока не может быть главной причиной вымывания дешевого мыла, поскольку подавлен монополизмом центра.

В чем же тогда дело? Действительно, полный хозрасчет предопределяет интерес к выгоде. Но какой? Выгода и цена — вещи разные. При нормативном (типичном сегодня) хозрасчете выгода — это прибыль, то есть разница между ценой и себестоимостью. Коли в одном рубле цены дешевого мыла прибыль составляет 5 копеек, а в рубле цены дорогого мыла — 3 копейки, то выгоднее делать при прочих равных условиях именно дешевое мыло. И дорогое пальто будет произведено не потому, что оно дорогое, а только тогда, когда каждый рубль цены этого пальто принесет относительно большую прибыль, чем рубль дешевого пальто.

Почему же у нас постоянно производятся именно дорогие вещи? Ответ один: нет у нас полного хозрасчета. Не прибыль сама по себе интересует наши предприятия — иначе бы делались и дешевые вещи — как и везде в мире рыночного хозяйства, самостоятельности и спроса потребителей. Но у нас все еще нет ни подлинного рынка, ни спроса как решающего фактора. У нас цель прежняя, логичная для администрирования — добиться роста объемов выпуска — в тоннах ли, в рублях. Господствует цель, которую я в шутку называю «валом Валового», чтобы отметить заслуги одного из непримиримых критиков вала, Д. Валового, недавно выступавшего в «Огоньке». И только в свете объемных показателей начинается подсчет выгоды предприятия.

А в мире вала дешевое мыло всегда менее приемлемо, чем дорогое, особенно если его делать почти что из одного сырья или на одном и том же оборудовании. В этом мире вала оправдан и любой способ вздуть цену. А если этого уже нельзя делать — остается просто перестать производить дешевое изделие.

Центр думает о приросте объемов производства товаров. Суммы рублей навязываются министерствам, а они их «спускают» предприятиям. На бумаге получается рост, и можно себя успокоить: миллиарды зарплаты «покрыты» миллиардами рублей выпуска. А в жизни как набрать эти миллиарды? Рано или поздно очередь доходит до дешевого мыла. Иной логики в этой системе нет.

Немало организаций вносят свою лепту в вымывание дешевых товаров. Госплан дает госзаказы на товары в миллиардах рублей. Госснаб «не видит», что эти заказы не обеспечены ресурсами. Госкомцен «закрывает» глаза на то, что в ценах дорогих товаров заложена бо́льшая выгодность, чем в ценах дешевых. Министерства «забывают» включить в детализированный госзаказ именно дешевые изделия. И все — ради объемов, ради пятилетки, «ради народа»...

В итоге предприятиям запрограммирован один путь: «произвести» как можно больше рублей — даже путем смены обивки на мебели или воротника на дешевом пальто.

Спрашивается, а зачем так действуют централизованные ведомства и министерства? Они что, не видят, что происходит? Как правило, видят, хотя процент больных ведомственной слепотой весьма велик к моему доброму знакомому Святославу Федорову со всеми его конвейерами тут не управиться... Но и те, кто видит, как выяснилось, не готовы на деле перейти к действительно новому экономическому механизму.

Поэтому не перестройка «смыла» дешевое мыло. Дешевые изделия, как в течение всех прежних пятилеток, продолжают исчезать там, где хозяйственному аппарату Административной Системы удается «оседлать» перестройку.

И пока не избавимся от этого «седока», мы обречены на вымывание дешевых товаров и на призывы к административному кнуту для защиты интересов народа. Но по горькому опыту прошлых лет мы знаем, что малейшие уступки администрированию в экономике, какими бы благоразумными целями они ни прикрывались, неизбежно срывают генеральную перестройку в хозяйстве, и одновременно ведут к сохранению администрирования в других сферах общества.

КАК «ВЫМЫВАЮТ» НИЗКИЕ ЦЕНЫ В КООПЕРАЦИИ

Многих возмущает чебурек ценой 50 копеек. Или отечественные десяти-

рублевые футболки, ставшие тридцатирублевыми благодаря появившимся на них «неотечественным» надписям. В таких случаях в сторону высоких цен дуют устойчивые ветры критики, но настоящие бури поднимаются тогда, когда цены кооперативов... ниже государственных.

Свежий случай. Кишиневская организация проектирует системы механизации и автоматизации бухгалтерского учета. Организация хозрасчетная, оказывает услуги за плату. За одну из работ, заказываемую по линии Госагропрома, запросила полтора миллиона рублей. А кооператив «Темп» (включающий ряд работников этой же организации) за примерно такую же работу запросил всего 400 тысяч. Да и в других случаях этот кооператив брался выполнять заказы по ценам вдвое-втрое более низким и в сроки вдвое — вчетверо более короткие. Все условия для конфликта налицо. Состоялось расширенное заседание администрации, совета трудового коллектива и профкома. Искали доказательства «промышленного шпионажа», похищения «секретов фирмы». Дело дошло до прокуратуры. И вся эта буря гонений на членов кооператива была вызвана одним: цены на работы он заставил снижать. Так, за проект, первоначально оцененный в 1,5 миллиона, пришлось запросить всего триста тысяч. Кооператив — одним своим существованием — сберег государству 1 миллион 200 тысяч рублей.

Еще один пример. В каком-то южном городе, кажется, Одессе, фотографы-кооператоры за свои услуги во время церемоний бракосочетания установили цену существенно более низкую, чем та, которую практиковали фотографы из государственной организации. Но думаете, местные органы обрадовались низким ценам? Нет. Они... обрушились на кооператив.

Третий пример. В одном городе автолюбители создали кооператив. Картина обычная, такси ведь не хватает. Кооператоров нелюбезно встретили таксисты. Тоже естественно: кто же любит конкурентов? Но дальше произошло нечто новое. Кооператоры посягнули на святая святых: они снизили расценки за километр пробега и за час стоянки. И тут на кооператоров пошло в атаку начальство из горисполкома. Оно, конечно, не против кооператива. Оно только за то, чтобы подчинить кооператоров таксопарку. Подчинили, заставили жить по нормам таксопарка, и вопрос о низких ценах отпал, да и кооператив, по существу, развалился.

Пример четвертый. Чем, как не желанием государства заранее обеспечить завышенные цены у кооператоров, можно объяснить, что цена «КамАЗа», например, для кооператоров-строителей в пять раз превышает его цену для государственной стройорганизации? Если сахар и муку кооперативы покупают по розничной цене, а предприятие общепита со скидкой в 25 и 35 процентов соответственно? Мясо для чебуреков общепит получает со скидкой в 15 процентов, а кооператоров вообще не пускают в магазин, иди на рынок! А ведь есть материалы, которых на рынке нет вообще, а кооператорам не разрешено приобретать их у государственных организаций. Отсюда и высокие цены у кооператоров, а точнее, именно мы оплачиваем государству все эти «заботы». Заодно мы оплачиваем и все вытекающие из этих забот обходные «пути», с помощью которых кооператоры все же «добывают» в госсистеме и мясо, и другие изделия из «запретного» списка. Но итог один: кооперацию государство заранее ставит в позицию, далекую от идеи снижения цен.

Откуда такая ненависть к самой идее кооперативных цен, более низких, чем государственные?

Может быть, дело в желании «стричь» кооперативы, а точнее, через них «постричь» и наши с вами доходы? Этот фактор, конечно, присутствует. Но нельзя его абсолютизировать. Ведь задушенный горисполкомом кооператив автолюбителей платил немало этому же горисполкому. Так что дело, видимо, не в заботе о получении больших доходов от кооператива. Что-то тут другое.

Я не склонен удовлетвориться и объяснениями типа тех, что на таксистах и фотографах государственного ателье «подкармливались» по левым каналам иные деятели местных органов. Возможно, это и так. Но если честно, то эти деятели могли бы «кормиться» и за счет кооператоров. Почему же им «милее» государственные организации?

Есть глубинные, главные факторы. Когда цены кооператоров выше государственных, монополия и всевластие госсектора не нарушаются. Кооператоров клеймят, но их терпят, так как они дополняют, возмещают то, до чего у государства «руки не доходят».

А вот если цены кооператоров ниже государственных, то под угрозой оказывается не просто таксист или фотограф. Под угрозой оказываются не просто таксопарки или фотоателье. Под угрозой оказывается вся Система.

Но, если разобраться, кому в этой Системе реально угрожают низкие цены кооператоров? Потребителю? Смешно. Может быть, таксистам и фотографам? Но ведь они-то из-за повышенной госцены получали какие-то крохи. О проектантах и уровне их зарплаты говорить тем более не приходится. Львиная доля высоких цен идет не работникам, а тем органам, которые учат работника работать, воспитывают его, словом, руководят. Так что, по здравому размышлению, таксисты должны не кооператив, а свою заскорузлую систему клеймить и требовать перевода таксопарка или на аренду, или в режим кооператива.

А вот всей пирамиде органов хозяйственного (и не только хозяйственного) управления, в целом аппарату низкие цены кооператоров — угроза серьезная. Если фундамент этой пирамиды — государственные предприятия начнут разоряться или перейдут на аренду и другие формы реального хозяйственного расчета, то пирамида нынешней бюрократии останется без основания. Кому, в самом деле, будет нужен соответствующий отдел в горисполкоме, если под ударами низких цен кооперативов погибнут все государственные таксопарки?

При снижающихся ценах аппарат, созданный для администрирования, подвергнется наиболее радикальным изменениям: с упразднением массы ненужных при экономических методах и структур, и штатов. И что особенно пугает иных руководителей: новый механизм довольно скоро может потребовать и более искусных механиков, и более талантливых рулевых. Вот почему они согласны на что угодно, даже на рынок и демократию, только если при этом останутся при своих постах.

За беспощадной войной всего аппарата с самыми первыми, самыми робкими попытками кооператоров устанавливать низкие цены, за стремлением навязать перестройке меры, приводящие к вымыванию дешевых товаров, стоит одна из генеральных проблем нашего развития: способен ли нынешний аппарат организовывать перестройку и какую именно?

Вымывание дешевых товаров, вымывание низких цен имеет, как мы видим, одну и ту же причину: стремление аппарата, созданного периодом торможения, любой ценой удержаться, чего бы это ни стоило стране, навязать свой вариант перестройки, как бы это ни замедляло развитие.

Путь борьбы за низкие цены один: решительная демократизация, конкурсная система выборов депутатов Советов с обязательным наличием нескольких кандидатов на один мандат. А затем реальный контроль сформированных таким образом Советов над аппаратом вместо нынешней ситуации, при которой аппарат на деле контролирует Советы. Поэтому подлинный выход только в одном — политическом разгроме бюрократизма в ходе демократических выборов и создании тем самым гарантий для самых радикальных форм экономической перестройки. И тогда утвердятся те самые рыночные формы, при которых во всех странах и во все времена дешевые товары и низкие цены приносили производителям такую же выгоду, как и дорогие. И тогда в аппарате трудно придется наездникам, готовым браво гарцевать на поле повышения цен. Реальные шансы удержаться в седле будет иметь тот, кто сможет отчитаться перед депутатами, как ему удалось содействовать снижению цен.

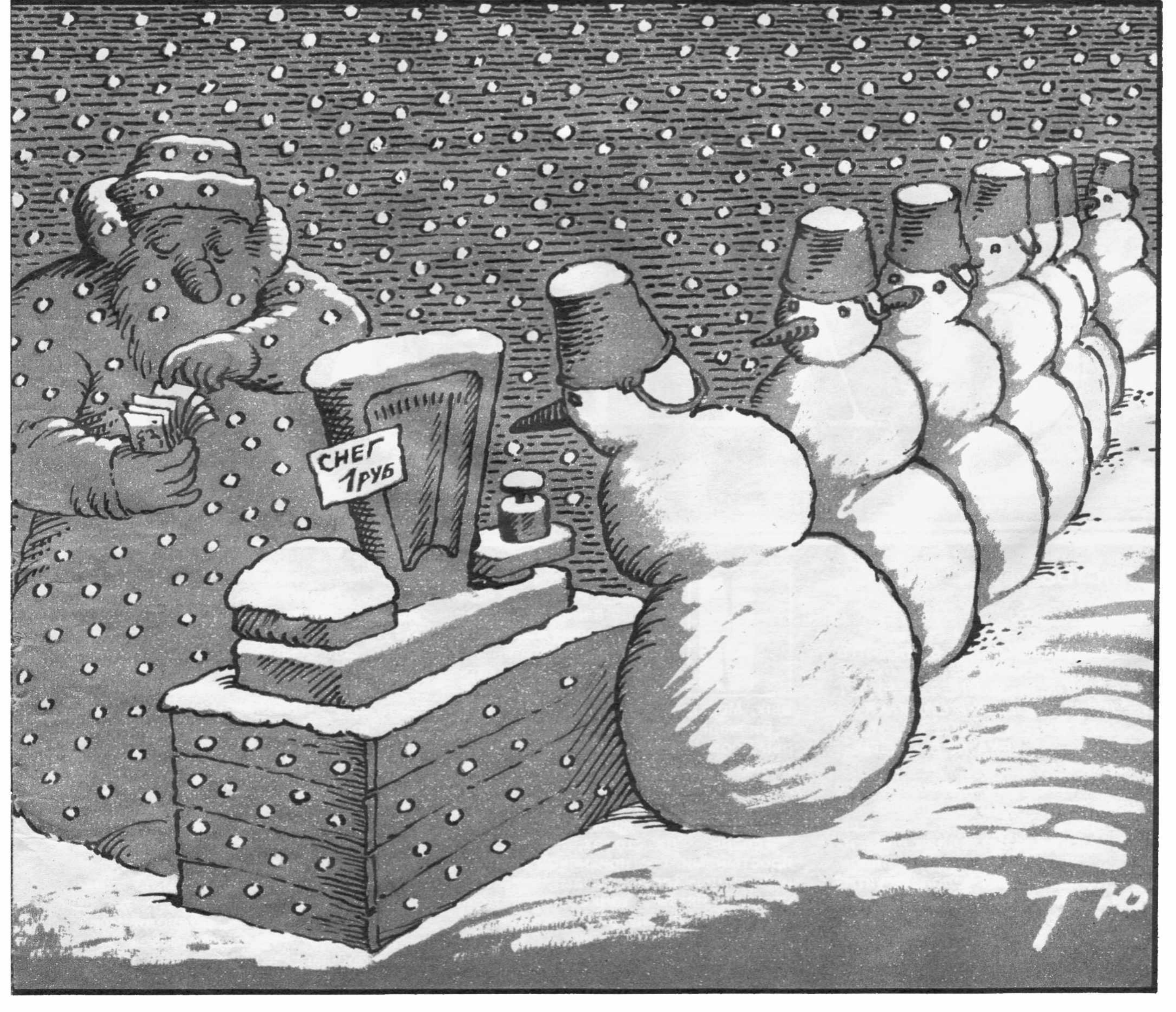

Рисунок Сергея ТЮНИНА

ШАГ ПОСЛЕДН

И. ВЕДЕНЕЕВА, Ю. ФЕКЛИСТОВ (фото)

«НИ ОДИН ЧЕЛОВЕК НЕ В СИЛАХ ВЫНЕСТИ ТОЙ МУКИ, ЧТО ВЫНЕС Я ЗА ЭТИ ПОСЛЕДНИЕ ТРИ ГОДА. БОЛЬШЕ НЕ МОГУ. УХОЖУ...»
«МАМА, ПОСЛЕ ТВОЕЙ «ПОМОЩИ» НАДО МНОЙ СМЕЯЛАСЬ ВСЯ ШКОЛА. ЭТОГО Я НИ ТЕБЕ, НИ ОТЦУ НИКОГДА НЕ ПРОЩУ...»
«МНЕ СОРОК ЧЕТЫРЕ ГОДА. БОЛЬШЕ НЕ ВИЖУ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОДОЛЖАТЬ ЭТО БЕССМЫСЛЕННОЕ, УНИЗИТЕЛЬНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ...»
«ПЕРЕДАЙТЕ ВИКТОРУ, ЧТО ОН ДОБИЛСЯ, ЧЕГО ХОТЕЛ. ТЕПЕРЬ ОН СВОБОДЕН. ПУСТЬ ЖИВЕТ И РАДУЕТСЯ ЖИЗНИ...»
«ЮРОЧКА, БОЛЬШЕ НЕТ СИЛ. Я ТАК ДОЛГО МУЧАЮСЬ ОТ СВОИХ БОЛЕЗНЕЙ И МУЧАЮ ВАС ВСЕХ, ЧТО НЕ МОГУ БОЛЬШЕ ВЫНОСИТЬ ЭТОГО. ОЧЕНЬ УСТАЛА. НЕ БЕСПОКОЙСЯ, МНЕ ТАК БУДЕТ ЛУЧШЕ. ПОЦЕЛУЙ НАДЮШКУ... СКАЖИТЕ ЕЙ, ЧТО БАБУШКА УЕХАЛА В ГОСТИ...»

Это записки, найденные после самоубийства. Таких записок или похожих — сотни, тысячи. Еще тысячи не оставляют никаких записок.

Что заставляет человека уйти? Тяжелый унизительный быт или, наоборот, пресыщение всеми радостями жизни? Предательство близких или потеря самого себя? Невозможность исполнения желаний или отсутствие этих желаний и надежд?

Институт Склифосовского. Единственное в городе отделение, куда привозят людей после попытки самоубийства. Вынутых из петли, отравившихся, но еще живых. Мертвых везут уже не сюда.

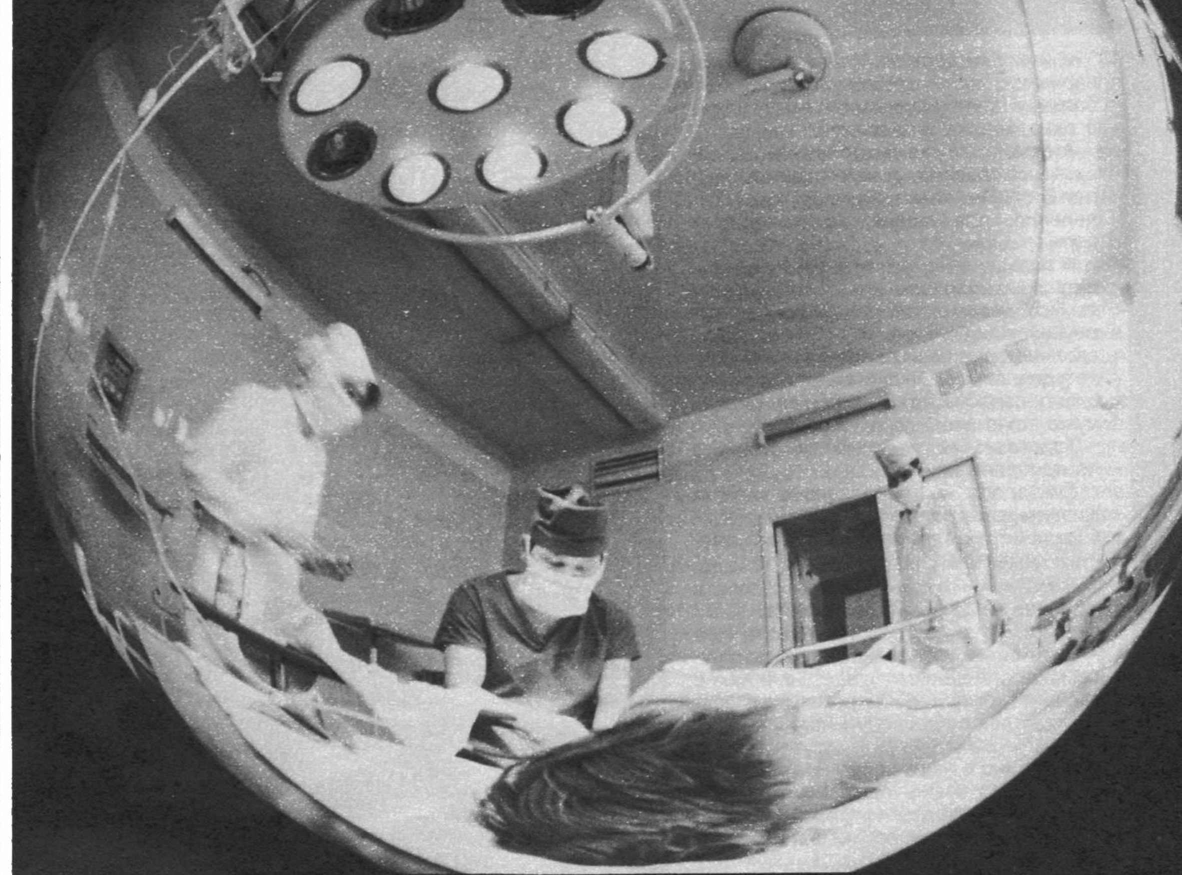
Вначале — реанимация. Барокамеры. Промывание, зашивание, переливание крови. Десятки, сотни людей — молодых, старых, семейных, разведенных, здоровых, больных, бродяг, мужчин, женщин...

Теперь — на столах, под белыми простынями, без признаков жизни — все равны. Здесь врачам не до того, чтобы вникать в тонкости драм своих пациентов, пытаться понять: как же так произошло? Зачем? Почему? Откачать бы. Особенно к ночи, когда количество самоубийств резко возрастает.

У завотделением Ивана Петровича Дикого дел по горло. Одних надо выписать, других осмотреть, телефон звонит не переставая, скоро обход. А тут корреспондент... Дикий отвечает на вопросы быстро, без эмоций. Он работает в отделении давно. Уже привык к людям, не желающим жить, и у него одна задача — поставить их быстрее на ноги. На стене прямо над ним висит бумага — количество поступивших в отделение. Из них процент летального исхода. Его задача — чтобы этот процент был как можно ниже.

Он дает мне белый халат, делает кому-то на ходу какие-то распоряжения, и мы почти бегом идем по палатам. Чуть растерянно иду сзади и слушаю, как врач, подводя меня к кроватям, по-деловому, без эмоций сообщает, что это вот — Вася... Неудачи на работе, ушла жена, решил повеситься, видите, на шее глубокий шрам; раньше бы человек погиб, а те-

перь барокамеры, спасаем... А эта — Оля, муж пил, бил ее, а уйти некуда, наглоталась таблеток... А этого на работе оскорбили...

Впрочем, Оли, Васи, Николаи и остальные не обращают на нас никакого внимания. Они лежат с забинтованными горлами, лицами, руками и закрытыми глазами — лицом к стене, и им все равно, что говорит о них врач. Это самые тяжелые палаты. Наблюдательные, как называют их здесь. Напротив дежурной. Здесь лежат больные, только что переведенные из реанимации. За ними пока наблюдение особое. Идем дальше — новые палаты, новые больные.

Вот бедолага, приехал издалека, из провинции, думал, здесь, в столице, лучше будет, какое там! На работу устроиться не мог, не брали, никуда не прописывали, отовсюду гнали, запутался, отчаялся, ничего не получалось, решил под поезд кинуться, и это не получилось. Ноги оторвало, а сам остался жив. Теперь новая проблема прибавилась — инвалидность нужно получать. А где ее получать-то? Он же без прописки! Теперь врачи этим занимаются, а он лежит...

Врач машет рукой, и мы идем дальше.

— У нас вообще знаете сколько запутавшихся, опустившихся людей лежит? — говорит доктор.— Многим мы, когда они выписываются, даем на проезд денег, чтобы они хоть куда-нибудь доехали. Хотя таким, как правило, и ехать-то некуда. Вот, познакомьтесь, Николай, ночевал на вокзалах. Когда с вокзалов выгоняли, спал где придется, хоть на снегу, заработал такую пневмонию, что врачи глазам не верят, как жил он с ней, непонятно. Как жил-то ты так, брат?

Брат — страшно худой, со впалыми щеками, желтым лицом, ужасной открытой раной на груди. Он, видно, отвык за долгие годы, что с ним разговаривают как с человеком, да еще при этом жалеют и лечат. Он преданно смотрит врачу в глаза и долго кивает головой вслед...

— Студентов много,— продолжает обход врач,— знаете, из престижных вузов. Гуманитарных, художественных, технических, всяких. Ну, не живется им, и все тут, с выкрутасами... Это Марина, молодая вон лежит, симпатичная. Институт почти кончала, жених недавно приходил, красавец. Что еще человеку, кажется, надо? Так нет, из петли вынули, жить ей, видите ли, страшно. Жить страшно, а вешаться не страшно...

Девушка с зачесанными назад волосами и синей глубокой полосой на шее молча смотрит перед собой...

— Профессор недавно выписался. Сам врач. Коллега. Депрессия. Ну и вот, решил уйти... И такое бывает. А это бабуля лежит. Совсем старенькая... Что не жилось-то, бабуля? Ладно, молодые не понимают, что такое жизнь, а ты-то... Солдат много. Не хотят в армии служить... Подростков тоже стало много. Вот Олечка, в школе учится, на скрипке играет, умница... Придумала себе звездного мальчика вместо живых-то друзей...

Девочка в халате, который ей велик, и с альбомом живописи на кровати внимательно смотрит на нас и молчит.

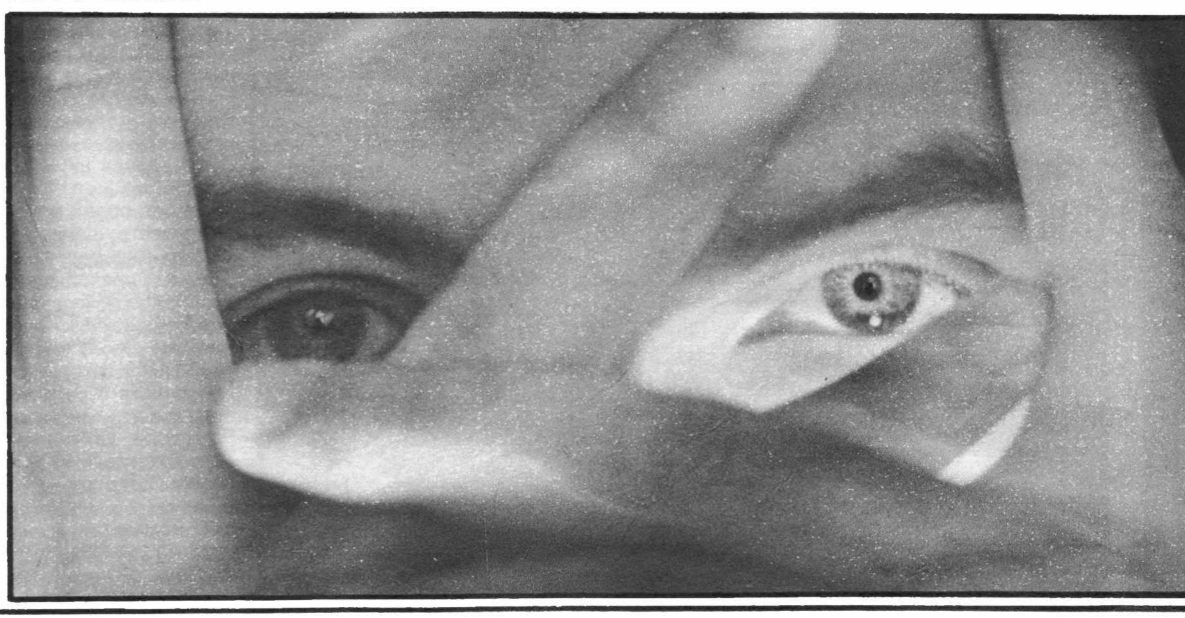
— Ну, Олечка, расскажи нам о своем звездном мальчике,— устало спрашивает врач.— Зачем он тебе?

— Нет никакого мальчика,— тихо говорит девочка.

— Как же нет? — удивляется врач.— Вчера еще был, а сегодня нет?

— Сегодня нет,— твердо говорит Олечка.— Нет и больше не будет...

— Ну и слава богу,— говорит врач,— и правильно! Зачем нам звездные мальчики, тут с обычными бы разобраться...

И мы идем дальше. Медсестры разговаривают по телефону. Спасенные больные спят, молчат, читают, глядят в окно, играют в шахматы.

А в палатах уже лежат новые... С закрытыми глазами, почерневшими лицами. В общем, течет обычная жизнь отделения, для людей, не захотевших жить...

В разные времена, при разных религиях к самоубийцам относились по-разному. У древних кельтов, например, самоубийство больных и стариков было вполне нормальным явлением и никого не удивляло. В Индии еще совсем недавно самосожжение вдов на могиле мужа тоже входило в традицию.

Христианская религия самоубийств не одобряла никогда.

Считалось, что добровольно уйти из жизни, которую подарил тебе бог,— большой грех. Помните, Данте, он поместил самоубийц в седьмой круг ада. Самоубийц отказывались отпевать в церкви и хоронить вместе с обычными людьми. Но даже страх прогневить бога и быть за это наказанным и отвергнутым не останавливал людей ни в какие времена, ни при каких режимах и правительствах от добровольного ухода из жизни.

Ежегодно в наше время по всей стране кончают жизнь самоубийством десятки тысяч людей. Цифры страшные. Это равно исчезновению целых городов.

Долгое время вся суицидальная (суицид — намеренное лишение себя жизни) статистика была у нас засекречена. В отличие от остальных развитых западных стран, в том числе и соцстран, где все данные по самоубийцам публиковались в печати, тщательно анализировались, чтобы как можно разумнее разработать программу по оказанию помощи людям, попадающим в тяжелые жизненные ситуации.

Последний раз официальные данные по самоубийцам в нашей стране в печати публиковались неким Отделом моральной статистики в двадцатых годах. В тридцатые годы этот отдел был ликвидирован. И только совсем недавно, буквально несколько недель назад, эти данные открыли. Сегодня, наконец-то, мы можем увидеть реальную картину происходящего.

Рассказать о статистике и проанализировать цифры я попросила кандидата философских наук Лидию Ильиничну Постовалову:

— Сначала я хотела бы просто предложить читателям небольшие таблички из одних цифр. Это данные Госкомстата, проанализированные нашим центром. Вот они:

В 1965 году от самоубийств погибло 39 550 человек. Самый тяжелый год — 1984-й — погибло 81 417 человек. Затем произошло снижение: в 1985 году — 68 073, в 1986-м — 52 830, в 1987-м — 54 105.

А вот численность самоубийств за 1987 год по полу и возрастам.

Мужчины:
моложе 20 лет — 1672
20—24 года — 2446
25—29 — 4345
30—39 — 8855
40—49 — 7739
50—59 — 8201
60—69 — 3524
70 и старше — 3399
Всего 40 181 человек

Женщины:
моложе 20 лет — 522
20—24— 589
25—29 — 671
30—39 — 1514
40—49 — 1922
50—59 — 2680
60—69 — 2378
70 и старше — 3648
Всего 13 924 человека

С одной стороны, мы видим, что после 1984 года, на который пришелся пик самоубийств по стране, в последние годы наметился некоторый спад. Но радоваться этому было бы преждевременно. Дело в том, что это снижение, мы предполагаем, произошло за счет усиления борьбы с алкоголизмом, поскольку очень много самоубийств происходило в алкогольном опьянении. Зато за эти годы увеличилось число самоубийств среди подростков и стариков.

Положение на сегодняшний день продолжает оставаться очень тревожным. И вообще, просто цифры еще не дают реальной картины происходящего. Объясню почему. Скажем, в 1987 году в Москве покончили жизнь самоубийством 1275 человек. В Ленинграде — 660 человек. А в Ижевске — 210 человек. Кажется, что в Ижевске положение благополучнее. Но на самом деле в Ижевске картина намного тревожнее, чем в том же Ленинграде. Почему? Да потому, что в расчете на 100 000 жителей в Ленинграде количество самоубийств составляет 15, а в Ижевске — 33 случая.

К сожалению, из-за того, что долгое время вся статистика была закрыта и ученые не могли ею пользоваться, анализировать ее, сейчас пока многое сложно объяснить. К тому же нет данных о социальном статусе, брачно-семейном положении, этнической принадлежности, состоянии здоровья, мотивах. Это затрудняет работу по изучению, профилактике и оказанию помощи людям, нуждающимся в ней. У нас самих сейчас накопилось много вопросов. Скажем, по статистическим данным в Латвийской ССР за 1986 год мужчин в возрасте 20—24 года, кончающих жизнь самоубийством, в 17 раз больше, чем женщин того же возраста. А в том же году в Таджикистане женщины этой возрастной группы совершают самоубийства в 1,6 раза чаще, чем мужчины. Почему?

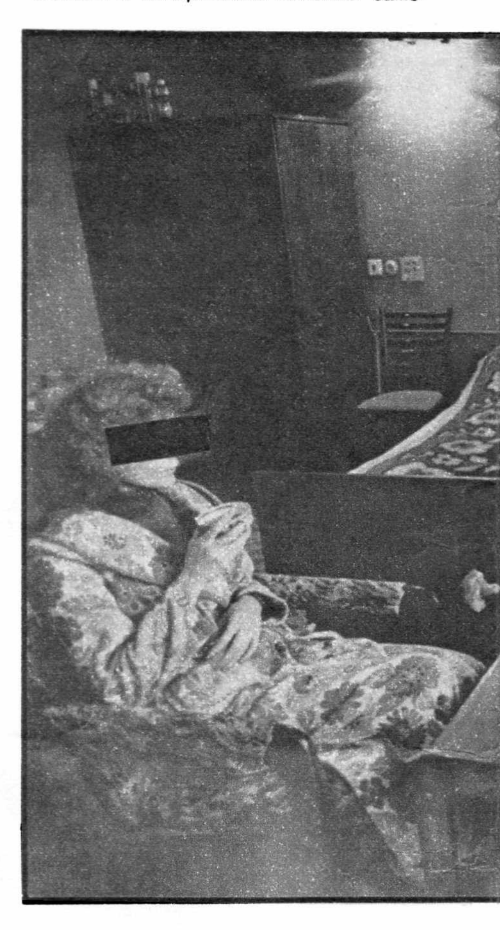
Или вот еще: по автономным республикам на первых местах в этой трагичной статистике идет Удмуртская — 41,1 случая на 100 000 жителей (почти такое же количество, как в Венгрии, которая среди всех стран занимает по количеству самоубийств первое место). Но почему именно в Удмуртской? Почему не в расположенной рядом Мордовской, где показатели в 1986 году были 16,9? Пока мы на это тоже ответить не можем. Этого никто не изучал.

А вот еще один пример. Частота самоубийств в сельской местности стала превышать количество самоубийств в городе. Опять же, почему это стало происходить? Кто в больших городах чаще подвержен самоубийствам, какие социальные группы? Почему? На эти вопросы у наших ученых пока ответов нет.

Только когда мы, наконец, будем знать полную картину происходящего, изучим ее глубоко и разносторонне, как это делают наши западные коллеги, мы сможем более интенсивно и плодотворно помогать нуждающимся в нашей поддержке.

Л. И. Постовалова работает во Всесоюзном научно-методическом Суицидологическом центре, который сейчас пытается найти ответы на эти и многие другие вопросы. Рассказать о работе самого Центра я попросила его руководителя, заслуженного деятеля наук РСФСР, профессора Айну Григорьевну Амбрумову:

— Наш центр осуществляет научный контроль за комплексом, включающим в себя кабинеты социально-психологической помощи, телефон доверия и единственный пока в стране кризисный стационар, который, кстати, не имеет никакого отношения к психиатрической больнице. Мы стараемся заранее выявить тех, кто морально предрасположен к совершению попытки само-

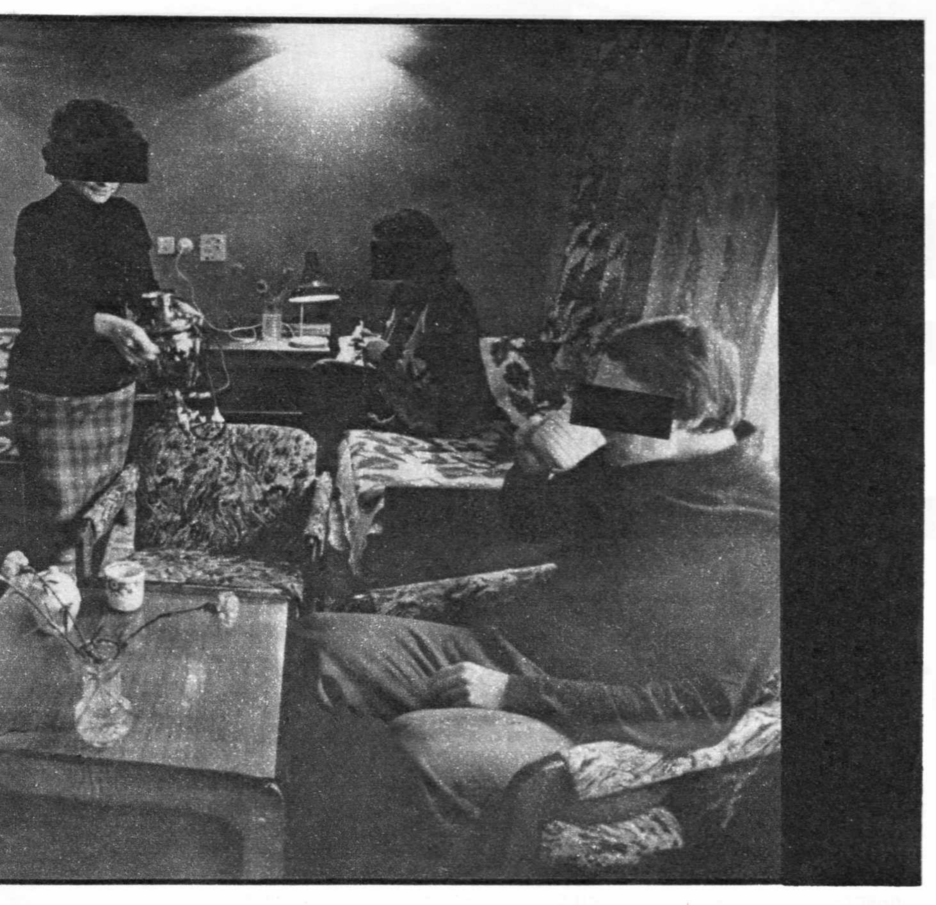
убийства, и работаем с теми, кто ее уже совершил, но остался, к счастью, жив. У нас есть уже первые успехи. Например, в Москве попытки повторных самоубийств в результате работы нашего центра резко сократились. А ведь по всем данным, особенно в первый год, повторная попытка самоубийства — очень распространенное явление. Но еще, конечно, быть оптимистами рано. У нас много трудностей. Ну, например, телефон доверия. О нем долгое время писали и вспоминали очень неохотно. Считали его чем-то буржуазным и совсем не нужным советскому человеку. И поэтому неудивительно, что об этом телефоне знают не так много людей, как нам бы хотелось. Воспользуюсь вашим журналом и еще раз напомню **номер телефона доверия в Москве: 205-05-50.** Телефон работает круглосуточно, без выходных. Мы очень хотим, чтобы на примере Москвы была создана такая же служба помощи во всех городах нашей страны. Особенно в тех местах, например в Свердловске, Архангельске и некоторых других городах, где картина наиболее тревожная. Телефон доверия, кабинеты социально-психологической помощи, кризисный стационар — вот что необходимо в каждом городе, в каждом большом регионе. А это пока встречается очень редко.

Кстати, вы были в стационаре? Это действительно большое наше завоева-

ние. Люди с расстроенной психикой приходят сюда добровольно, с ними ведут работу опытные психиатры, возвращаются отсюда они совершенно в другом состоянии. Стационар этот домашний, уютный, обязательно там побывайте!..

В кризисном стационаре я побывала. Действительно, очень уютно. Мягкая мебель, приглушенный свет, домашние занавески, врачам запрещено ходить в белых халатах. Смущает, правда, количество коек — всего тридцать. Согласитесь, на десятки тысяч уходящих из жизни людей — тридцать мест, даже с мягкой мебелью и домашними занавесками,— маловато. Но, как говорится, слава богу, что есть и это...

У психотерапевтов Центра А. М. Полеева и Г. В. Старшенбаума рабочий день окончен. Седьмой час... Целый день они учили своих пациентов жить. А сейчас мы сидим и пьем чай с остатками варенья и разговариваем.

— Вы думаете, самоубийца — это тот, кто не хочет жить? — спрашивает меня Александр Полеев.— Ничего подобного! Они хотят жить, может быть, больше, чем мы с вами. Но не могут. Из-за тех или иных жизненных ситуаций, в которые попадают. Вот, например, недавно у нас лежал мужчина. Красивый, здоровый, с огромной силой воли. Пока он тут у нас лежал, нам просто делать было нечего в стационаре, он нам всех больных подбадривал! У него была жена и двое детей. С женой жил хорошо, детей любил, работа интересная. Все, в общем, было. И тут он влюбляется. Безумно. Говорит жене: прости. Оставляет ей все: квартиру, вещи — и уходит. Счастливо живет с этой новой женщиной год. И вдруг она ему однажды говорит: я тебя люблю, но, понимаешь, мне нужно от жизни несколько больше, чем ты мне можешь дать! В общем, она ему сообщает, что выходит замуж за дипломата и уезжает за границу. И просит его расстаться с ней. Когда вечером наш будущий пациент подошел к дому, где они жили с этой женщиной, и увидел в окне ее силуэт и еще один — мужской, он вынул несколько пачек сильнодействующего лекарства и, заедая снегом, проглотил все это. Выжил он только благодаря своему сильному организму.

Люди кончают жизнь самоубийством, возвращаясь домой из райисполкомов, магазинов, жэков, очередей. Так велико унижение, которому они там иногда подвергаются. И это все быт. Серый, прозаичный, невыносимый быт каждого дня... Из которого более тонкие, эмоциональные люди иногда выхода не видят...

— А какие все-таки основные мотивы самоубийств?

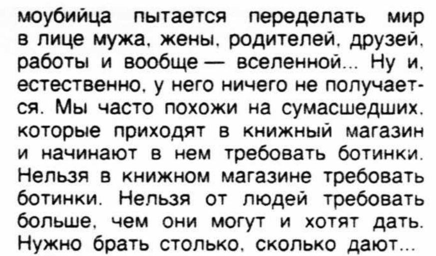
— У молодежи в основном несчастная любовь. Непонимание, ссоры с родителями. В пожилом — одиночество, чувство, что ты всем мешаешь, никому не нужен. В зрелом возрасте разные причины — и любовь, и уход супруга, и разочарование в себе, в людях. Бывают и производственные конфликты. Кстати, иногда человек совершенно не собирается умирать. А просто хочет своей попыткой самоубийства кого-то напугать, обратить на себя внимание. И таких, кстати, очень много. Мы их называем — манипуляторы. То есть люди, которые под видом самоубийства пытаются чего-то добиться. Вернуть жену, мужа, заставить уступить родителей.

В основном такие люди если, например, травятся, то пьют очень мало таблеток, так, что даже иногда их и в больницу вести не нужно. С возрастом количество манипуляторов уменьшается. И если он уж решил уйти из жизни — его спасает чудо. Зрелый человек самоубийством играет реже. Но даже манипулятор — это все равно сигнал о помощи. Значит, человеку плохо и он не может найти иной выход, чтобы решить проблему, кроме того, как выпить таблетки или пойти за веревкой.

Знаете, чем отличается нормальный, то есть обыкновенный, человек от самоубийцы? Он трезво и реально оценивает жизнь в любых ее проявлениях. Он принимает ее такой, какая она есть,— грубой и прекрасной, жестокой и чистой... А самоубийца — он хочет от жизни больше, чем она ему может дать. Главное противоречие — между желаемым и получаемым. И мы учим этих людей не желать большего, чем им может дать жизнь.

— Но это очень грустно... Не желать большего...

— Грустно,— согласились со мной врачи,— но это единственный выход выжить в этом пока еще несовершенном мире. Поэтому индивидуальности существовать труднее, чем человеку обычному, который достаточно легко приспособится к любым условиям. Са-

моубийца пытается переделать мир в лице мужа, жены, родителей, друзей, работы и вообще — вселенной... Ну и, естественно, у него ничего не получается. Мы часто похожи на сумасшедших, которые приходят в книжный магазин и начинают в нем требовать ботинки. Нельзя в книжном магазине требовать ботинки. Нельзя от людей требовать больше, чем они могут и хотят дать. Нужно брать столько, сколько дают...

Долгое время наша медицина всех, кто кончал жизнь самоубийством, считала людьми душевнобольными. И хотя человек по всем показаниям был до этого совершенно здоров, все равно, раз не захотел жить — значит, больной. Нормальный, здоровый человек жить хочет, утверждали наши врачи и вместе с ними все наше общество. Впрочем, многие утверждают это и до сих пор.

Но с каждым годом количество самоубийств увеличивалось и наконец достигло таких цифр, что, если продолжать считать этих людей душевнобольными, нужно признать явно нездоровым все общество.

Сейчас большинство специалистов четко делят самоубийц на две группы. На людей действительно душевнобольных и на людей здоровых, но попадающих по тем или иным обстоятельствам в ситуации, пережить которые, как им кажется, они не в силах.

Особенно сложно детям и подросткам, самоубийства среди которых за последнее время растут гораздо быстрее, чем у взрослых. В большинстве случаев ни родители, ни педагоги в школе не могут объяснить: почему это произошло? Почти всегда, по их словам, все было нормально. Ребенок здоровый, жизнерадостный, сытый, обутый, чего ему не хватало, непонятно...

Взрослых легче научить не требовать ботинки в книжных магазинах. Если очень постараться, они привыкнут даже к тому, что в книжных магазинах им не будут давать и книг. Не все, но привыкнут. А вот детей это научить делать труднее...

Оля К. пришла, как всегда, в три часа домой из школы. Съела оставленный обед. Вымыла посуду. Сделала математику. Собрала портфель. А потом открыла окно и... выбросилась с четырнадцатого этажа. Оля была тихая, послушная девочка (по мнению родителей). Воспитанная, спокойная (по мнению учителей). В общем — вполне счастливая. Но ведь счастливые из окна не выбрасываются?! Потом выяснились возможные причины случившегося — постоянные ссоры родителей, крик дома, грубость одной из учительниц...

— Одиночество подростков растет так же, как и одиночество стариков,— говорит сотрудник Центра, специалист по подросткам, Валерий Леонидович Хайкин.— Непонимание на всех уровнях. Разлад семьи. Это усугубляется бытовыми трудностями. У подростка обычно нет своей комнаты, ему негде уединиться. А если и есть, то все равно родители часто бесцеремонно влезают в душу, навязывают, с кем дружить, с кем не дружить. Не лучше положение и в школе. При таких огромных классах тонкого подхода к каждому подростку в отдельности уже точно не найдешь. Кроме того, учителя просто не знают элементарных основ подростковой психологии. Смешно сказать — наши будущие педагоги психологию человека в педагогических учреждениях проходят один семестр! Это же бред!

Я вспомнила прибалтийский документальный фильм, который недавно посмотрела на одном фестивале. Про мальчика одиннадцати-двенадцати лет. Еще даже и не подростка. Почти ребенка. Он кончил жизнь самоубийством. Жил мальчик в небольшом городке, ничего особенного у него на первый взгляд в жизни не происходило. Рос без отца, с маленькой сестрой. Мать много работала, уставала, кричала, иногда могла ударить, впрочем, как и многие другие матери во многих уголках нашей страны. Авторы фильма могли бы осудить мать, которая и так еле жива от горя, могли бы прийти в школу и тут искать виновных. Но они никого не осуждают, ничего не доказывают. Они просто пытаются уже после смерти мальчика посмотреть на жизнь, в которой он жил, его глазами. Просто посмотреть...

...Вот слякоть, грязь, размытые дороги в маленьком городишке. Мать встает чуть свет, идет на работу, на ферму. Невыспавшиеся люди, маленький автобус, сапоги на ногах, грязная ферма. Звонок — это мать по телефону будит детей, теперь уже только сестренку. Еда, оставленная на плите. Радио с будничной монотонной информацией. Дорога в школу. Вот путь назад. Снова дом... Усталая, невыспавшаяся, застывшая мать. Невкусный обед на столе. Неухоженные руки, некрасивая одежда, редкие нелюбящие мужчины, мать устает, она плачет, она кричит... уроки... за окном безрадостный пейзаж... потом телевизор и спать... а назавтра все сначала...

И так день за днем...

По идее жизнь самоубийством могла кончить мать. Но она продолжает жить. Привыкла. Смирилась.

Ушел из жизни ребенок. Он привыкнуть не успел.

Кажется, Жан Поль Сартр сказал, что человек отличается от животного тем, что может кончить жизнь самоубийством...

И человек этим отличием пользуется.

Самоубийство — последний ответ человека на все вопросы. Последний шаг. Последний поступок. Единственная свобода выбора, которую у человека не отнять. Это неправда, что самоубийцы — люди, которые не хотят жить. Они хотят. Но уже не могут. Многие до последней минуты на что-то надеются. Оставляют открытой дверь, пишут прощальные записки с надеждой, что их прочитают хоть на минуту раньше, чем все это случится, ждут последнего телефонного звонка...

Самоубийство — последняя возможность что-то кому-то объяснить. Или доказать. Как детское желание после обиды: я умру, и они еще пожалеют обо мне! Они заплачут! Они вспомнят меня! Поймут... Если не при жизни, то хотя бы после...

«Отказаться от жизни под влиянием непереносимых внутренних коллизий, на это способны лишь редкие, исключительно благородные души»,— сказал однажды Эйнштейн.

Так это или не так, но уйти из жизни — тоже поступок. И осуждать решившегося на него никто не вправе. Попытаться понять и помочь — другое дело.

Как выяснилось, мы глубоко не занимались проблемой изучения человека, белыми пятнами его психики.

Непонимание. Непонимание на всех уровнях. Взрослые не понимают детей, дети не понимают взрослых. Мужчины не понимают женщин, женщины — мужчин. Молодые — стариков, старики — молодых. И каждый не понимает сам себя.

В нашей стране, с давним оптимистичным, многообещающим лозунгом «Все во имя человека! Все для блага человека!» меньше всего, как оказалось, делалось именно для этого самого человека. Никакие достижения науки и техники, сельского хозяйства и тяжелой промышленности, космоса и балета не смогут помочь человеку понять самого себя, а значит, и понять других, не смогут научить его жить и, значит, искать и находить выходы из кризисных внутренних ситуаций.

Надо вернуться к человеку.

А иначе... Иначе наступит новая ночь и сотни людей не захотят, не смогут больше жить...

НА ХОРТИЦЕ, У МАТЕРИ

Сергей ДЯЧЕНКО

Очертаниями Хортица напоминает человеческое сердце.

Ой, піду я сдружуся
З моїм вірним другом —
З славним батьком запорозьким,
Із Великим Лугом.
На Хортиці у матері
Буду добре жити.

Так писал Тарас Шевченко. Ведь Хортица — мать казачества, колыбель, в которой росли и формировались запорожцы.

Хортица — небольшой (12 километров длины) зеленый остров посреди Днепра. С левой стороны — заводы Запорожья, изрыгающие темноцветные клубы дыма, справа — жилой массив новостроек. Вверх по течению — узнаваемые с детства виды Днепрогэса, обезображенные недавней пристройкой плотины.

С давних времен Хортица — земля славян. Еще византийский император Константин Багрянородный в X веке писал о том, что русы, идучи из варяг в греки, останавливались на острове, чтобы принести жертвоприношения. Остров не раз посещали киевские князья Олег, Игорь, Ольга. Из легенд мы узнаем, что в 972 году здесь на высокой Черной скале погибли в битве с печенегами отважные витязи князя Святослава. По преданию, и его могила на этой Черной скале. Отсюда в 1103 году Святополк повел ратников, чтобы одержать блестящую победу над половцами. В 1223 году здесь собрались почти все русские князья перед трагической битвой при Калке... Много и других событий связано с Хортицей, но особенно велика ее роль в истории казачества.

ОГОНЁК
ДЫМ ОТЕЧЕСТВА
ДИАЛОГ С ЧИТАТЕЛЕМ: НАШ ЖИЗНЕННЫЙ УРОВЕНЬ
ГАРРИ КАСПАРОВ: КТО ПРОТИВ СПОРТА?
РАССКАЗ ЮРИЯ НАГИБИНА

Запорожская Сечь — уникальный феномен отечественной цивилизации. Народ, преследуемый феодальным гнетом, создает в диком, необжитом месте республику с особой структурой управления, с собственным вооруженным войском.

Историческое развитие Сечи позволило Н. Г. Чернышевскому назвать казаков «защитниками и героями Украины», ее лучшими сынами. А. И. Герцен писал, что «Запорожская Сечь представляла удивительное явление плебеев-витязей, рыцарей-мужиков». «Они обрекли себя на защиту всех дорогих интересов своей Родины... Никто в мире не ощущал так глубоко свободы, равенства и братства»,— говорил о запорожцах И. Е. Репин.

После строительства Днепрогэса, а в дальнейшем Каневской ГЭС практически почти все сечевые места ушли под воду, сохранилась лишь заповедная Хортица. Это не только историко-археологический музей, но и природный, экологический. В балках, урочищах, плавнях острова сосредоточено более тысячи видов растений, из которых 63 процента — дикорастущие аборигены, пятнадцать видов из них занесены в Красную книгу, 41 вид — реликты и эндемики (растения ограниченного распространения). Но, увы, 50 видов при этом находятся на грани полного исчезновения. Некоторые растения представляют собой научную загадку, поскольку их природный ареал только в Балканах и на Средиземноморье.

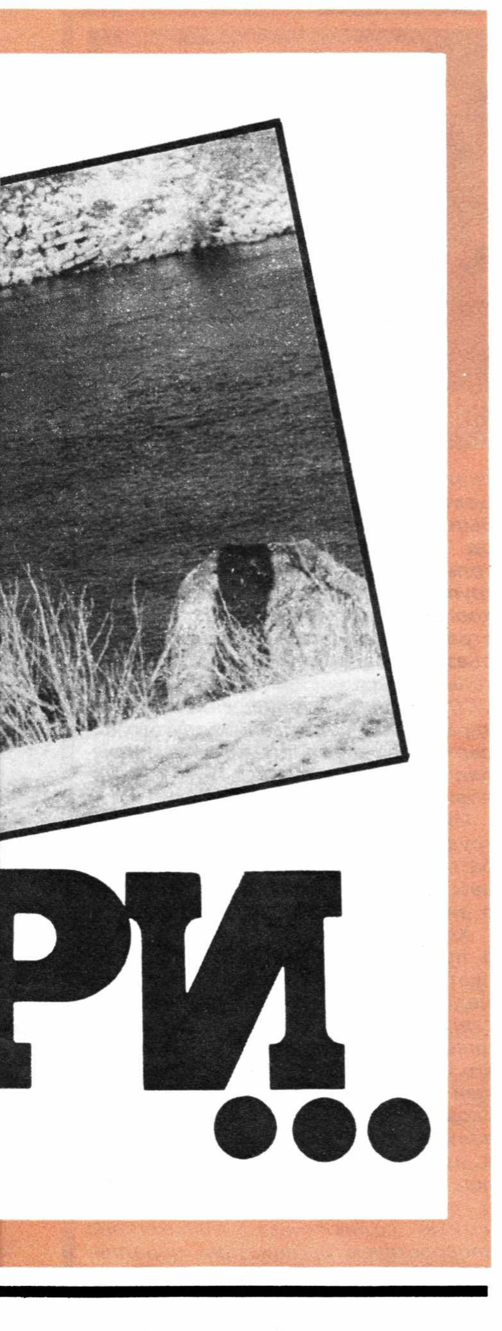
В плавневой части острова, в зоне особой заповедности, обитает свыше 30 видов зверей, 120 видов птиц. Хортица — еще и ландшафтный памятник: на небольшой территории представлены все ландшафтные зоны Украины. Но этого мало фантазерке-природе. Хортица — уникальное геологическое образование, возраст которого определяется в 3—3,5 миллиарда лет. Не случайно поэтому остров — еще и часть объявленного в 1974 году геологического заказника «Днепровские пороги». Наконец, Хортица — «зеленые легкие» Запорожья...

К сожалению, сегодня этот уникальный природный и историко-культурный заповедник на грани гибели. Лишь две десятые (!) территории острова принадлежат заповеднику, остальное — в землепользовании различных организаций. Среди них наибольший вред причиняет Центральный научно-исследовательский и проектно-технологический институт механизации и электрификации животноводства Южной зоны СССР, принадлежащий ВАСХНИЛу и занимающий 40 процентов территории острова (сады, теплицы, участки).

Скажите, пожалуйста, какое отношение имеет к заповеднику механизация животноводства? И кого электрифицировать? Оленей, кабанов и зайцев? На животный и растительный мир уникального создания природы пагубно воздействуют ядохимикаты, в избытке используемые для увеличения урожая. А выращивают на казацких могилах ученые мужи — наследники Лысенко — в основном клубнику. И никакими силами не согнать их с завоеванных грядок! Как, впрочем, и представителей могущественных заводов, правдами и неправдами оккупировавших территорию заповедного острова.

А как обстоят дела с мемориалом казачества?

Его историю представляют названия многочисленных ресторанов. Иных следов казацкой экзотики ни в городе, ни на острове я не увидел. Правда, есть музей. Но не истории казачества, а истории Запорожья. Из девяти разделов его экспозиций лишь два связаны с Сечью, да и то очень скромные по представленным экспонатам. Зато во

всю мощь развернуты пышные экспозиции «Запорожье в период упрочения социализма», «Запорожье в период совершенствования развитого социализма»... Зачем вместо музея казачества здесь второй краеведческий музей, да еще при наличии музея Днепрогэса?

Кто же и почему противился превращению Хортицы в заповедник-мемориал казачества и до сих пор мешает этому?

Одно из определений брежневского периода (кроме «этапа совершенствования развитого социализма») — период «равнинного течения жизни». Если принять этот образ за основу и относительно Украины под течением понимать долину Днепра, то можно воочию увидеть плоды «трудов» бюрократов административной системы: рукотворные плотины на пути великой реки и гнилые моря застоя из-за сооружения ГЭС.

Сейчас много пишут о массовых жертвах 1937—1938 годов, реабилитируя все новые и новые имена. Но мало сообщают о трагедии 1932—1933 годов, когда от безумных «перегибов» коллективизации в стране начался массовый голод. Он охватил многие регионы — Кубань, Поволжье, Урал, но более всех, несравнимо с другими пострадала Украина — прежняя житница России и Европы. По некоторым сведениям (ибо до сих пор молчат архивы), республика в те годы потеряла миллионы жителей, вымирали целые села. Кроме этого, Украина расплатилась за «гениальные идеи вождя наций» еще и тем, что множество крестьян были выселены со своих черноземов и спецэшелонами сосланы за Урал, в Сибирь, на Дальний Восток, где не то что пшеницу посеять — похоронить нельзя было по-человечески...

Сталинские «рубки» конца 30-х выкорчевывали прежде всего интеллигенцию — хранителя духа народа. Украинские актеры, ученые, врачи, педагоги, писатели, поэты, обвиненные в национализме, были почти полностью истреблены.

Тогда же были разрушены многие святыни наших народов. Исчезло с лица земли немало исторических, архитектурных памятников.

А потом война, оставившая в руинах всю Украину...

В годы «оттепели» повеяло озоном. В стране, и на Украине в частности, сразу же выросла плеяда молодых талантливых, дерзких ученых, писателей, художников, кинематографистов, актеров. Началось восстановление исторических памятников. Тогда же было принято постановление о том, чтобы Хортицу сделать заповедником. Но... уже был снят с поста Хрущев. Спустя какое-то время — первый секретарь ЦК КПУ Шелест...

Символом этого времени стала в Киеве высоченная статуя на берегу Днепра, украшающая мемориал Отечественной войны. Выполненная из сверхдорогой стали (чуть ли не космических сплавов), гордо высится она над Славутичем, закрывая собой силуэт Киево-Печерской лавры. Этот сверкающий колосс лишен всяких национальных признаков, примат времени. А у подножия статуи расположен музей, на куполе которого были высечены золотом фамилии Героев Советского Союза. Самыми большими буквами было выбито имя Брежнева. Но этого было мало — в музее в специальном зале выставлялись его одежда, оружие.

Тогда, в застойные времена, и активизировались те, кто стал губить природу, кромсать архитектурные облики городов, насаждая безликость, антинациональный стиль. Это они, прислужники разных ведомств и министерств — мелиорации, атомной энергетики, высшего образования и других,— санкционировали прокладку канала «Дунай — Днепр», строительство АЭС в самых густонаселенных центрах Украины, ограничение курса украинского языка и литературы в программе учебных заведений.

Именно в 70-е годы пострадали и защитники Хортицы. От залпа обвинений в национализме умер, получив инфаркт, Киценко, последователь знаменитого историка Яворницкого, энтузиаст и основатель мемориала запорожского казачества, прекрасный ученый и человек, секретарь обкома партии. Трагически сложилась и судьба первого директора этого музея Сокульского, ученика Киценко. Работы в музее велись до 1973 года, потом по инициативе городских властей свернулись — «национализм»!

Постановления Совмина УССР о заповеднике на Хортице никто не отменял, поэтому для строящегося музея придумали иную тематику — обо всем понемногу, только не о казаках. Трудные дни наступили для Сокульского и его единомышленников.

— Помню, меня не отпускали на раскопки, а ведь музею нужны экспонаты... Но начальство говорило: национализм будем выжигать каленым железом! — рассказывает Сокульский.

К счастью, в отличие от Киценко он смог пережить травлю, не сломался, работает в училище и пользуется авторитетом не только в Запорожье, но и в столице Украины. Надеюсь, когда народ и партия дадут надлежащую оценку эпохе «равнинного течения жизни», восстановятся имена многих достойных людей.

Через остров, нарушая статус заповедника, решили теперь строить мост... Слов нет, мост необходим — ведь на правом берегу проживает почти 37 процентов жителей, а основные промышленные объекты находятся на левом берегу. Существующие мосты (по плотине Днепрогэса и мосты Преображенского через Хортицу, построенные в 40-е годы, еще до объявления острова заповедником) не решают транспортных проблем. Местные власти предложили соединить два берега самым прямым и экономически выгодным путем — через заповедные плавни Хортицы. Но общественность возмутилась — уникальный природный мир погибнет. В обстановке перестройки мнение общественности нельзя игнорировать. В качестве альтернативы руководители области предложили перенести мост по острову несколько севернее, по «клубничным» землям ВАСХНИЛа.

Существует еще несколько проектов моста, в том числе и недавно опубликованный в местной прессе (авторы — А. Остапенко и др.) проект моста через Днепр значительно севернее Хортицы, достаточно логично обоснованный.

Местные власти стояли за наиболее простой и экономичный проект. Они решили провести общегородской референдум. Газета «Индустриальное Запорожье» предложила жителям города высказать свое мнение о тех или иных вариантах моста. Устроители референдума, очевидно, не сомневались в том, что в первую очередь на него откликнутся жители правобережья, для которых мост через Хортицу жизненно необходим.

Признаться, я ожидал итогов голосования, неблагоприятных для Хортицы: ведь такие мытарства приходится терпеть людям в многочасовых транспортных пробках! Как же мало знаем мы свой народ! Я счастлив, что ошибался. Вот результаты опроса газеты. Естественно, что многие требовали самого простого варианта — моста через остров: «Товарищи, да спуститесь вы на землю! Разве дикие животные острова заслуживают большего внимания, чем люди?» (А. Ентус). «Стройте мост! О зайцах, лисах и кабанах пусть заботится группа интеллигентов...» (И. Панасенко). Но были высказаны и прямо противоположные мнения: «Мы, запорожцы, не вправе решать судьбу Хортицы, ибо она общенациональное достояние. Необходим общесоюзный референдум, только не на тему, как протащить варианты наших архитекторов, а о том, чтобы как можно быстрее собрать средства на компенсацию дорогостоящего обходного варианта» (К. Овчинникова, А. Гайдамака и другие — всего 20 подписей). Большинство написавших в газету, в том числе жители правобережья, поддержали проект моста южнее Хортицы (1821 человек против 1412). Потомки запорожских казаков согласны были обречь себя и детей своих на неудобства, лишь бы остров не пострадал...

Что же еще нужно для победы демократии? Тем более что по запросу депутата поэта Б. Олейника Верховный Совет УССР рассмотрел вопрос о строительстве моста через Хортицу и принял к сведению сообщение председателя исполкома Запорожского областного Совета народных депутатов П. Моськалькова: «возведение моста будет решаться с учетом сохранения заповедника». Факт этот был зафиксирован в постановлении органа высшей власти республики. В украинской прессе появились призывы деятелей культуры и науки сохранить Хортицу. Известна всем и бескомпромиссная позиция президента АН УССР Б. Е. Патона по этому вопросу: «Хортица неприкосновенна!»

Поэтому, когда появилось сообщение о работе в Запорожье специальной комиссии Совмина УССР по вопросу моста и заповедника, следовало ожидать защиты его неприкосновенного статуса. Но я снова ошибся — на этот раз ликовать не пришлось. Высокая комиссия постановила: мосту через Хортицу быть, приняв за основу неудачный проект рядом с существующими мостами.

До сих пор не могу опомниться: как могли люди, облеченные государственной властью, пойти на поводу у местного руководства, нарушить закон об охране заповедника, принять решение, оскверняющее курганы и могильники наших предков, игнорируя мнение ведущих ученых, деятелей культуры, мнение самих горожан и даже постановление Советской власти? Отношение к этому решению защитников Хортицы оказалось двойственным. Некоторые из них обрадовались тому, что не прошел самый губительный с точки зрения экологии вариант — «плавневый». Но положительные эмоции быстро проходят. Ведь мост-то через Хортицу! А мы все знаем цену обещаний наших строителей создать что-либо без ущерба внешней среде. Конечно, последствия для Хортицы будут губительны. Кроме того, есть еще немало вопросов. Не случайно проект, утвержденный комиссией, во время референдума набрал меньше всего голосов: он практически не решает транспортную проблему. При его сооружении возникнет непреодолимое препятствие — высоковольтная линия на левом берегу, питающая заводы промплощадки. Невозможность сноса линии или ее переноса делает очень узким, неудобным движение при съезде с моста. Опять будут пробки, заторы.

В этой чрезвычайной ситуации я хочу спросить: правомочна ли комиссия украинского правительства решать вопрос отнюдь не республиканского значения? Как бы мы отреагировали, прими правительство РСФСР решение о нарушении заповедного статуса Кремля или Ясной Поляны? Каждая республика обладает сокровищами (Узбекистан — ансамблем «Регистан», Грузия — храмом Светицховели, Армения — хранилищем Матенадаран и т. д.), которые являются святынями не только советского народа, но и всего человечества.

Пришло время решительных действий — Хортицей надо заниматься всем миром. Прежде всего необходимо следующее — в соответствии с решением Совмина УССР 1965 года подтвердить неприкосновенность острова как заповедника. Это означает запрет не только на любое новое строительство, в том числе и моста, но и немедленное выдворение с Хортицы «клубничных» владельцев ВАСХНИЛа, самовольных поселенцев, оставив по решению руководства заповедника (которому должен помогать общественный республиканский или всесоюзный комитет по защите острова) те застройки, которые не наносят ущерба заповеднику.

Вероятно, следует приступить к строительству моста южнее Хортицы.

Он ведь необходим хотя бы для того, чтобы вывести из города поток грузового транспорта. Городским властям следует продумать решение более мелких, но более реальных задач, снижающих остроту транспортных проблем города: более рационального использования уже существующих мостов; перенесения строительства жилого фонда в левобережную часть, тем более что такая возможность есть. Центр города зияет пустотами и украшен десятками допотопных строений. Небесполезно было бы выделить средства на увеличение социально-культурных учреждений на правом берегу, их там неоправданно мало.

Но все это полумеры. Оптимальным решением вопроса было бы строительство метро, как и предусмотрено Генпланом города. Причем первая ветка метрополитена должна будет соединить оба берега реки. Почему уже сейчас на средства, предназначенные для возведения моста, не начать сооружать метро? Ведь оно сразу снимет транспортную проблему. Почему нельзя отступить от правила и закладывать метро, не дожидаясь, пока в городе будет миллион жителей? Сейчас в Запорожье около 900 тысяч. К концу строительства метро численность города наверняка достигнет миллиона. Следует вспомнить, что в этом городе много принесено на алтарь индустриализации. Немало терпят его жители от несравнимого с другими городами загрязнения воздуха, воды, земли... К тому же сейчас, когда повсеместно внедряется хозрасчет, самоуправление, нелишне учесть, что Запорожье — город, производящий миллиардную продукцию. Он сам мог бы многое сделать, если ему разрешат более гибко использовать свои финансы. Вот где бы развернуться энтузиазму местных властей!

Наконец, необходимо осуществить на Хортице то главное, что планировалось еще 23 года назад,— мемориал Запорожского казачества. Дело Н. Киценко, А. Сокульского продолжают теперь их последователи — Л. Юхимчук, В. Шевченко и другие сотрудники заповедника. Разработанные ими планы чрезвычайно интересны. Речь идет не только о Музее истории казачества, но и о музее запорожских кораблей — «чаек», о садово-декоративном комплексе, где будут установлены скульптурные портреты героев украинского народа, и, безусловно, о воссоздании самой Запорожской Сечи в том виде, в каком она была во времена своего расцвета при Богдане Хмельницком. Будут тут укрепленный лагерь с куренями, пушкарней, кузницей, сторожевые сигнальные вышки, казацкий зимовник, этнографические пасеки. Ко всему этому присоединятся и поселения Киевской Руси «Протолче», и многочисленные курганы, и военные лагеря русско-турецкой войны 1735—1739 годов, и боевые позиции советских воинов в 1941—1943 годах. А на высоком кургане взлетит над Днепром скульптурная группа «Казаки в дозоре».

Настало время создать на территории Хортицы национальный природно-исторический парк всесоюзного и мирового значения, включив в него и другие реликты природы, и Днепрогэс как исторический памятник первой пятилетки. Не надо так уж колебаться и вздрагивать, когда речь идет о могилах предков... Ведь для многих государств солидным источником дохода является туризм. За несколько лет на Хортице побывало около 500 тысяч гостей. Но вряд ли они получили удовольствие от вида заповедника.

Кроме того, в сборе необходимых средств для создания задуманного комплекса может помочь Советский фонд культуры. Уверен, многие жители страны захотят внести свой вклад в это благородное дело...

...Сравнение Хортицы с человеческим сердцем не случайно. Сердцу сейчас плохо, и наша задача — помочь острову обрести здоровье, восстановить ритм.

МЕДИЦИНСКИЙ КООПЕРАТИВ: ЗА И ПРОТИВ

В двух номерах журнала «Огонек», № 49 и № 51, опубликован материал, в котором критикуется позиция Минздрава СССР, касающаяся предоставления в аренду так называемым лечебно-диагностическим кооперативам дефицитного дорогостоящего импортного оборудования. С целью объяснения нашей позиции можно было бы сослаться на ответ, который был направлен редакции газеты «Известия» по этому вопросу. Однако, учитывая большое значение, которое Вы, видимо, придаете этому вопросу в деле перестройки, происходящей в нашей стране, если судить по подзаголовку статьи «перестройка, проверка делом», мы сочли необходимым дополнить наш ответ, направленный в газету.

Ваш корреспондент начинает статью со ссылки на работу съезда врачей, который, по ее словам, констатировал сохранение командно-административного метода в здравоохранении. Оставим на совести корреспондента это утверждение, ибо, по мнению делегатов, такого демократичного, полного конструктивной критики съезда еще не было в истории советской медицины. Но главное, о чем забыла сообщить корреспондент, что критикуемый приказ Минздрава издан во исполнение резолюции съезда врачей и пленума ЦК профсоюза медицинских работников. Так что он родился не благодаря «командному стилю руководства Минздрава», а как выражение мнения широкой медицинской общественности.

Министерство здравоохранения СССР неправомочно открывать или закрывать кооперативы. Это дело органов Советской власти. Но оно обязано следить за работой учреждений здравоохранения, обеспечивающих воплощение в жизнь величайшего достижения социализма — бесплатной высококвалифицированной медицинской помощи каждому гражданину страны. С этой точки зрения большое значение приобретает правильное и рациональное использование дорогостоящей импортной аппаратуры, которой, как известно, в стране не хватает.

Именно с целью эффективного использования аппаратуры создаются диагностические центры. Четырнадцать таких центров уже функционируют, причем два из них в Москве, и вашему корреспонденту не составляло большого труда посетить один из них. Кстати, в них, а не в платных кооперативах, недоступных по ценам многим категориям трудящихся, мы видим «перестройку делом».

Почему же в Москве начали передавать дефицитное импортное оборудование кооперативам для платного использования? Как показала проведенная проверка, это было связано с плохой организацией его эксплуатации московским здравоохранением и некоторыми клиниками научно-исследовательских институтов. Вместо того чтобы организовать 2-сменную его работу, как это сделано во многих учреждениях, в ряде поликлиник, больниц и научно-исследовательских институтов с 16 часов это оборудование эксплуатируется кооперативами за высокую плату.

Более того, в больницах №№ 71, 19, поликлинике № 42 и ряде других учреждений на той же самой аппаратуре во время основной деятельности проводилось меньше исследований, чем во время, предоставленное для работы кооперативам. Если же учесть расход ресурсов импортного оборудования, то получается, что их большая часть была бы использована именно для платной диагностики. Нельзя забывать и то, что кооперативы использовали расходный материал и реактивы государственных учреждений здравоохранения, покупаемые на весьма ограниченные валютные ассигнования Минздрава СССР. Вот о чем говорили делегаты съезда врачей, возмущенные использованием кооперативами г. Москвы дорогостоящего импортного оборудования, которого почти нет во многих городах Сибири и Дальнего Востока, Казахстана и Узбекистана и других республик страны.

Ваш корреспондент ссылается на статистические данные, говорящие о том, что общественность поддерживает создание медицинских лечебно-диагностических кооперативов. Наша же почта свидетельствует об обратном. Мы получаем большой поток писем, в которых справедливые претензии к Минздраву, плохо контролирующему использование государственного имущества, предназначенного для бесплатной медицинской помощи, предъявляют трудящиеся нашей страны. Мы направляем вам некоторые из этих писем. Вот почему был издан приказ, направленный на совершенствование работы государственных учреждений здравоохранения по использованию диагностической аппаратуры. Согласитесь, что это не только право, но и обязанность Министерства здравоохранения СССР.

Минздрав СССР не против кооперативов как таковых, а за их создание в сфере, где необходимы дополнительные материальные вложения, кадры специалистов, например, оздоровления и профилактики. Но возникновение кооперативов не должно являться следствием нежелания отдельных руководителей здравоохранения правильно организовать работу своих учреждений.

Письмо, опубликованное в «Огоньке», представлено как обращение чрезвычайного съезда медицинских кооперативов, хотя мы считаем, что его нельзя так расценивать, поскольку это было собрание представителей практически только московских кооперативов, занятых преимущественно диагностикой. Всего их было зарегистрировано на тот период 137, из них функционировало только 64. А, например, большая группа оздоровительно-медицинских кооперативов (149 из 95 городов страны) на своем учредительном съезде, создавшем Союз оздоровительно-медицинских кооперативов СССР, приняла обращение в Минздрав СССР совершенно другого содержания, опубликованное в еженедельнике «Неделя» № 45 (7—13 ноября 1988 г.).

Минздрав СССР активно начал сотрудничество с этим союзом, разрабатывается совместная программа работы, рассматривается вопрос о внедрении системы госзаказа.

Хотелось бы указать также, что в публикациях практически игнорируется развитие государственных медицинских платных услуг, осуществляемых хозрасчетными учреждениями здравоохранения. Они создаются как дополнение к существующей системе бесплатной медицинской помощи. Цены в них, устанавливаемые государственными органами, в несколько раз ниже кооперативных цен.

Развивая государственные хозрасчетные поликлиники, мы активно способствуем организации дополнительного использования в этой сети дефицитной диагностической аппаратуры и других видов медицинской помощи.

И в заключение несколько слов о журналистской этике. Публикуя такой обширный материал (он больше по объему публикации о трагедии в Армении), ваш корреспондент должен был бы изложить не только точку зрения кооператоров, заинтересованных в личных доходах, но и доводы государственной службы здравоохранения. Зная приверженность редакции «Огонька» духу гласности, мы надеемся на публикацию данного письма в одном из ближайших номеров журнала.

В заключение хочу заверить, что Министерство здравоохранения СССР, твердо придерживающееся принципа широкой гласности, готово обсудить на страницах вашего журнала любые принципиальные вопросы перестройки и совершенствования охраны здоровья советского народа.

С уважением,
министр Е. И. ЧАЗОВ

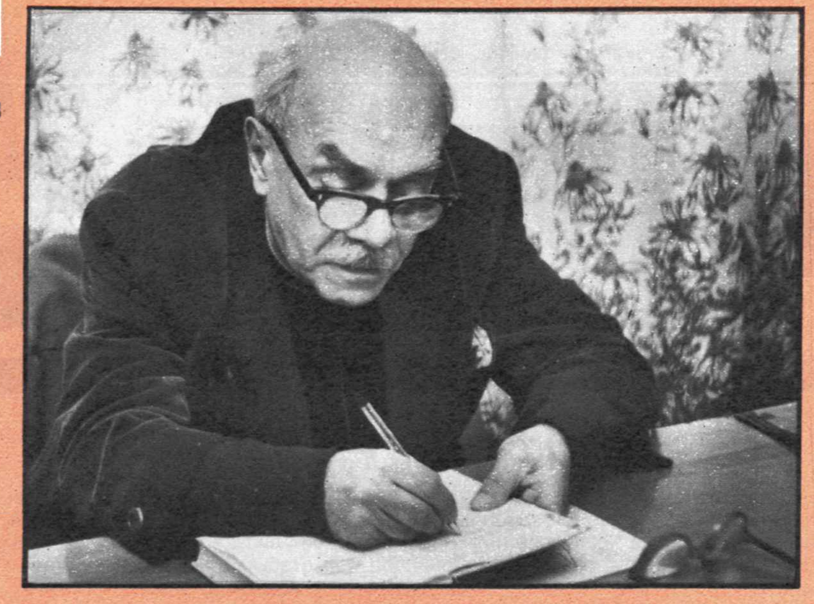
НЕОБХОДИМЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Мы благодарим академика Е. И. Чазова за оперативный отклик на публикацию журнала.

Статья о кооперативе «ЛиК» напечатана в «Огоньке» в порядке обсуждения. Именно поэтому в анонс на первую обложку вынесено: «Медицинский кооператив — за и против».

И, наконец, об этике. Напрасно Е. И. Чазов пеняет «Огоньку», оставляя «на совести» автора упоминание «об административно-командном стиле» руководства Минздрава. Здесь мы лишь процитировали выступления делегатов недавнего Всесоюзного съезда врачей. Эти выступления опубликованы в «Медицинской газете».

Давид САМОЙЛОВ

НЕВИДИМАЯ ЛИНИЯ

* * *

Игра со временем — не с нашим
и не с прошлым,
А с тем, гудящим во вселенских
парусах,
Простительна лишь маленьким.
А взрослым
Внушает отвращение и страх.

И оттого-то мы не спим ночами,
Когда ясней, что время смещено.
И давим время, как в давильном
чане,
Чтоб в голову ударило оно.

ТРИ ОТРЫВКА

1

«Кара! Кара!» — каркнул ворон.
«Кайся!» — прозвенел топор.
Это осень всем простором
Наш вчерашний разговор
Повторила.
Значит, где-то
Надо воспроизвести
Исповедь интеллигента
Кающегося... Прости!

2

Странно мне, что с приближеньем
смерти
Я о ней не думаю при свете
Дня. Но если не заснул,
Чую под щекой дрожанье рельса,
Холод голой стали и экспресса
Приближающийся гул.

3

Вот что доступно только гениям:
Обдать нас, как волной и пеной,
Захватывающим движением
Реальности обыкновенной.

А если уж потребна исповедь,
То следует Экклезиаста,
Не обинуясь, перелистывать.
Однако иногда.
Не часто.

* * *

Смысл истории, значенье лиц,
Может быть, нам растолкует гений,
Нас убережет от небылиц
И замусоренных представлений.

Может быть, как это было встарь,
Люди снова приобщатся к тайне.
В небе звезды вспыхнут,
как янтарь.
В них прочтем судеб
предначертанье.

Не по звездам ли пора прочесть
То, что философии неясно?
И принять судьбу, какая есть,
Не противоборствуя напрасно.

* * *

Не время ли, чтоб полюбовно
Сходиться у одной черты
В сознанье правоты любого
И собственной неправоты?

Не время ли пройти по лугу,
По сенокосу, по траве,
Доверчиво держась за руку,
Где нож таится в рукаве?..

ДОЖДЬ

Дождь пахнет мокрой собакой.
Угрюмо горят фонари.
Сперва говорили: «Не вякай!»
Теперь говорят: «Говори!»

А что я поведаю ливню?
Чем стану его унимать?
И чем вообще осчастливлю
Всех тех, кто способен внимать?

Пристойно ли в роли всезнайки,
Оратора и свистуна
Рассказывать темные байки,
Скрывая, что грош им цена?

А буйствовать — это дешевка,
Но дорого станет. Таков
Удел одурманенных ловко
Беспамятных боевиков.

И что в этих ливнях повальных
Сказать, кроме слова «прости»,
От всяких сентенций банальных
Стараясь себя упасти?

Такою вот всячиной всякой
Терзаешь себя до зари...
Дождь пахнет мокрой собакой.
Угрюмо горят фонари.

ПЕРЕМЕННАЯ ПОГОДА

Ветры быстры. Тучи сизы.
И внезапны переходы
Настроенья. И капризы
Переменчивой погоды.

Утром солнце из-за леса
Светит. К ночи с небосвода
Дождь колотит о железо.
Переменная погода!

Как в воде с лимонной солью
Пенная щепотка соды,
Закипает всё раздолье
Переменчивой погоды.

И, подобная шуляке,
Не спешит считать расхода
Солнца, ветра, листьев, влаги
Переменная погода.

На смиренье и бунтарстве
Не стоит уж слишком твердо...
Поглядим, что будет дальше:
Или ливень, или вёдро.

АЛЬФОНСАСУ МАЛДОНИСУ

Дай тебя переведу
За руку, поэт мой милый,
Через эту немоту,
Через эту пустоту
По непрочному мосту,
По одной досточке хилой.

Не гляди по сторонам
И не надо торопиться,
Чтобы нам не оступиться,
Чтоб ничем не поступиться
Из того, что нужно нам.

Пастухи или послы,
По мостку, что как качели,
Оперся о две скалы —
Перейдем... Мы уцелели.
Но гляди, как поседели
Оба мы, покуда шли!

ЛИНИЯ

В толпе, где прямо не пройдешь
И где нельзя стоять разинею,
Нужна невидимая линия
Сквозь сутолоку и галдеж.
Она спасает от уныния,
Прорезывая, словно нож,
Хмельные здравицы триклиния
И злые выкрики святош.

* * *

Вспоминай про звезды неба,
Потому что звезды неба
Упасают от набега
Половца и печенега.

Потому что в жизни вздорной,
Часто празднующей труса,
Поднимают до Нагорной
Проповеди Иисуса.

Потому что в их чертоге
Без вражды и без тревоги
Обитают полубоги,
Рыбы, псы и козероги.

Потому что различимый
Привкус тайны в их настое.
Потому что нет причины
Отвлекаться на пустое.

ЗАПОВЕДЬ

Скажи себе: «Не укради!»
И от соблазна отойди.

Себе промолви: «Не обидь!»
И не обидишь, может быть.

И «Не убий!» — себе скажи,
И нож подальше отложи.

А там уж «Возлюби!» воспой.
А не возлюбишь, бог с тобой.

Коль не украл и не убил,
Неважно, что не возлюбил.

* * *

То, что от меня пошло,
Так при мне останется.
Ну, а что ко мне пришло,
От меня отвалится...
Как грешить ни тяжело,
Тяжелее каяться.

* * *

В памяти угасла строчка,
Как падучая звезда.
В памяти моей непрочной
Не оставила следа.

Ни следа от той, летучей,
Строчки, что легко забыть,
Строчки на какой-то случай,
Пустяковый, может быть.

Пустяковый, может статься,
Чуть нарушивший покой,
Но никак нельзя расстаться,
Вспомнить хочется — какой?

Юрий НАГИБИН

Рассказ-быль

ВЫБОРЫ-52

Выбирать — брать любое из многого.
(В. Даль)

Я проснулся с непонятным ощущением счастья... Мы жили с Лелей уже не первый год, но не были расписаны, и это придавало остроту нашим отношениям. Мы не могли расписаться, Леля была зарегистрирована с первым мужем, арестованным в тридцать седьмом году. Отсидев десять лет, он вышел на вольное поселение, женился и по новому закону подлежал лишению свободы на три года как двоеженец. Из боязни подвести его Леля не могла подать на развод, мы были обречены жить в сладостном грехе.

Я вспомнил об этих обстоятельствах, прислушиваясь к себе, в тщетной надежде разгадать причину моего непонятного счастья.

Я был, как всегда, рад Лелиному существованию возле меня, а также своей относительной свободе, приковывающей меня к ней сильнее формальных уз, она будет мне нужна, может быть, еще сегодня утром, но не сейчас.

С легким разочарованием я уж подумал, что счастлив просто так, беспричинно, когда пальцы подсказали мне догадку. Нашаривая пепельницу, я коснулся раз-другой гладкой полированной поверхности спальной тумбочки. Эта тумбочка четыре года назад заменила в моей комнате убогий ночной столик на курьих ножках, с кафельной, навозного цвета, крышкой. Столику было очень много лет, но не так много, чтобы это придало ему значительности, возвело в ранг антиквариата. Тумбочку я купил из первого в моей жизни «мартовского» заработка, когда вдруг обнаружилось, что я, печатающийся мало, редко и трудно, могу стать — пусть ненадолго — самым желанным, самым нужным, самым модным автором. Вот тогда-то, еще не умея использовать всю полноту возможностей, действуя робко и кустарно, я заработал на эту тумбочку. И первое лакированное, полированное, тяжеленькое при малых габаритах, красновато-коричневое чудо ворвалось в затхлый мирок окружавших меня вещей. Она была и столиком, и шкафчиком, в ней держал я свои выходные туфли и ночные шлепанцы; на нее встали: новая черная пластмассовая, гибкая, как змея, лампа, металлическая пепельница и спичечница; между крышкой столика и шкафчиком находилось полое пространство, куда можно было класть газеты, журналы, рукописи...

Тумбочка подсказала мне: да, у тебя есть повод для счастья, на дворе март, скоро выборы, в газетах появилась рубрика «В Сталинском избирательном участке», и ты один из главных поставщиков этого отдела, а в «Социалистическом земледелии» — монополист.

За шторами прибавилось света, и слабым мерцанием выступили из сумрака стеклянные дверцы книжных шкапов. Эти шкапы вместе с письменным столом я купил три года назад на доходы от выборов в Верховный Совет Республики. Две трети немецкого кабинетного гарнитура, добротного, дубового, лаконичных современных форм, заменили мой жалкий письменный столик и убогие полки из плохо струганного, крашенного морилкой дерева. Следующий март, принесший выборы судей и народных заседателей, сделал меня владельцем кресла и чешской люстры. Я полностью освободился от унаследованных предметов обстановки, теперь каждая вещь в моей десятиметровой комнате носила отпечаток моего гения, обретавшего продуктивность в светлую пору избирательных кампаний.

Но по-настоящему мое литературно-торговое предприятие расцвело в нынешнем году, когда сбор материалов взяла в свои руки Леля. Я был слишком робок, застенчив, пуглив. Сталинский избирательный участок находился у черта на куличках — на площади Журавлева в каком-то клубе, каждая поездка туда оборачивалась для меня мукой. Я с детства не доверял окраинам Москвы. Попадая туда, я чувствовал себя дальше, чем за краем света, и мучительно рвался назад, в милую привычность Чистых прудов. Став постарше и осознав свой болезненный страх перед окраинами, я принялся то ли дразнить, то ли бороть его. Я выбирал наиболее дальние трамвайные маршруты, такие, как 3, 4, 16, 21, 24, 48, 51, и ехал до какой-нибудь Абельмановской заставы, или Черкизова, или Наримановской улицы в Сокольниках, где Москва поникала под старыми, некрасивыми, задымленными деревьями, низенькая, опасно смиренная, двусмысленная. Там веяли ветры чужой печали, душу сжимало одиночеством, и я почти со слезами хватался за поручень трамвая, уходившего в обратный путь к моей Москве, моему милому, бедному дому, которого мне всю жизнь не хватало, даже когда я безвылазно сидел в четырех стенах.

Собирая материал, я стремился к одному: скорее прочь, скорее под родимый кров. Так не сделаешь карьеры журналиста. Леля не раз выручала меня за нашу недолгую совместную жизнь, она пришла на помощь и теперь. Отныне мне оставалось лишь облекать в слова тот горячий, огнедышащий, простой, грубый, как сама жизнь, невероятный, как сама жизнь, материал, который приносила Леля из своих бесстрашных вылазок в грозную державу, именуемую площадью Журавлева...

— Так я пойду,— печально сказала Леля и села на тахту.

Мне было жаль ее. Какая же это тоска: ковылять в ботиночках на рыбьем меху в сырую мартовскую студь по серой каше снега, оскальзываться на облитых наледью тротуарах, трястись в метро, в тесноте влажно-пахучих грубошерстных пальто, тащиться грустными тоннелями на пересадку и снова вдавливаться в неопрятно-пахучую массу, забившую вагон, погружаться в смертную печаль окраины, где черные деревья, черный ветер и тонкие паровозные гудки, а потом вести бредовые разговоры со странными людьми, населяющими избирательный участок, наспех вписывая патриотические чувства и мысли сограждан в маленький, в истертом коленкоровом переплетике блокнот.

И мне, как нередко случалось,— хотя, видит бог, я гнал от себя подобные мысли,— вдруг пришло на ум: что за странность гонит сейчас Лелю из теплоты родной жизни в холодную, тоскливую даль то ли государственного, то ли канцелярского безумия? Что означает все это?.. В назначенный день поднятые на раны люди, поеживаясь от недосыпа и мартовской измороси, притащатся в дом на площади Журавлева и опустят в урну листочки с именем Сталина. Заранее известно, что явятся все сто процентов тех, кому положено явиться (Леля додумалась, что их будет больше ста процентов, но к этому я еще вернусь), что ни один из них не вычеркнет заветное имя в листочке, именуемом бюллетенем, скорее Земля сорвется с орбиты; известно и другое: пусть кто-нибудь в мгновенном мазохистском помешательстве вычеркнет имя высокого кандидата, все равно окончательный подсчет покажет: единогласно. Наконец, и это тоже всем известно, можно вовсе не тревожить бедных, усталых людей, а сразу объявить о единодушном избрании Кандидата. Но почему-то так не делают. В положенный срок, будто охваченные амоком, люди начинают бешеную пустопорожнюю суету, которая не могла бы стать неистовой, если б у кандидата площади Журавлева появился соперник. Сотни людей, освобожденные от работы, но сохраняющие зарплату, мотаются по квартирам и проверяют списки избирателей с такой придирчивостью, словно имеют дело не с гражданами, собирающимися осуществить свое конституционное право, а с шайкой уголовников; лучшее общественное помещение района драпируют плюшем, кумачом и бархатом, и там денно и нощно толкутся озабоченные, взволнованные бездельники — избирательная комиссия. Над подъездами многих учреждений, школ, домовых клубов зажигаются лампочки, образующие загадочное слово «Агитпункт», и там тоже полно людей, призванных, видимо, убедить сограждан, что кандидат № 1 лучше, достойней, чем его абстрактные соперники. Все это гомозится с утра до ночи, беспрерывно звонят телефоны, куда-то мчатся машины и мотоциклы, ни дать ни взять — командный пункт во время решающего боя. Непонятно только, кого тут собираются побеждать? И как положено для решающего участка, здесь стаями бродят голодноглазые корреспонденты, вымаливая подачку у руководителей боя. Порой им бросают не кость, а нечто лучезарное и внематериальное, как божественное сияние, и они жадно растаскивают по редакциям призрачную добычу...

Но думать об этом не стоит, надо помнить о своей высокой цели и мужественно идти к ней сквозь бредовый туман, окутавший действительность. Я хочу приобрести «Москвич». Он должен избавить меня от страха расставания с домом. Когда возможность немедля повернуть назад будет всегда при мне, я перестану бояться не только окраин, но и пригородов, быть может, даже больших расстояний.

Я смогу поехать в майский лес, где по утрам так густо и сладко пахнет молодой листвой, и зеленая пыльца реет в воздухе; я смогу поехать туда с Лелей, а позже, когда утихнет чувство благодарности к ней, то и с какой-нибудь другой женщиной. Но сейчас мне неприятно думать об этом, я слишком заинтересован в Лелиной помощи, я набит признательностью, как колбаса салом, и хочу быть чистым в отношении Лели даже в мыслях...

Тахта чуть приподнялась, освобожденная от Лелиной тяжести. Послышались легкие шаги — только полные люди умеют ступать так скользяще-невесомо, скрипнула дверь, Леля вышла в коридор.

Я заснул ненадолго, но спал в столь дивном, очищающем беспамятстве, что мне показалось, будто я проспал полдня. Нащупав часы на прохладной полированной поверхности тумбочки, я обнаружил, что не прошло и часа с Лелиного ухода.

Я стал быстро одеваться. Натянув поверх майки-безрукавки вязаный жилет с замшевой грудью, я вновь испытал горделивое счастье. Этот жилет мне дала радиопередача, которую я создал в самом

Журнальный вариант.

начале избирательной кампании. Передача противопоставляла девственную чистоту и опрятность наших выборов грязи и бесчинству избирательной свистопляски в Англии. Я использовал большой кусок из «Пиквикксого клуба»: там кандидаты враждующих партий поливают друг дружку помоями — и буквально и фигурально,— избирателей спаивают, запирают в сарае, чтобы те не убежали... Передача имела громадный успех, мне заплатили повышенный гонорар, и я раздобыл эту дивную жилетку.

До возвращения Лели мне нечего было делать, но привычка работать по утрам толкала мои мысли в деловое русло. В который раз задумался я над таинственными словами Лели, что за Сталина должно быть подано больше ста процентов голосов. Я смутно угадывал за этим открытие, провидение неких мистических начал, которые должны сменить достигшее края, израсходовавшее весь свой немалый запас бытовое преклонение. Уже делались попытки преодолеть земные узость и отягченность: по праздникам в черноте московского неба плавал в скрещении серебристых лучей портрет Сталина в форме генералиссимуса, одаряя память лермонтовскими строчками: «По небу полуночи ангел летел...» Но это, конечно, ребячество, лишь робкий намек на возможности, таящиеся за гранью обыденности. Наиболее духовные из искусств — музыка и литература — должны найти новые, мистические формы подхалимажа. Если мне удастся решить задачу, предложенную Лелей, наступит новая эра, и мне достанутся все преимущества первооткрытия. Предпосылки были ясны: раз за обычных кандидатов голосуют сто или почти сто процентов избирателей, то, естественно, за Сталина должны голосовать больше ста. Быть может, следует проанализировать самое понятие «сто процентов» в плане бессилия цифр выразить чудовищный напор любви и благодарности?..

Не богато, и похоже, кто-то уже шаманил в таком роде. В памяти мощно вырос Фомочка Рубцов, красавец и богатырь Фомочка, наш бывший сосед по квартире в Армянском переулке. Он заведовал подвальчиком «Медведь» на Арбате. Почти двухметрового роста, толстый, но статный, с жемчужными зубами, серыми, пушистыми глазами и белесой тугостью коротких кудрей, Фомочка казался выходцем из былины. Особенно хорош он бывал, когда, напившись до потери сознания, лежал голый поверх белоснежной крахмальной постели, золотистый по телу, с курчавым, рыжим пахом и меловым, скульптурно-ослепшим лицом, а вокруг, словно маленькие фавини, резвились четыре красавицы дочки. Царственная широта кутежей Фомочки привела его к растрате, он был исключен из партии, выгнан с работы и только чудом избежал тюрьмы. Тут как раз подоспели первые выборы, и наша квартира дружно отправилась голосовать. В осуществление полноты гражданских прав каждого избирателя насильно загоняли в кабину, откуда он старался скорее выскочить, чтобы его не заподозрили в попытке зачеркнуть кого-нибудь в бюллетене. Лишь один Фома Рубцов пробыл в кабине вызывающе долго, а затем вышел, гордо помахивая бюллетенем, поперек которого что-то было написано. Конечно, все догадались, что он написал: «Хочу Сталина. Фома Рубцов». После этого Фомочка, худея от нетерпения и надежды, стал ждать, когда Сталин, тронутый до глубины души его преданностью, прикажет вернуть ему чины и должности. Он так и не дождался награды и погиб под Москвой в начале Отечественной войны.

А ведь таких фомочек, наверное, сотни, тысячи: все справедливо или несправедливо разжалованные, униженные, брошенные на дно должны попробовать эту последнюю возможность. Но, может быть, они только множат испорченные бюллетени? Неужели бюллетень, на котором стоит имя Сталина, посмеют считать испорченным?..

Нет, ничего не надо узнавать, когда дело касается Сталина, надо действовать без оглядки. Как ни странно, но тут начинается область почти безграничной свободы. Нет такой нелепости, дикости, несообразности, безвкусицы, фантасмагории, которая не сошла бы с рук, коль речь идет о Сталине. Тут рушатся все законы и в первую очередь законы здравого смысла, все правила и порядки, все строжайшие установления. Пусть бюллетень, на котором что-то написано, считается негодным, с именем Сталина он становится наигоднейшим, наидействительнейшим, наилучшим из всех бюллетеней!..

Рисунок Петра ПИНКИСЕВИЧА

И все же Леля имела в виду что-то иное, более тонкое, отвлеченное и таинственное, чем грубая очевидность бюллетеней с приписанным от руки именем Сталина. Как и всегда от подобных мыслей, я испытал легкое головокружение. Потянуло на воздух.

На улице меня встретили нежданно синева неба и сухой блеск схваченной морозом талости на тротуарах и мостовой. А ведь, когда мы проснулись, за окнами текло, и пробивающийся в комнату свет был словно пеплом замешан. Но так бывает в марте, вдруг по весенней серой мокряди ударит мороз в синеве и солнечном золоте. И снова острой и радостной болью опахнуло душу, боже мой, как хорош этот страшный мир!..

Узенькая кривая улица Фурманова предлагала в оба конца свои скромные соблазны. Можно было пойти налево, где на углу Сивцева Вражка располагался пивной киоск, можно пойти направо, где живет Липочка, бывшая моя институтская однокурсница, превратившая свою крошечную, как скворечня, комнатку и свое крохотное, как у скворца, тело в ристалище бурных и низких страстей окололитературной братии. Каждый захожий человек, если он состоял хотя бы в самом отдаленном родстве с музой поэзии, мог получить у Липочки рюмку коньяку, поцелуй бескровных уст и неожиданно сильное, цепкое объятие худеньких рук.

Я мог бы пойти к Галочке — первая подворотня направо, второе парадное налево, бельэтаж,— милой Галочке, скрасившей мне возвращение с фронта, когда, контуженный, больной и несчастный, я никак не хотел взять в толк, что жена бросила меня. Галочка, маленькая эстрадная актрисочка, с милым, неброским личиком и простонародным говорком, умудрилась родиться в доме орловского губернатора, которому приходилась внучкой. Это обстоятель-

ство до странности долго не привлекало внимание власть предержащих, но в конце концов они спохватились и завербовали Галочку. Половая распущенность сочеталась в Галочке с неистребимой порядочностью во всех других областях жизни. Она была невластна над собой, что-то неодолимое, атавистическое, намертво втрамбованное в нее поколениями предков мешало Галочке доносить. Она стала спасаться идиотизмом. Глупенькая от природы, она стала совсем кретиночкой, куклой с круглыми, серыми, бессмысленно вращающимися глазами. Боясь кого-нибудь спровоцировать, она погребла в себе голос, будто онемела, боясь кого-нибудь соблазнить и тем приблизить к опасности, она резко подурнела, обхудала и перестала следить за собой. Словом, идти сейчас к Галочке не имело смысла.

Я мог пойти к Лидке — флигелек в нашем дворе,— к стройной, крепконогой Лидке, которая легко жила, легко стучала, не теряя ничего в своей сильной, незаурядной личности. Она занимала крупный пост в строительном отделе Моссовета, хорошо, весело пила, но отдавалась только за деньги. Последнее делало бессмысленным мой визит к ней, у меня не было ни копейки...

На углу Гагаринского и Чертельского рос старый дуб. Ствол дуба был в три обхвата, в морщины коры свободно входила ладонь, крона его возносилась много выше соседних домов. Когда у меня была собака, я всегда водил ее к этому дубу. По-лошадиному фыркая, моя собака обнюхивала дуб со всех сторон, сумрачно-янтарные глаза ее опрокидывались в экстазе: безмерно щедро на любовь и вражду было подножие этого дерева, а затем моя собака, дрожа и поскуливая, никак не могла выбрать место, где задрать ногу. Всякий раз меня охватывал ужас, что это кончится уремией, но на каком-то последнем пределе нужное место всегда отыскивалось и долго, сладостно орошалось. И вот сейчас возле дуба резвился большой щенок дратхар, мордой, детской и бородатой, похожий на мою собаку. Он припадал на передние ноги, пятился назад, затем кидался к дубу, облаивал его и сразу пускался наутек. Это повторялось множество раз. Вначале мне показалось, что он предается той же страстной и кокетливой игре, что и моя собака, но нет: когда в очередной раз щенок принялся облаивать дуб и, осмелев, подошел к нему ближе обычного, из-за ствола крадущимся шагом, угрожающе вытянув вперед руки и по-ведьминому скрючив пальцы в тонких кожаных перчатках, появилась Леля и пошла на щенка. Тот с визгом бросился наутек. Должен сказать, что его ужас не мог все же сравниться с моим. Я был уверен, что уже добрый час Леля находится в Сталинском избирательном участке, быстрым, неровным почерком заполняя свой потрепанный блокнотик. Оказывается, все это время, пока я доверчиво спал, мечтал о «Москвиче», серьезно и хорошо думал о делах, о ее преданности мне и о своей благодарности, Леля играла с щенком. То, что она сделала, было предательством, а я даже в мыслях не допускал, что поеду на «Москвиче» в лес с другой женщиной!

Что ж, с Лелей все кончено. Вот так бессмысленно возле старого дуба, этой собачьей станции, под глупый лай молодого дратхара и слюдяное сверкание водосточных желобов, ни с того ни с сего завершился целый период моей жизни. Не будет сегодняшней и завтрашней статей, не будет большого заработка, не будет «Москвича» и майского леса, и победы над страхом путешествий не будет. Зато будет другое, совсем другое, но тоже сладкое, гибельно-сладкое. Мне уже следовало довольно много денег; пересилив себя, я съезжу на площадь Журавлева в день выборов и заработаю еще. Этого хватит на новый габардиновый плащ и на долгое пьянство, и на Лидку хватит, да и не только на Лидку. Освобожденный от вязкой Лелиной привязанности, я наконец-то по-настоящему воплощу себя в разгуле. Всю жизнь мечтал я о великом, сокрушительном «выходе», всю жизнь откладывал его то из-за занятости, то из-за отсутствия денег, то из жалости к близкой женщине. Но сейчас, освобожденный предательством от всех душевных пут, я возьму свое.

Умение мгновенно передумать свою жизнь на разрушительный лад было всегда самой сильной стороной моей личности. Готовность найти смысл существования в распаде спасала даже от страха потери тех людей, чей уход страшнее для меня собственной смерти...

В кафе я выпил в долг большую рюмку коньяку. Мне вдруг представилась совсем ненужной моя новая, ничем не ограниченная свобода. Мне нечего было делать с ней. Мне нужна была Леля, чтобы я мог радостно и легко предаваться разгулу. Как могу я пойти к Лидке или к Липочке, или к любой другой, когда на душе так черно, когда не будет ежевечернего, очищающего всю грязь, все вины, все дурное, ненужное, тихого, деликатного стука в дверь? Леля всегда приходила словно в первый раз. У нее было застенчивое, чуть виноватое лицо, казалось, она боится, что слишком буквально поняла вежливо-условное приглашение заходить.

Но если я прощу сегодняшнее надувательство, нашим отношениям все равно конец. Они зиждились на полной ее отдаче, самозабвении и на том, что я должен верить в нее, как в бога. Иначе это не звездный союз, а скучный полубрак двух неудачников.

Я вышел из кафе. Воздух приобрел зеленоватый оттенок. Потеплело. Тротуары и мостовые заструились плоскими ручьями. Влага осаждалась на щеках, забисерила рукава пальто. Город уподобился Атлантиде, и мы, скучные русалы этого подводного царства, медленно плыли сквозь зеленоватую водную стихию, а навстречу и в обгон проносились рыбы-телескопы с выпученными, излучающими яркий свет глазами.

Стеклянная дверь парадного, захлопнувшись за мной, освободила меня от морского наваждения. Я стряхнул капли с пальто и кепки, вытер ноги о половик и вновь стал жителем земли.

Коньяк, выпитый в кафе, наградил меня изжогой, нисколько не возвеселив души. Я все время помнил, что потерял Лелю, и мне никак не удавалось поверить в легкость утешения. Я выпил соды, без охоты пообедал и прошел в свою комнату. Я чувствовал, что сейчас расплáчусь от бессилия перед жизнью. Несильно хлопнула входная дверь, какой-то добрый говорок вспыхнул и погас в прихожей, так бывает, когда приходит кто-то близкий и любящий дом.

— Можно?

Крадущимся шагом, как тогда из-за дерева, в комнату вошла Леля. Я глядел на нее не в гневной — в печальной растерянности.

— Принимайте величайшего репортера современности.— Она положила на письменный стол свой блокнотик и еще стопку густо исписанных листков.— Такого богатства еще ни разу не было.

Я так обрадовался возвращению к жизни, ко всем своим обязанностям, надеждам, привязанностям, распорядку, что не стал ее расспрашивать, когда же успела она собрать весь этот материал, если большую часть дня провозилась с собакой возле старого дуба.

— Чего же ты не раздеваешься?

— А работа?.. Мне тоже надо зарабатывать алтушки. А я чуть не весь день провела на переднем крае выборов.— Леля улыбкой смягчила укор.— Так что я приду сегодня очень поздно.

Я был признателен ей за эти слова, открывавшие мне дополнительные возможности на вечер. Если я быстро разделаюсь с очерком, можно навестить Липочку или Лидку, мне опять думалось о них с удовольствием.

Проводив Лелю, я сел к столу. Видимо, во мне погиб настоящий писатель. С ранних лет, едва открыв в себе способность марать бумагу, полюбил я писание. Мне нравится сидеть за столом и покрывать корявыми буквами белую гладь листа. Я жадно отношусь к бумаге, не оставляю полей, слова ставлю тесно, экономлю на просветах между словами. Моя рукописная страница много больше машинописной, но я делаю перед собой вид, будто она меньше, чтобы больше написать. Мои материалы всегда приходится сокращать. Мне почти все равно, о чем писать. Хотя это не совсем так. Я люблю писать о настоящем, своем, интимно мне близком. Но я способен увлечься даже самым посторонним, чуждым мне, бессмысленным и глупым. Потому что я смертельно люблю печататься. И зарабатывать деньги литературным трудом я люблю. Я никогда не мечтал ни о наследстве, ни о выигрыше по займу, ни о богатом кладе, лишь нажитое литературным трудом соблазняет меня.

Я стал листать Лелин блокнот. Да, у нее еще не было столь щедрого урожая!.. Грузинский полковник похитил самолет, чтобы проголосовать за Сталина в Сталинском избирательном участке... Группа прокаженных из Северокавказского лепрозория прислала своих представителей с ходатайством позволить им отдать свои голоса товарищу Сталину... Парализованная старуха приползла из Лопасни и свалилась замертво на пороге Сталинского избирательного участка. «Я хочу проголосовать за нашего Отца родного» — были первые слова старушки, когда усилиями «замечательных мастеров здоровья» с медпункта Сталинского избирательного участка она была приведена в сознание. Слепцы, глухонемые, раковые и легочные больные, многие месяцы прикованные к постели, стекались к Сталинскому избирательному участку, как увечные к лурдской Божьей матери. Это было замечательно!

Смущала меня лишь одна особенность Лелиных материалов: получалось, что все калеченые, поврежденные, больные, неполноценные, обиженные судьбой стремятся голосовать за Сталина. До поры это имело успех в газетах. Своеобразное паломничество калек к Сталинскому избирательному участку вызывало смутные ассоциации с паломничеством к святым местам, с чудесами исцеления страждущих путем наложения рук, погружения в святой источник или прикосновения к мощам. Когда дело касается Сталина, некий тщательно замаскированный религиозный экстаз необходим. Это тонкая штука: внешне все должно выглядеть как народный энтузиазм, доведенный до клинической степени, но легкий, словно запах давно увядших цветов, аромат мистицизма, религиозного фанатизма обязан неуловимо щекотать обоняние. Если ты преуспел в этом, можешь смело рассчитывать на успех. До сих пор мне не удавалось балансировать на тонкой проволоке, протянутой над пропастью. Но сейчас я впервые ощутил смутную тревогу. Конечно, против фактов не попрешь, раз прокаженные, паралитичные, физически и душевно поврежденные рвутся голосовать за Сталина, было бы ничем не сообразным жертвовать столь пряным и выразительным материалом. Но нет ли тут перебора, быть может, Леля слишком односторонне отбирает факты?

Я стал проглядывать записи дальше. А вот пример совершенно другого рода: цыганская таборная семья, свернув с кочевой дороги, прибыла на Сталинский избирательный участок. Умница Леля записала своеобразную, немного наивную и трогательную речь главы семьи: «Цыган степь любит, дорогу любит, пуще жизни волю любит. А кто всему народу волю дал, кто народ счастьем нагрузил, на широкий, светлый шлях вывел? Самый большой друг цыган — Сталин! Мы кочуем себе, песни поем, вдруг слышим: «Народ за Сталина голосует». В-вах, свернули с дороги и сюда прикочевали. Мы за Сталина песней голосуем, гитарой голосуем, пляской голосуем, звездой путеводной голосуем. Ведь цыгане тоже мало-мало к коммунизму кочуют!»

Вот здорово! Я опишу смуглоту цыганских лиц, черноту кудрей, опишу их бедно-яркую одежду, их подводу и лошаденку...

А вот замелькали страницы, исполненные задора и веселости. Леле удалось подловить группу молодых людей, которым предстояло впервые участвовать в выборах. Юнцы, едва достигшие совершеннолетия, уже на первых выборах удостоились чести голосовать за Сталина. Надо отдать должное ребятам, они вполне понимали, какое им оказано доверие. Они каждый день приходят на избирательный участок, как бы заранее подготавливая себя к предстоящему таинству. Им не терпится увидеть урну, в которую они опустят бюллетень, им хочется знать, где будут регистрировать избирателей, где — выдавать бюллетени. Они уже порядком надоели председателю избирательной комиссии и другим общественникам своей настырной любознательностью, но ни у кого не хватает духу прогнать их.

Экзальтированность этих молодых людей заставляет вспомнить о конфирмации. Ведь предстоящая им гражданская акция по своей значительности, по силе впечатления на юную душу, несомненно, превосходит первое приобщение святых таинств.

Думая об этих впервые голосующих, я невольно обратился мыслью к своему отцу. Он тоже будет голосовать впервые в жизни, хотя ему уже шестьдесят. Но арестованный в 1928 году за то, что попытался воспользоваться без всякого успеха одним из даров нэпа, он долгие годы провел в ссылке, при паспортизации был лишен московской прописки и заодно избирательных прав, а в тридцать седьмом году вновь арестован по обвинению в поджоге Бакшеевских торфоразработок. Отца спасло от расстрела лишь то, что в пору торфяного пожара он находился в отпуске в Москве. Поэтому ему дали всего семь лет лагеря с последующим поражением в правах. Ныне этот срок истек, и бедный отец в далекой безобразной Вохме, что возле Иваново, потащится по деревянному тротуару через город, поминутно останавливаясь и прикладывая руку к больному, обмирающему, сорванному на лесоповале сердцу, чтобы ткнуть листок с чьей-то фамилией в щель урны.

Я постарался прогнать этот образ, он мешал мне. Нужна условная рабочая искренность даже для написания таких вот очерков. Маленький человек с искалеченной судьбой затмевал всю грандиозную панораму предвыборной вакханалии. Я закурил и стал думать о «Москвиче». Через несколько минут я уже писал.

Я начал с описания нынешнего слюнявого утра, мои пейзажи ценились в «Социалистическом земледелии» не ниже моей ошеломляющей фактографии. Штатным газетным корреспондентам не разрешалось заниматься пейзажной живописью, так же как и писать от первого лица, ударяться в лирические отступления или отходить от готовых формулировок, к примеру: «Сталин был для них только «родным», «дорогим» и «любимым», они не могли назвать его, скажем, «добрым», как это мог позволить себе человек с писательским билетом в кармане. Я знал, что редактор поморщится, читая описание грустного серого утра, но на этом и строился весь эффект очерка. Как только возникнет Сталинский избирательный участок, небо расчистится, морозец скует лужи, день нальется светлым, радостным блеском.

Я описывал пейзаж со всем тщанием, на какое способен. Странно, где-то на стадии последней свер-

Окончание на стр. 26.

ПАБЛО ПИКАССО.
1881—1973.
ПОРТРЕТ
АМБРУАЗА ВОЛЛАРА.
1910.

Продолжение.
Начало см. на стр. 8

нее всего был представлен в ГМНЗИ творчеством Матисса и Пикассо. Эти гениальные мастера пользовались натурными впечатлениями, как совершенно свободным материалом, далеким от всякого иллюзорного сходства и скорее строящим представление о действительности, чем непосредственно воспроизводящим ее. Матисс создавал сказочные по красоте декоративно-колористические гармонии, как бы противопоставляя их сложной и смятенной противоречивости двадцатого столетия, щедро одаряя современников чувством обретенного, светлого счастья.

Муза Пикассо более сурова и трагична. Уже и в ранних своих картинах «голубого» и «розового» периодов (так блистательно представленных в собрании ГМНЗИ) художник изображает печально-красивый мир, в котором преобладают закатные и ночные краски; он пронизан мотивами расставания, прощания, устремленности в неведомое. Вместе с тем в этом мире прорываются совершенно новые черты неизвестной предшественникам жесткой схематичности, рационалистичности. Эти качества побеждают у «кубистического» Пикассо. Сейчас, на исходе века, нам видится в кубизме не один лишь бунтующий хаос, рассыпающее предметы на части землетрясение форм. Когда вспоминаешь принадлежавшие ГМНЗИ полотна, где скрипки, гитары и иные предметы рассечены на части и собраны вновь в виде некоей «второй природы», где появляются рациона-

ПОЛЬ ГОГЕН.
1848—1903.
СБОР ПЛОДОВ.
1899.

АНДРЕ ДЕРЕН. 1880—1954.
СУББОТНИЙ ДЕНЬ.
1911—1914.

листические модели человека, вроде знаменитого портрета владельца художественного салона Амбруаза Воллара, то ощущаешь в этих поражавших своей необычностью композициях колоссальную силу творческой фантазии, способной пересоздавать мир по образу и подобию человеческой мысли. Отходя от канонов красоты, которые господствовали ранее, художник открывает иные, отвечающие новому типу человеческого мышления.

Основное культурное значение ГМНЗИ как органического историко-художественного целого — в том и состояло, что он показывал пути исканий и экспериментов выдающихся художников недавних эпох, логику их развития, созданное ими понимание красоты человеческого творчества, новых моделей сознания и мировосприятия.

Заметим, что Щукинское и Морозовское собрания, а затем ГМНЗИ были для русской культуры не только хранилищами произведений нового искусства Европы. Они оказали свое благотворное воздействие на живую художественную ситуацию. Соединяя отечественные традиции гражданского и духовного порядка с образными и стилевыми открытиями французских мастеров, наши художники пошли дальше своих собратьев, создав подлинно прекрасную в своем революционном новаторстве главу истории искусства нынешнего столетия. Эту главу «писали» такие выдающиеся мастера, как Петр Кончаловский и Мар-

АНРИ МАТИСС. 1869—1954. МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖНИКА. 1911.

тирос Сарьян, Владимир Фаворский и Аристарх Лентулов, Владимир Татлин и Павел Филонов, Марк Шагал и Павел Кузнецов, Вера Мухина и Александр Матвеев, Сергей Герасимов и Илья Машков, Василий Кандинский и Казимир Малевич, Роберт Фальк и Любовь Попова, Александр Древин и Надежда Удальцова... Все они абсолютно самостоятельные творцы, внесшие в историю искусства нечто свое, подлинно оригинальное и самобытное. Но буквально никто из них немыслим вне того грандиозного и разностороннего художественного опыта, который был запечатлен в экспонатах собраний Щукина — Морозова — ГМНЗИ. Вот замечательный образец интернационального общения и творческой взаимосвязи мастеров разных стран!

Что же произошло? Почему музей, в создание которого было вложено так много сил и средств, который стал гордостью русской и советской культуры, обрел мировое признание, закрыли, рассредоточив впоследствии его уникальную коллекцию?

Тут надо вспомнить горькие страницы истории нашей культуры и общественной жизни. Конец сороковых годов, время травли Шостаковича и Прокофьева, Ахматовой и Зощенко... Вакханалия расправ — закрывают Еврейский театр в Москве, чуть позже — Камерный театр, музей А. С. Голубкиной. ГМНЗИ закрыли в 1948 году, когда одновременно были изгнаны из художественных институтов корифеи советского искусства С. Герасимов, А. Матвеев, В. Фаворский, А. Дейнека, И. Грабарь, А. Осмеркин... Пра́вило бал «культовое», лживо-парадное псевдоискусство, а все смелое, новаторское в художественном творчестве подвергалось гонениям. В образец ставились салонно-академические традиции, «придворное» угодничество. Замечательные творческие эксперименты конца XIX — начала XX века отвергались и шельмовались как «упадочные» явления.

Сейчас обо всем этом и вспоминать-то дико и странно. Но что поделаешь — «тут ни убавить, ни прибавить». Полистайте журнал «Искусство» 1948—1950 годов — вы там встретите истинные документы позора. Достаточно перечислить заголовки: «Импрессионизм как реакционное направление в буржуазном искусстве» (1949, № 1); «Против импрессионизма и его пережитков» (1949, № 6); «За преодоление пережитков импрессионизма» (1950, № 1)... И какие зловещие декларации встречались в статьях такого рода! Тогдашний главный редактор журнала П. Сысоев писал в № 1 за 1949 год: «Импрессионизм знаменовал собой отказ от содержательности и народности искусства, утверждение безыдейности... Импрессионизм как метод глубоко чужд и враждебен искусству социалистического реализма». Враждебен! Отсюда делались и «оргвыводы»: «Необходимо все музеи Советского Союза очистить от формалистических коллекций, которые являются рассадником формалистических взглядов и низкопоклонства перед упадочной буржуазной культурой эпохи империализма».

Красиво звучит, не правда ли? «Необходимо очистить» — вот и очищали... Закрытие ГМНЗИ — один из эпизодов такой «чистки».

Сокровища музея нового западного искусства были распределены между московским Музеем изобразительных искусств и ленинградским Эрмитажем. Сколько-то времени все эти шедевры потомили в запасниках, затем осторожно начали выставлять. Новые поколения просто не знают, что замыкающие экспозиции двух знаменитых музеев произведения импрессионистов, Сезанна, Матисса, Пикассо когда-то находились вместе, составляя единое и прекрасное целое.

Конечно, с точки зрения исторической справедливости, было бы вполне обоснованно стремление воссоздать великий музей. В динамической, полной энергии и инициативы обстановке наших перестроечных дней это, наверное, было бы возможно.

Но крайне трудно. Что поделаешь, надо считаться с реальностью. Ни Музей имени Пушкина в Москве, ни ленинградский Эрмитаж ни за что не расстанутся с подаренными им судьбой сокровищами искусства конца XIX — начала XX века. Тем более что это музеи, где представлено художественное творчество Запада на протяжении многих веков, а эволюцию, естественно, надо доводить до наших дней.

Однако, во-первых, вполне возможно воссоздать в целостном виде коллекцию московского ГМНЗИ хотя бы на страницах капитального монографического альбома, где была бы подробно рассказана история собрания и воспроизведены его сокровища.

А во-вторых, надобно подумать о том, как достойно продолжить традиции смелого коллекционирования современного мирового искусства, замечательный пример которого дали С. И. Щукин и И. А. Морозов. Создание в Москве Музея современного искусства (как советского, так и зарубежного) — это идея, которая давно уже носится в воздухе. Пора приступить к ее реализации.

Хотя бы так мы несколько загладим тяжкий грех перед историей, каким было закрытие Государственного музея нового западного искусства в Москве...

ПРОШУ СЛОВА

ПРАВА ИЛИ БЕСПРАВИЕ КООПЕРАТОРОВ?

Своеобразный новогодний подарок преподнес Совет Министров СССР кооператорам страны. Этот подарок — постановление от 29 декабря 1988 года «О регулировании отдельных видов деятельности кооперативов в соответствии с Законом СССР «О кооперации в СССР».

Поражает в этом документе многое. Во-первых, его внезапность — никаких обсуждений, референдумов, предварительных сообщений в печати, о том, что в Совете Министров идет рассмотрение этого вопроса. Кому же нужна была такая «секретность»?

Второе, что изумляет не меньше первого,— постановление принято в условиях нового времени согласно старому принципу командно-административной системы. При существующем законе о кооперации, при резолюции XIX партконференции «О гласности» просто вдруг взять и разом, без каких-либо вразумительных объяснений, совсем не в духе построения правового государства, взять и отменить то, что вчера еще не вызывало официального недовольства, о чем нигде не говорили с точки зрения запрещения. Да и сама форма этого документа наводит на грустные мысли — без объяснений объявить стоящим внизу, что им можно делать, а чего нельзя.

Кто даст гарантию, что завтра так же внезапно не запретят еще с десяток видов кооперативной деятельности? И будет ли это способствовать действительно широкому и здоровому развитию кооперативного движения в стране?

В постановлении написано, что оно принято в соответствии со статьями 3 и 54 Закона «О кооперации в СССР». Ну, уж коль сам закон позволяет так широко и вольно толковать права кооператоров, то в пору говорить об узаконенном их бесправии.

В деятельности кооперативов имеются и негативные явления, которые необходимо изживать. Но явления, а не сами кооперативы! Если видеокооперативы прокатывают запрещенные фильмы, то надо бороться с этим конкретным противозаконным деянием, а не с прокатом и тиражированием кино- и видеопродукции в стране.

К сожалению, то, как появилось это новое постановление, очень сильно напоминает ситуации с указами по борьбе с пьянством и алкоголизмом и налогообложением кооперативов. Чем все это закончилось, сейчас уже известно. Неужели не научимся, наконец, на своих ошибках — не рубить сплеча?

Надеюсь, что сейчас в стране начнется обсуждение этого постановления от 29 декабря 1988 года. Хотелось бы, чтобы решение, которое примут по нему, было разумным и справедливым.

А. ДЕМЧЕНКО
Москва

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

В «Огоньке» № 37 за 1988 г. было опубликовано интервью Аллы Аловой с Ольгой Ивинской «Роман летел к развязке», где шла речь о последних годах жизни Бориса Пастернака. Ольга Ивинская была близким другом поэта, которой он посвятил многие свои стихи, она явилась прототипом Лары — героини известного романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго».

На протяжении многих лет несмываемым пятном на ее репутации были две судимости: одна сталинского периода, другая 1960 года. После публикации интервью в № 37 редакция получила официальный ответ Прокуратуры СССР, который мы приводим:

«...На основании постановления Особого совещания при МГБ СССР от 29 июля 1950 года Ивинская О. В. за антисоветскую агитацию была заключена в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет.

7 декабря 1960 года Ивинская О. В. и ее дочь — Емельянова И. И. были осуждены Московским городским судом к лишению свободы за контрабанду.

Проверкой архивных уголовных дел установлено, что Ивинская О. В. и Емельянова И. И. осуждались необоснованно. По протестам заместителя Генерального прокурора СССР Верховный суд РСФСР соответственно 31 октября и 2 ноября 1988 года состоявшиеся в отношении Ивинской О. В. и Емельяновой И. И. решения отменил и уголовные дела прекратил за отсутствием в их действиях состава преступления.

Член коллегии
Прокуратуры Союза ССР
государственный советник юстиции
2 класса
В. И. Андреев»

Нас очень удивила публикация в газете «Правда» за 5 января этого года. В статье В. Халина «Перевертыши» в категоричной форме предпринята попытка опровергнуть факты, изложенные в статье О. Курганова «Огонь на себя», опубликованной в нашем журнале (№ 40, 1988 г.)

Увлекшись «доказательствами» в разоблачении О. Курганова и героя его очерка ученого-изобретателя И. Хинта, автор публикации В. Халин не сообщил читателям «Правды» одну немаловажную деталь: Прокуратура СССР 2 декабря 1988 года принесла протест № 12/51772—82 по делу И. Хинта в Верховный суд СССР, где сейчас идет работа по пересмотру обвинительного приговора, вынесенного Верховным судом Эстонии.

Умолчание о столь важном решении Генерального прокурора СССР А. Я. Сухарева по данному делу можно рассматривать как намеренное сокрытие объективной информации, чтобы создать у читателей искаженное представление о деле И. Хинта.

Отдел морали и писем

ВЫБОРЫ-52

*Окончание.
Начало на стр. 22.*

ки пейзаж мой да и все хорошее, истинно творческое, что содержалось в очерках и поначалу вызывало дружный восторг в редакции, почти начисто вымарывалось. Меня всегда поражало: к чему заказывать очерк писателю, платить повышенную ставку, искренне восхищаться, чтобы потом свести все к тусклому стандарту? Неужели то крошечное различие, которое все-таки оставалось, так ценно для газеты? Скорее всего тут дело в другом: у замороченных газетных бедолаг есть живые души. Им радостно прочесть нестандартный, чуть приближающийся к литературе материал. Выкидывая потом все самое стоящее, они продолжали нести в себе первоначальное очарование и даже не замечали, что материал стал обыденным и тусклым. Мне кажется, что работники других газет узнавали по рудиментам художества изначальный облик материала, как Кювье узнавал по маленькой косточке весь строй животного, вот почему мои писания так ценились в предвыборном газетном мире.

Ровно в десять вечера раздался телефонный звонок и бодрый голос редактора осведомился:

— Ну как, присылать?

— Присылайте,— сказал я устало.

Всякая напряженная работа опустошает, но ничто не сравнится с той пустотой, которую ощущал я после завершения этих пустейших очерков. Мне плакать хотелось...

Со всегда удивлявшей меня быстротой появилась старая, рваная, оставляющая после себя грязное, несмываемое пятно на полу, даже в сухую погоду курьерша газеты. Трудно было поверить, что это бедное существо с трясущейся головой и угасшим безумием в голодных глазах присылают сюда на редакционной машине. Такое значение придавалось моим материалам! Я вручил ей рукопись, наказал не потерять и дал рубль. Она сильнее затрясла головой и, припадая к стене, поплелась к выходу.

С ее уходом моя опустошенность перешла в отчаяние. Это была расплата за то противоестественное насилие над собой, из какого рождалась фальшивая искренность, больной подъем, гнилая работоспособность. Все было мне гадко сейчас: и весна за окном, и книги на полках моих любимых шкафов, и мечта о «Москвиче», собственные измаранные чернилами, будто кровью невинных, пальцы, собственная голова, способная рождать хитрую, расчетливо-наглую ложь, собственное сердце, что не разрывается в отвращении, бесстыдное, трусливое сердце, собственное жадное брюхо и все тело, начиненное грубыми, алчными желаниями, и мои близкие, безмолвно требующие, чтобы я занимался этим каждодневным самоистреблением, минувший день и все дни, что еще предстоят мне. И куда укрыться от всего этого? Уехать? Я потащу с собой всюду свою тоску и сожаление, что не довел дела до конца, и свое отвращение к себе, с ног до головы замаранному бредовой ложью. И вдруг я понял, что есть куда уехать, есть надежный, никогда не обманывающий кров, лишь ступи под него — и ты очищаешься от всей скверны, становишься высок и светел, как в юношеских мечтах о себе. Ты никогда не писал о Сталинском избирательном участке, твой последний труд «В поисках за утраченным временем», а сегодня ты на подходе к чему-то еще более великому. Только бы Леля не позвонила слишком поздно, когда закроются магазины. Правда, на Метростроевской есть ночной магазин, работающий до двенадцати, вернее, до без четверти двенадцать, но если уж очень хорошо попросить — а Леля умеет просить! — то пустят и в пять минут первого.

Время словно вытекло у меня между пальцами. И вот уже половина двенадцатого. Быстро набираю номер проверки времени. Двадцать три часа тридцать две минуты, произносит железный голос. Мои проклятые часы еще отстают на две минуты!.. Я поспешно бросаю трубку, вдруг Леля звонит сюда как раз в эту минуту. Двенадцать!.. Леля, пусть невольно, все же предала меня. Минут двадцать первого раздался ее такой ненужный, такой запоздалый звонок. И ненужный голос, нежно и жалко, сказал:

— Братик?..

— Ну, я...— подтвердил я грубо.

— Так я приду?

Это повторялось каждый день, и я ответил машинально, как полагалось по нашей игре:

— А как же, милочка!

Но она уловила фальшь в моем голосе.

— Что-нибудь случилось?

— Нет. Настроение поганое. Выпить хотелось.

— Да-а?.. Так я принесу.

— Все закрыто...

— А у меня есть.

Леля пришла около часа, когда я уже перестал ее ждать. Она принесла бутылку водки, баночку маринованных огурцов и банку консервированной американской колбасы, которую я люблю с войны. Дома все уже спали. Мы закрылись в моей комнате и начали пировать. Я пил стопкой, а Леля маленькой рюмкой, не потому, что она не могла пить стопкой, а чтобы мне больше досталось. И вскоре исчез скисший певец Сталинского избирательного участка, появился Марсель Пруст, Бунин, Жироду, Оскар Уайльд. Как я острил!.. Как говорил о литературе!.. Какой отрывок из дневниковых записей прочел!..

Леля не могла мною налюбоваться, ее восторги способны были удовлетворить даже мою ненасытную жажду поклонения. Перед тем как лечь спать, мы нарисовали на листе бумаги бутылку пива и рака с огромными клешнями и повесили в кухне на гвозде. То был приказ нашей дряхлой, полуслепой и полубезумной служительнице купить мне пива на опохмел души.

А среди ночи я вдруг проснулся с нехорошо обмершим сердцем. Мне показалось, что кто-то постучал в дверь нашей квартиры. Я глянул на часы: начало четвертого, самое время...

Леля спала, отвернувшись к стене. Спала в другой комнате мама, сведя в комочек свое малое, худое тело, спала за стеной бедная старуха, служившая мне с самого моего рождения. Каким страшным будет их пробуждение, бедные, бедные мои!..

Господи, если бы я только мог доносить, как облегчилась бы вся наша жизнь! Хотя бы ради них, ради этих трех женщин я должен стать доносчиком. Я принесу много пользы. Я буду губить только негодяев, а хороших людей спасать... Трудно охватить все то добро, которое пришло бы в мир, если б я стал доносчиком: настало бы царство справедливости и возмездия! Какая слабость, душевная недостаточность, ничтожность мешают мне стать доносчиком? Служил же в Интеллидженс сервиз утонченный Сомерсет Моэм, был агентом охранки составитель знаменитого словаря Макаров, автор самого трогательного русского романса «Однозвучно гремит колокольчик». Значит, это не убивает талант? Альфред де Виньи был осведомителем, а сколько доносчиков среди моих прославленных коллег!.. Но я знал, что все это пустое и не перейти мне Рубикон, отделяющий мою старомодную полупорядочность от умной и беспощадной взрослости человека сегодняшнего дня.

Как поведу я себя через несколько минут, когда стук повторится, когда надо будет встать, натянуть брюки, прошлепать босыми ногами по холодному паркету, открыть дверь людям, то ли в мокрых кожаных пальто, то ли в припахивающих псиной шинелях, и дворнику Феде — понятому, холодному, чужому, делающему вид, что никогда не клянчил у меня на водку, и в коридор испуганно высыпят мама, Леля и старуха в жалких спальных рубахах, растрепанные со сна, с обезображенными горем лицами? Мне не выдержать этого и, дай бог, не выдержать, дай бог, сдохнуть на месте! Чтоб не было холодного нутра «черного ворона», Лубянки, камеры, тоски неведения, допросов и всей смертной скуки неминуемого срока...

Я думал об этом так долго, что неприметно заснул и во сне начал плакать, сознавая, что плачу, но не мог перестать, а потом была ослепительная радость пробуждения и посверкивающая золотым бочком бутылка пива на тумбочке и сиплый голосишко за окном, и новый безбрежный день свободы и жизни, и новый очерк о Самом Дорогом и Любимом...

Мое предприятие дало трещину на финише. В канун выборов меня попросили заехать в «Литературную газету». Заведующий отделом информации, пожилой армянин с синими подглазьями, похожими на кошельки — он умер от сердца год спустя,— предложил мне написать рассказ о выборах в поезде дальнего следования. Я сразу согласился, у меня наверняка окажутся «обрезки» от материалов, предназначенных «Социалистическому земледелию».

— Вы хоть выслушайте меня до конца,— огорченно произнес заведующий отделом.— Я сказал «рассказ», но это должна быть документальная новелла, основанная на реальных фактах, с подлинными фамилиями. Вы меня поняли?

— Да,— все так же бездумно подтвердил я.

— Вы поняли, что должны сесть в поезд и ехать до тех пор, пока у вас не возникнет новеллистический сюжет? Тогда вы сойдете на ближайшей станции и с первым же поездом вернетесь назад. Материал должен быть в ближайшем номере, то есть во вторник. Вы новеллист, поэтому мы и обращаемся к вам.

— А я успею?

— Выборы в поезде начнутся в двенадцать ночи. Продлятся они минут тридцать — сорок, положите еще час на взволнованные разговоры. Ну, а потом люди лягут спать... Значит, к этому времени вы должны держать новеллу за хвост. К вечеру в воскресенье вы будете дома, в понедельник сдаете рассказ. Справитесь?

— Конечно,— сказал я, на этот раз с полной ответственностью, у меня уже возник сюжет.

— Я был уверен, что вы согласитесь,— сказал он добрым голосом.— Сейчас вы получите командировку и билет в спальном жестком вагоне до Перми, мы брали с запасом, выборы начнутся гораздо раньше.

— А кого там выбирают? — машинально спросил я.

Он наклонил голову с довольным видом, словно только сейчас поверил, что я отношусь к заданию всерьез. А я подумал, что для моего сюжета не так уж важно, за кого проголосуют поездные пассажиры, важно, что они голосуют за дело Сталина.

Тут мне принесли командировочное предписание и билет, вернее, кучу всевозможных бумажек, составляющих в своей совокупности проездной билет: посадочную, купейную, скоростную, плацкартную, постельную. Среди них я обнаружил милый старый картонный прямоугольничек с дыркой посередине, оказавшийся самым незнатным в этом ворохе — перронным билетом. Мне впервые стало немного не по себе: бумажонки были слишком вещественны для нашего бредового разговора. И тут у меня мелькнуло: а вдруг он думает, что я действительно пущусь в этот фантастический вояж? Я поглядел на старого, сутулого, усталого человека с синими подглазными мешками, смертно отягчающими лицо, и прогнал шальную мысль. Он был слишком старым, опытным газетчиком и не опускался до заговорщицких подмигиваний, весь этот бред он разыграл с полной серьезностью и печальным достоинством. Я тоже буду на высоте: никакого цинизма, никаких «мы-то с вами знаем...»

— Когда отходит поезд? — озабоченно спросил я.

— В три с чем-то, на билете указано.

— Пойду собираться.

— Сперва получите командировочные. И возьмите с собой еду, в вагоне-ресторане все очень дорого.

Я пожал костлявую теплую руку и вышел.

Леля жила возле «Литературки», и по дороге домой я заглянул к ней. В порыве шутливости я сказал, что уезжаю, и показал свои бумажки. Леля притуманилась, она не любила моих отъездов.

— Значит, моя завтрашняя вахта отменяется? — сказала она разочарованно.

— Господь с тобой!.. Завтра решающий день. Я никуда не еду, новелла уже есть.

Леля радостно рассмеялась.

— Расскажи!..

— Все проще простого. Из Москвы на Урал или в Сибирь возвращаются два инженера. Они в смертельной ссоре, поскольку одному из них удалось вырвать в главке дефицитные материалы в ущерб другому. Ну, конечно, их ссору надо показать на каких-то смешных подробностях поездной жизни, что-нибудь связанное с уборной, это я додумаю. Но вот начинаются выборы. Выбритые, при крахмальных воротничках и галстуках, празднично взволнованные, инженеры поочередно заходят в купе, отведенное для голосования, и отдают свои голоса одному и тому же кандидату. Это уже сближает. И до чего же мелка их ссора перед тем, что, опуская в урну бюллетени, оба несут Сталина в сердце! В конце — на какой-то одной детали — их трогательное примирение.

— Ну и парень! — восхитилась Леля.— Это — во! будет рассказ! — Она оттопырила исколотый иголкой большой палец.

Меня обрадовала похвала, я равно верил и Лелиному практицизму, и Лелиному литературному вкусу.

— Хочешь, я съезжу с тобой на вокзал? — предложила Леля.

Ее предложение озадачило меня, я вовсе не собирался ездить на вокзал.

— Нет, братик, это не пойдет,— серьезно сказала Леля.— Зачем так грубо халтурить?

Вторично в этот день странное беспокойство шевельнулось во мне, но я подавил его, не допустив до сознания. Я спросил Лелю, стоит ли терять время, когда весь рассказ у меня в кармане; надо лишь заглянуть в энциклопедию, чтобы воскресить в памяти устройство вагона и уточнить пейзаж.

— Нет, братик, так нельзя,— повторила она настойчиво.— Надо поехать.

Сейчас, как никогда мощно, от Лели веяло не наукой и переводами, а иными, серьезными, опасноватыми доходными делами. Меня поразило, что Леля вроде ставит нас на одну доску, выходит, мне тоже следует подумать о мерах предосторожности, о каком-то алиби наизнанку: иметь доказательства, что я был на месте преступления, словно и меня могут призвать к ответу. Но какой с меня спрос? Леля подвизается в мире тех или иных материальных ценностей, я тку из воздуха. Моя деятельность столь же отвлеченна и условна, как и деятельность моих ра-

ботодателей, мы вместе шьем новое платье короля. Но мы защищены, не найдется столь невинного и неосмотрительного дитяти, что осмелилось бы поиздеваться над голой задницей короля и тем разоблачило бы нас. Когда дело касается Его величества, даже младенец, только что выплюнувший сосок матери, уже не наивен, не прост, а хитер и мудр, как змий. И если я напишу о том, что в ночном поезде, мчащемся сквозь черную, непроглядную мартовскую Россию, два смертельных врага примирились, подумав о Сталине, неужто кто осмелится подвергнуть сомнению столь естественный порыв?

— Давай съездим вместе, я помогу,— снова предложила Леля.

Чтобы погасить зародившуюся во мне тревогу, я согласился.

Вид отходящего в дальний путь поезда всегда печалит и волнует. А этот поезд отходил от мокрой платформы в припахивающую землей и талостью черноту весны. В горле закипели слезы, так захотелось простора и далей, и жизни, так захотелось прикоснуться всей своей молодостью к тому, что сулит дорога. Но это чувство, едва возникнув, потонуло в пошлости наших дел. Мы стали мотаться вдоль состава, ошеломляя пассажиров идиотскими вопросами. По правде, вопросы задавала Леля, я лишь присутствовал при сем с таким отвлеченным видом, будто не имел к этому никакого отношения. Леля не стеснялась. Сбив на затылок отороченную цигейкой шляпку, она ястребицей накидывалась на очередную жертву.

— Мы из «Литературной газеты»,— говорила она,— а вы кто такой?

Ни одному пассажиру не пришло в голову послать нас подальше. Вечный страх замечательно дисциплинирует. Люди покорно называли свои фамилии, имена-отчества, места жительства и места работы. Вятичи, пермяки, уральцы, сибиряки, дальневосточники, инженеры, техники, сталевары, доменщики, прорабы, преподаватели вузов сообщали Леле анкетные данные с той барабанной быстротой и отчетливостью, что служит гарантией лояльности. Но главные мучения ждали их впереди.

— Вы знаете, что вам придется голосовать в поезде? — говорила Леля радостно, но строго.— Это честь, не правда ли?

Пассажиры экспресса тупо подтверждали, что это честь. Хоть бы один возразил, что это скорее случайность.

— А за кого вы голосуете? — следовал неумолимый вопрос.

Большинство знало, те же, что не знали, пугались и начинали лепетать жалкие оправдательные слова.

— Понятно,— властно перебивала Леля,— но за кого бы вы ни голосовали, вы голосуете за...

— Сталина!..— радостно подхватывал испытуемый, до слез благодарный, что ему помогли выпутаться из щекотливого, мягко говоря, положения.

Мне было стыдно и докучно, я не понимал, зачем нужны все эти расспросы. Но постепенно мне стал приоткрываться Лелин замысел. Она расспрашивала людей, по каким делам ездили они в Москву, с какими учреждениями имели дело, не пришлось ли им столкнуться с кем-либо из земляков, не было ли у них ссоры, не едет ли тем же поездом кто из знакомых, друзей и недругов. Она нащупывала придуманный мной сюжет, пыталась отыскать хотя бы разрозненные подробности его в этой человечьей пестряди. Что-то похожее порой мелькало в напряженно нескладных ответах людей и под безжалостным нажимом Лели приобретали отчетливое сходство с моей убогой выдумкой. И все же я не понимал до конца, зачем это нужно. Для доказательства, что я действительно был в этом поезде? Но кто станет проверять меня?

Мы пробыли на перроне до самого отхода экспресса, помахали на прощание счастливцам, которым предстоит голосовать в поезде, и побрели прочь в грустной подавленности от несоответствия нашей фальшивой и ничтожной суеты серьезности рельсов, вагонов, паровозного дыма, гудкам, пронизывающим даль...

Я славно поработал в последующие дни. В номере «Социалистического земледелия», вышедшем в понедельник, было три моих материала: трехколонник «В Сталинском избирательном участке», передовая «Сталин — наше сердце», интервью с самым старым и самым юным избирателями, отдавшими свои голоса Сталину. Последние материалы шли без подписи, но я льстил себя мыслью, что каждому, кто прочтет трехколонник, будет ясно мое авторство и в двух других материалах. Во всяком случае, у заведующего отделом информации «Литературной газеты» не было сомнений на этот счет, когда он вызвал меня в понедельник вечером в редакцию. В руке у него была влажная гранка с рассказом «Примирение».

— Слушайте,— сказал он трагическим голосом, и кошельки под его взболтанными, усталыми глазами набрякли и почернели сильнее обычного,— вы же были в воскресенье утром в Сталинском избирательном участке.

— Ну, да,— подтвердил я, не догадываясь, к чему он клонит.

— Значит, вы не могли быть в поезде, когда там было голосование.

— Да, я сошел раньше...

— Так что ж это?.. Так как же вы?..— залепетал он растерянно.

Я мог бы сказать ему: пусть я не был в поезде, но и в Сталинском избирательном участке я тоже не был, впрочем, это вряд ли принесло бы ему утешение.

— Вы понимаете, я сел в поезд, где ехали эти инженеры, и довольно долго слушал их злобные пререкания по поводу какого-то дела, решенного главком в пользу одного из них. Я сказал им: как можно ссориться в такой день, и по их подобревшим глазам понял, что, конечно же, они помирятся.— Я говорил все это тихо, вкрадчиво, мягко. Так, верно, говорят с полупомешанным, которому еще можно внушить несколько простейших разумных мыслей.

— Я понимаю,— он вздохнул и понурил голову,— но все равно, вы придумали их примирение.

— Вы ждали от меня новеллу, а не очерк. Новелла же предполагает известную дозу выдумки.— Теперь я в полной мере отдавал должное Лелиной предусмотрительности, обеспечившей мне точку опоры в этом споре.

— Я говорил о документальной новелле, о подлинном случае, которому вы придадите изящную новеллистическую форму. Нам нужна правда, а не вымысел...

— Спокойно, спокойно!..— сказал я себе и своему гулко забившемуся сердцу.—Что он городит?.. Неужели он хоть на миг полагал, что слащаво-фальшивый бред, который я ему принес, имеет жизненное подобие? Какое же у него представление о мире, о людях?.. Чего доброго, он и мои соцземовские очерки принимает за подлинное и неприкрашенное отражение действительности?..

Я даже вспотел. А что, если кому-нибудь взбредет в башку проверить на жизнь мою писанину? Да нет, чепуха, он просто рехнулся, этот старый армянин с черными подглазьями. Иначе как можно так грубо нарушать правила игры?..

И тут меня точно обухом по голове: а вдруг и редактор соцзема принимал за чистую монету грузинского летчика, похитившего самолет, прокаженных с Кавказских гор, старух-попозлней, лилипутов и прочую нечисть, стремящуюся проголосовать за Сталина? А я-то сам, был ли я на все сто процентов уверен, что Лелины «факты» — плод ее необузданного воображения? До того как я увидел ее игры с дратхаром возле старого дуба, у меня не мелькало и тени сомнения, что она ездит на площадь Журавлева. А коли так, значит, я полагал, что какое-то соответствие жизни есть в ее материалах. И даже после того как обнаружилось, что Леля уходит от меня по утрам вовсе не в дымную даль, а домой досыпать, я не допускал по-настоящему это открытие до своего сознания, играл в прятки с самим собой. Я боялся признаться себе, что Леля все выдумывает. Мне хотелось верить, что какая-то доля правдоподобия есть в поспешных строчках, заполняющих ее блокнотик.

А сама Леля, когда она занималась мифотворчеством, была ли психологически так уж далека от той условной реальности, в которой все мы существуем? Ведь поначалу она и впрямь раза два съездила на площадь Журавлева, и в бредовости подмененной действительности сделала свое гениальное открытие: чем дальше от жизни, тем больше «жизненной» правды. Как же далеко все зашло, как же абстрагировалось наше бытие, если мы разучились отличать нами порожденную фантасмагорию от действительности, если мы уже не ведаем, когда бредим, когда пребываем в подчинении у сознания!

Но все это была философия, а на смену ей пришел простой и серьезный страх. Я испугался, смертельно и навсегда испугался. Человек с подглазьями сделал непоправимое: заронил в меня мысль о возможности проверки. Теперь я никогда не буду знать покоя, теперь я из ночи в ночь буду ждать рокового стука в дверь, буду обмирать при каждом неурочном скрипе парадной двери, каждом гудке машины, проезжающей по нашему переулку, каждом внезапном озарении ночного окна, задетом лучами фар, буду читать смертельную угрозу в каждом взгляде, усмешке окружающих, каждом вызове в редакцию или в Союз писателей. Едким страхом будет отравлено все мое существование: еда, питье, встречи с товарищами, женщинами...

Словно раненому животному, мне захотелось скорее уползти в свою нору и там ожидать конца. Не улыбнувшись, а как-то странно и жалко искривив лицо, я поклонился человеку с подглазьями и побрел домой.

Меж тем шел 1952 год, и у меня достало сил, чтобы в тоске, полубезумии и смертной усталости от непроходившего страха дотащиться до следующего марта, когда сама СМЕРТЬ проголосовала за Великого кандидата.

ПРОШУ СЛОВА!

БЫТЬ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОМ

Оказывается, межнациональные отношения — дело трудное. Семьдесят лет мы думали, что можно крепить дружбу народов, не очень внимательно спрашивая, как сами народы видят себя в федерации, чего ждут от нее, чем недовольны, а что хотели бы даже и увековечить.

У нас ведь есть целые народы, подвергавшиеся опале и ссылке, и другие народы, которые по чьему-то недомыслию, а может быть, и злой воле исчезли из статучета, и те, что оказались под угрозой «естественного» вымирания. Не очень счастливы, судя по всему, даже крупные нации, обеспокоенные либо реальной перспективой утраты богатств родного языка, либо отсутствием некоторых существенных институтов: у русских, например, нет своей Академии наук и других академий... Сейчас, когда обсуждение вопросов обновляющейся национальной политики идет все открытее, мне хотелось бы поделиться некоторыми мыслями.

Ну разве не вызывает недоумение тот совершенно поразительный факт, что мы даже официально, более того — на конституционном уровне, умудрились разбить народы на категории: у одних — права союзной республики, другие автономны в неодинаковой степени.

Думаю, что единственно разумным решением было бы чаще спрашивать сами народы. Вопрос, конечно, в том, как спросить. Варианты ответов, наверное, могут быть разные. Любой из них, разумеется, должен быть открыт для критики и корректировки.

По-моему, назрела острая необходимость созвать Конгресс народов, на котором были бы на равных представлены все народы и народности, не государственные образования, а именно этнии, представлены всерьез, то есть думающими и грамотными людьми. Не надо загромождать этот Форум свадебными генералами любого вида. Лучше побольше образованных, совестливых и эмоционально развитых людей, ибо без совести и эмоций никакого хорошего дела сделать явно невозможно.

Решение о созыве Конгресса может принять Президиум Верховного Совета СССР, который предложит примерную повестку дня Конгресса, поставит перед ним задачу выявления воли народов нашей страны, в частности, по таким вопросам, как перестройка федерации на основе принципа юридического равенства всех национально-территориальных образований (что возможно в ООН, тем более возможно внутри одного государства), материализация принципа национально-культурной автономии для инонациональных элементов, интегрированных в состав компактных этний в виде вкраплений, рассыпанных по всей федерации. Особый интерес представляет конкретизация сочетания радикальной экономической реформы с национальным переустройством. Сложность и значительность этих вопросов подсказывает предположение, что Конгрессу, скорее всего, придется поработать в несколько этапов — от анализа ситуации до синтеза идей и рекомендаций с целью выработки законодательных предложений. Эти последние целесообразно подвергнуть серьезному, а следовательно, достаточно продолжительному, всенародному обсуждению, после чего Конгресс принял бы проект поправок к Конституции и внес бы этот проект на утверждение Верховного Совета.

Предстоящая перепись населения даст хорошую основу для выработки процедуры созыва Конгресса народов СССР.

Пора от рассуждений об интернационализме переходить к конструктивному действию, результатом которого будет федерация, рожденная недвусмысленно выраженной волей всех образующих ее народов.

В. СТУПИШИН,
Главный советник МИД СССР,
доктор исторических наук

Дмитрий ЛИХАНОВ
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА, Самария ГУРАРИЯ и Юрия ФЕКЛИСТОВА

КОМА

Ташкент. Октябрь 1979 года

Великий праздник пришел на узбекскую землю! Для участия во Всесоюзной конференции МВД СССР и Союза писателей СССР, посвященной морально-нравственным и правовым проблемам в художественной литературе, прибыл зять Генерального секретаря ЦК КПСС генерал-лейтенант Юрий Михайлович Чурбанов.

В Ташкентском аэропорту личный самолет министра внутренних дел с почетным гостем на борту торжественно встречали члены бюро ЦК Компартии Узбекистана во главе с товарищем Рашидовым, руководители Президиума Верховного Совета и Совета Министров Узбекской ССР, представители министерств и ведомств республики. В праздничном убранстве улицы и площади солнечного Ташкента. Кортеж правительственных автомашин направляется к зданию резиденции ЦК Компартии Узбекистана на Шелковичной улице.

Чурбанов приехал в Ташкент не один. Как и положено генералу, он притащил с собой целую свору всевозможных помощников, денщиков, адъютантов и порученцев, а поскольку конференция писательская, то еще и команду заказных щелкоперов. Весь этот шебутной народец табунами пасся вокруг Чурбанова, шептал благодетелю ласковые слова и каждый наперебой предлагал свои услуги: кто коробочку поднесет, кто калиточку откроет, кто сдует с генеральского мундира волосок.

Местная братия во главе с министром внутренних дел Кудратом Эргашевым тоже соревновалась в верноподданнических чувствах. Юрию Михайловичу показывали город, водили в музеи и магазины, демонстрировали новые жилые кварталы и базар.

Вечерами же Юрий Михайлович принимал в своей резиденции высоких гостей. Впрочем, и здесь, в резиденции, они решали отнюдь не деловые вопросы.

По воспоминаниям администратора резиденции Мироненко, здесь каждый день устраивались обильные застолья с непременным участием большого числа местных руководителей. Да и вообще, как ей тогда показалось, Чурбанов приехал в Ташкент скорее для развлечений, нежели для серьезных дел.

«Бывало так, что только уйдет один, как придет другой. И так до часу ночи у Чурбанова кто-нибудь был. Было какое-то паломничество. Время от времени по вечерам Чурбанов выходил на улицу, где также был не один. И так до самого его отъезда».

Бухара. 24 октября 1979 года

На второй день Всесоюзной конференции делегация вылетела в Бухару, во владения Абдувахида Каримова.

Заняв должность первого секретаря Бухарского обкома партии в начале семьдесят седьмого года, Абдувахид Каримович в короткий срок сумел заменить на своих людей почти всех первых секретарей райкомов и горкомов партии, всех секретарей обкома и многих других руководителей.

А в скором времени в Бухару начали съезжаться на постоянное жительство многочисленные родственники и земляки Каримова из Кашкадарьинской области. Именно этих людей назначал Абдувахид Каримович на самые ключевые посты. Остальным должности продавались за взятки. В конечном итоге это привело к тому, что коррупция проникла во все сферы бухарской жизни: на предприятия и в учреждения, в колхозы и совхозы, в советские и партийные органы, в школы и институты, в кровь и мозг людей. Деньги сыпались к Каримову буквально каждый день, и он порой даже не успевал их пересчитывать, просто сваливал в кучу.

Особенно щедрым источником финансирования первого секретаря обкома был директор Бухарского горпромторга Шоди Кудратов. В свое время Абдувахид Каримович оказал ему маленькую услугу, устроив его шурина Камила Халилова директором фирменного магазина «Алмаз», да и вообще старался закрывать глаза на то, что происходит в городской торговле. С тех пор у Шоди Кудратова появилась прекрасная возможность превращать презренные купюры в стойкую валюту драгметаллов. Почти ежемесячно он скупал в «Алмазе» крупные партии золота и бриллиантов. Кроме этого, у него были какие-то свои отношения с подпольными торговцами драгоценностями, поставлявшими Шоди Кудратову золотые монеты царского чекана. По рассказам сына Каримова Беходира, Шоди

довольно часто появлялся в отцовском доме и каждый раз приносил с собой туго набитый деньгами портфель, золото и драгоценности.

Вряд ли догадывался заместитель министра внутренних дел СССР Юрий Михайлович Чурбанов, что встречающий его человек с депутатским значком на лацкане пиджака обладает состоянием, за которое среднему советскому рабочему придется трудиться четыреста шестнадцать лет. Однако прием, оказанный высокому гостю, давал все основания полагать, что первый секретарь обкома щедрый хозяин. Все бы хорошо, если бы не маленькая неприятность.

Прямо из аэропорта отправились в город Газли. Здесь не так давно произошло землетрясение, были разрушены некоторые дома, пострадали люди. И поэтому Юрий Михайлович высказал желание посетить этот маленький городишко.

Возле одного из магазинов Чурбанов велел притормозить. Вылез из машины, долго смотрел на витрины, потом прошел внутрь. Спросил продавщицу: чем, мол, торгуете. Та резонно ответила: дескать, что с базы присылают, тем и торгуем. Тут еще какая-то вздорная тетка подскочила, стала жаловаться — насчет мяса и вообще плохого снабжения. Они, конечно, не знали, что перед ними человек от торговли далекий, но уж если кругом него крутятся областные начальники, значит, не иначе шишка, которой можно излить все свои горести и печали. Чурбанов хмурился и все больше мрачнел. Каримов почувствовал, как по позвоночнику стекает холодная струйка пота. Еще на улице Юрий Михайлович наговорил Абдувахиду Каримову массу неприятных слов, да и в машине, по пути в Бухару, склонял его на разные лады. Послать бы Абдувахиду Каримову этого мальчишку куда подальше, однако ж нельзя: какой-никакой, а все же начальник, особо приближенное лицо к генсеку, крутится в высших сферах, того и гляди, ляпнет что-нибудь нехорошее об области.

Днем приехали в загородную резиденцию обкома, известную под названием «Красная дача». Здесь высоких гостей уже ждал плотный обед, состоявший из ароматного бухарского плова, специально приготовленного по этому поводу национального блюда «тандыркабоб» — зажаренного целиком барашка, наваристого лагмана с тонкими волосками лапши, свежайших — в росе — кистей кишмиша и нежных, бархатистых абрикосов.

За обедом Юрию Михайловичу накинули на плечи шикарный золотошвейный чапан. Такие халаты бухарские мастерицы вышивали по нескольку месяцев, ценились они очень высоко, а потому преподносились только самым уважаемым гостям, вроде Юрия Чурбанова.

Материалы дела.

Чурбанов: «Когда обед завершился, то мы с Каримовым поднялись на второй этаж дачи... и во время осмотра он сунул мне в карман то ли брюк, то ли кителя сверток из бумаги... Было понятно, что передается взятка, что в свертке находятся деньги. Вечером в номере я вскрыл сверток и обнаружил там деньги в сумме 10 000 рублей. Как я понимал, Каримов дал мне эту взятку для того, чтобы заручиться моей поддержкой. Было видно, что ему хотелось оставить о себе хорошее впечатление, видимо, он опасался и того, что об увиденных недостатках я могу сообщить в ЦК КПСС».

Nota Bene! Сколько таких свертočков и упаковок привез Юрий Михайлович из того вояжа по Узбекистану, никому не известно. Даже самому Юрию Михайловичу. Вернувшись к себе домой на улицу Щусева, он с удивлением обнаруживал в карманах, в коробках с фруктами, в портфелях и чемоданах новенькие банкноты и даже не мог припомнить, от кого и когда их получил. Все смешалось в голове Юрия Михайловича: генеральские мундиры, водка, шумные застолья, азиатские лица, червонцы и звуки военных маршей. Он рассеянно раскладывал деньги по ящикам своего рабочего стола, сам еще недостаточно хорошо понимая, что он будет делать с такой прорвой хрустящих купюр.

В самом деле, зачем ему столько? Зачем вообще брал взятки Юрий Михайлович Чурбанов?

Стоит ли говорить, что Чурбанов в деньгах практически не нуждался. Кормились они с Галиной Леонидовной из спецраспределителя на улице Грановского, который почему-то для отвода глаз был назван столовой лечебного питания; лечились в поликлинике Четвертого Главного управления Минздрава, и им не нужно было доплачивать стоматологу, чтобы поставить хорошую пломбу; ездил Юрий Михайлович на служебной машине и лишь изредка на своем любимом «мерседесе»; партвзносы со взяток, естественно, не платил, строительство дачи финансировал тесть, был он и одет, и обут, и не было нужды платить кому-нибудь «наверх», за покровительство — его и так двигали, дай бог каждому. Конечно, кое-какие расходы имелись: там за квартиру заплатить, за бензин, подкинуть деньжат родственникам, и то только одним, поскольку другие в этом абсолютно не нуждались. Словом, на необходимые расходы семьи из двух человек жалованья Чурбанова с лихвой хватило бы.

Правда, в последнее время все больше приходилось тратить на выпивку, к которой чрезмерно пристрастился Юрий Михайлович после женитьбы на Галине Леонидовне. Но и эти расходы были лишь каплей в море щедрых узбекских подношений. Ну тысяча, другая в месяц от силы.

Галина Леонидовна, впрочем, особенно явно проявляла склонность к драгоценностям. Генеральские жены и по сей день не могут забыть, в каких умопомрачительных бриллиантах, ожерельях и перстнях появлялась супруга Чурбанова на концертах, посвященных Дню советской милиции. А москвичи и гости столицы часто могли видеть эту полную, стареющую женщину возле арбатского магазина «Самоцветы». Любовь к дорогим побрякушкам стоила больших денег.

Живи Юрий Михайлович где-нибудь в Калифорнии или, положим, на Сейшельских островах, он давно бы вложил свои взятки в какой-нибудь заводик или ферму, давал стране молоко либо калоши,— все бы была от этого польза. Однако Чурбанов жил в Москве, на улице Щусева и потому, конечно же, не мог вложить деньги ни во что, кроме собственной семьи.

На что он рассчитывал? Прожить до тысячи лет? Обеспечить безбедную старость семьи и детей? Не скитаться на склоне лет в поисках хлеба? Купить океанскую яхту? Съездить на Таити? Или чего там ему еще на этом свете не хватало? Да нет же, все у него было. Обеспеченная старость, кусок хлеба с маслом и даже паюсной икрой, звание, кресло, тесть — отец народов, захотел бы, так и яхту б себе купил, и домик на Таити.

Одного только не было у Юрия Михайловича — души. Похоже, она иссохла в его груди в тот самый год, когда, пренебрегая чувством, расчетливо польстился на мундир, почет, славу. Ну, а дальше кривить душой было уже проще. Он лгал, когда объяснялся в любви Галине, потому что вряд ли любил эту женщину, лгал, надевая генеральскую форму, потому что был и остался всего лишь комсомольским инструктором, он не любил своего дела и поэтому лгал, садясь в министерское кресло, лгал, лгал, лгал...

Что же ему еще оставалось, если за все эти сиюминутные блага он запродал собственную душу, даже собственного сына запродал, бросив его в далеком шестьдесят четвертом, да так с тех пор и не увидев ни разу.

А блага, что ж, они и в самом деле окажутся не вечны. Умрет сиятельный тесть, а вместе с ним уйдут почет и слава, возле которой долгие годы грелся Юрий Михайлович. Потом придется сбросить мундир и покинуть министерское кресло. Ничего не останется. Даже души. А вместо нее похмельный угар, пустота, одиночество. Разменял свою душу Юрий Михайлович по пустякам, шуровал ложью до неузнаваемости, пропил в кабаках, изнасиловал ее в объятьях нелюбимой женщины.

Как с этим жить? И жизнь ли это мучение?

Потом во время одного из допросов Юрий Михайлович скажет: «Почему же я это допустил? Я смалодушничал, не проявил со своей стороны достаточной твердости, хотя этих людей, совавших мне деньги, можно было послать куда подальше, цыкнуть на них...»

Но не цыкнул, не послал. Все верно, смалодушничал. Мала была душа. И цена ей тридцать сребреников, кастрюля жратвы и бутылка водки.

Москва. Декабрь 1979 года

Незадолго до новогодних праздников в МВД СССР произошло событие, потрясшее буквально каждого: застрелился первый заместитель министра внутренних дел Виктор Семенович Папутин. В МВД СССР появилась отличная вакансия. К тому времени Брежнев однажды уже заводил разговор о карьере своего зятя: вскоре после замужества дочери Генеральный секретарь предложил назначить Юрия Чурбанова заместителем министра внутренних дел по кадрам. Однако сделать человека, без году неделя проработавшего в органах, заместителем министра было по крайней мере неразумно. Приходилось отговаривать Леонида Ильича, влиять на него через Михаила Андреевича Суслова, чтобы не допускать столь поспешного, а главное, неоправданного решения. Словом, несмотря на заинтересованность Брежнева в этом деле, назначение Чурбанова удалось оттянуть на шесть лет. В семьдесят девятом Леонид Ильич вновь заговорил о карьере зятя. Видимо, от него он и узнал об освободившейся вакансии. Кроме этого, представление на повышение Чурбанова написал и сам министр. Вряд ли Щелоков страстно желал видеть Юрия в своих первых заместителях. Скорее всего это был дружеский жест по отношению к Генеральному секретарю. Так или иначе вскоре после похорон Папутина Юрий Михайлович перебрался в его кабинет.

Первым делом Чурбанов решил сменить машину. Ему, как заместителю министра, по табелю о рангах полагалась черная «Волга». Однако первый заместитель Председателя КГБ СССР Семен Кузьмич Цвигун уже давно ездил на «Чайке». Чурбанову хотелось такую же!

В один из дней, по рассказам Николая Анисимовича Щелокова, Юра пришел к нему в кабинет и начал говорить, что ему как-то несолидно на «Волге». В ответ Николай Анисимович резонно ответил, что заместителю так положено.

— Но ведь я все-таки первый заместитель министра внутренних дел, а не сельского хозяйства, — подчеркнул Юрий Михайлович.— Позвоните Косыгину.

— По этому поводу я ему звонить не буду,— отрубил Щелоков.

Тогда Чурбанов снял трубку аппарата «кремлевки», набрал нужный номер. Через мгновение проговорил:

— Алексей Николаевич, нельзя ли помочь с «Чайкой»? Думаю, мы решим этот вопрос без отца.

Наутро перед домом Юрия Михайловича уже стоял новенький правительственный лимузин, снабженный рацией и кремлевским телефоном, по которому он мог в считанные секунды связаться с любым членом Политбюро.

С тех пор чурбановская «Чайка» в сопровождении двух специальных автомобилей ГАИ начала разъезжать по улицам и площадям столицы. И лишь только отруливала от министерского подъезда машина Щелокова, на ее место тут же парковалась машина Чурбанова, словно бы намекая тем самым: посторонись!

Сделавшись первым заместителем министра, Юрий Михайлович и сам изменился, приобрел целый ряд не совсем обычных привычек. Он пристрастился встречать и провожать правительственные и зарубежные делегации, часто бывал на приемах в Кремле, приходил на работу к восьми, сидел допоздна, но после обеда непременно укладывался вздремнуть на пару часиков. Кроме этого каждое утро Чурбанов вызывал в свой кабинет парикмахера с обязательной коробочкой первоклассного бриолина. И чтобы ни случилось — война или атомная бомбардировка, беспокоить Юрия Михайловича в эти минуты строго-настрого запрещалось.

Подчиненные относились к чурбановским причудам с нескрываемой долей иронии, но когда утренний парикмахер вдруг зачастил и к Щелокову, всем стало ясно, что дядя Коля сдает. Мелочь, но все-таки симптом.

Материалы дела.

Яхъяев: «Вскоре в министерстве по существу установилось двоевластие, где формально руководителем являлся Щелоков, а фактически всем управлял Чурбанов. Хотя и Чурбанов, и Щелоков являлись взяточниками, но это были совершенно разные люди. Щелоков был эрудированным, грамотным человеком, был профессионалом, умел организовать работу. Он старался окружить себя профессионально грамотными работниками, чтобы решались вопросы, делалось дело, шла работа. При всех недостатках, которыми обладал Щелоков, в целом в аппарате в своем

большинстве работали специалисты, механизм был отлажен и работа шла. Совсем другого склада был Чурбанов. Он совершенно не разбирался в специфике деятельности органов внутренних дел, среди профессионалов выглядел «белой вороной», был недостаточно эрудирован для столь высокого поста, а самое главное, не имел никакого желания познать эту деятельность, подняться до уровня опытных специалистов, заработать себе авторитет у подчиненных работой больше и лучше других. Весь «авторитет» его был в том, что он являлся членом семьи Л. И. Брежнева... Внутреннее содержание работы его не интересовало, а лишь внешняя сторона: как одет, как стоит, отдает ли честь, имеется ли внешний блеск и лоск, воздаются ли ему почести и т. п. С его появлением стали насаждаться муштра и солдафонство, к чему он привык во внутренних войсках и что неприемлемо в полувоенной, полугражданской организации. С первых дней Чурбанов стал проявлять субъективизм в оценке тех или иных работников, стал окружать себя любимчиками и, наоборот, изводить мелочными придирками других грамотных работников, которые его в чем-то не устраивали. С его приходом резко нарушилась стабильность, ритм работы центрального аппарата министерства, потому что многие должностные лица стали чувствовать себя неуверенно, проявлялась нервозность... Началась кадровая чехарда с назначениями, переводами, увольнениями руководителей. Куда бы ни выезжал Чурбанов, везде его встречали на самом высоком уровне, везде были «дары» в виде денег, подарков со всех сторон. Все это в конечном итоге и привело к тому печальному результату, когда разложение в системе органов внутренних дел достигло в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов своего апогея».

Москва. Ноябрь 1980 года

Позиции Николая Анисимовича Щелокова падали день ото дня. За последнее время в его жизни произошло несколько очень неприятных событий, которые, как понимал министр, коренным образом могут повлиять на его дальнейшую карьеру.

Прежде всего неважно обстояли дела в самом министерстве. То и дело Николаю Анисимовичу становилось известно о рукоприкладстве работников милиции, применении недозволенных методов дознания; на местах стало уже правилом укрывать преступления от учета, а зачастую и фальсифицировать уголовные дела в отношении тех или иных граждан.

Все это в конечном счете влияло на рост преступности. По стране участились квартирные кражи, разбойные нападения и другие преступления против личности. Практически все предприятия страны, включая военные, в той или иной степени были поражены эпидемией хозяйственных преступлений. И это было заметно даже невооруженным глазом. Словом, ситуация была самая плачевная.

Николая Анисимовича несколько раз вызывали на заседания Секретариата и Политбюро, где также высказывалась неудовлетворенность работой вверенного ему министерства. Правда, робкие попытки сгладить обстановку иногда предпринимал Брежнев. И, однако, Щелоков получал серьезные упреки за слабую работу.

Еще больше ослабила его позиции пренеприятнейшая история в Ереване. Во время одной из своих командировок в Армению Николаю Анисимовичу очень понравилась картина Мартироса Сарьяна. И Министерство внутренних дел Армении приобрело ее Щелокову в подарок за 10 000 рублей. Вскоре об этом стало известно в ЦК КПСС. Щелокову были высказаны серьезные предупреждения и картину предложили вернуть в музей.

На каком-то этапе у Брежнева возникла идея назначить Щелокова на должность заместителя Председателя Совета Министров СССР. Было предложено Орготделу ЦК и Отделу адморганов подобрать человека на должность министра внутренних дел. Однако решение о новом назначении Щелокова не состоялось, и он остался министром.

Тем временем первый заместитель Щелокова Юрий Михайлович Чурбанов рос как на дрожжах. В октябре 1981 года ему присвоили воинское звание генерал-полковника. Чурбанов тут же сшил себе новый мундир, приделал на него орденские планки, по поводу которых шутили, что их у Юрия Михайловича не меньше, чем у маршала Жукова, а теперь появлялся в МВД эдаким холеным барином — не подступись! А подступиться к нему и впрямь теперь было сложно. Чтобы сотруднику аппарата попасть на прием к первому заместителю министра, необходимо было заранее записаться на прием, выстоять очередь, да не забыть почиститься и надраить ботинки — Чурбанов так и не смог отделаться от своей привычки встречать по одежке.

Вскоре, неожиданно для всех, пример тестя, видимо, оказался заразительным, Юрий Михайлович начал проявлять интерес к литературному творчеству. Вокруг него то и дело крутились московские литераторы, готовые за Юркину дружбу запродать и честь, и совесть, и собственное перо. А в 1980 году в издательстве «Юридическая литература» под редакцией Чурбанова вышла книжка. История ее издания сама подобна детективу.

В далеком 1976 году одно из харьковских издательств выпустило в свет сборник статей под весьма прозаическим названием «Политико-воспитательная работа в органах внутренних дел». Книжка эта была предназначена для внутриведомственного пользования, а потому в продажу не пошла и имела распространение в основном среди милицейских политработников. Руководителем издания, ее редактором был начальник управления политико-воспитательной работы МВД СССР, генерал-майор внутренней службы, кандидат исторических наук Алексей Митрофанович Зазулин. Книга пользовалась определенным успехом, и Алексей Митрофанович после внесенных изменений отнес рукопись в «Юриздат».

22 ноября 1979 года МВД СССР проводило расширенное идеологическое совещание, на котором присутствовали политработники и высшие офицерские чины министерства. Были здесь и Чурбанов со Щелоковым.

Алексея Митрофановича Зазулина уже давно беспокоила создавшаяся в МВД нездоровая атмосфера. Понимал, что исходит она в основном от Чурбанова, от насаждаемого им непрофессионализма, подобострастия, солдафонства. Ничего не тая, сказал об этом в своем докладе. Предчувствовал, чем это может для него обернуться, но все же сказал.

В тот же день Зазулину сообщили, что приказ о его увольнении уже подписан.

Пришлось пойти в ЦК. Там его внимательно выслушали. Не волнуйтесь, сказали, продолжайте спокойно работать... Работал. Но недолго. В начале следующего года новый приказ об увольнении. Чурбанов еще кольнул: «Опять пойдете? Ну что ж, идите. Мне в ЦК больше, чем вам поверят». На сей раз, видимо, и вправду поверили. Или не захотели связываться. Алексей Митрофанович попытался поговорить со Щелоковым, но Николай Анисимович грустно развел руками: «Алексей Митрофанович, ничего не поделаешь. Надо рубить этот узел». Разрубили. В апреле Зазулина резко понизили в должности. А вскоре, совершенно неожиданно, его книжка вышла под редакцией Чурбанова.

13 ноября 1980 года Николай Анисимович Щелоков отмечал свой семидесятилетний юбилей. К этой дате сотрудники Министерства внутренних дел СССР начали готовиться загодя: сочинялись поздравительные адреса от управлений, собирались в дорогу делегаты областных, краевых и республиканских подразделений милиции, готовились подношения и подарки. Готовил свой подарок и Юрий Михайлович Чурбанов.

Незадолго до знаменательной даты он вызвал к себе начальника хозяйственного управления МВД СССР Калинина и осведомился, как обстоят дела с его заказом. Массивные золотые часы с крупной, золотой же, цепочкой Калинин присмотрел некоторое время тому назад в спецхране Главного управления Министерства финансов СССР, где за массивными дверями сейфов находилась государственная казна. Вскоре часы были переданы в розничную торговлю, где и куплены за четыре тысячи министерских рублей. Оставалось одно: куда-нибудь списать истраченные деньги. Спросил об этом Чурбанова. Немного подумав, Юрий Михайлович предложил: «Спиши на наших демократических друзей». А вскоре уже составили акт, согласно которому импортные золотые часы с цепочкой были подарены руководителю одной из братских стран. Юрий Михайлович подмахнул этот акт, почти не глядя. Потом проинструктировал Калинина: «Будешь стоять в дверях. Когда все заместители поздравят Щелокова и выйдут, ты никого не пускай. Я ему это вручу». Так оно и случилось.

Nota Bene! Юбилеи... Их много отмечалось в то время. Какое ведомство, министерство или даже мало-мальски значимую контору ни возьми, везде день рождения начальника превращался в событие поистине эпохальное. Самые расторопные чиновники кучковались в специальные оргкомитеты, ответственные за добывание цветов, подношение памятных подарков и устроение грандиозных банкетов. В день юбилея сотрудники уже почти не работали и каждый норовил попасться имениннику на глаза, ручку пожать, елейным голосом проговорить: «С праздничком, Иван Иванович!», выразив таким образом свои самые верноподданнические чувства. Днем руководители отчаливали на неофициальную часть торжеств, а чиновники рангом пониже устраивали в отделах собственные пьянки во здравие, благо некоторые начальники отваливали «конторе» с барского стола несколько ящиков водки.

Однако все это было лишь жалкой копией того, что делалось в высших эшелонах государственной власти. Ибо тон беспрерывным празднествам задавался именно там.

Первые симптомы этого повального заболевания обнаружились, пожалуй, еще в 1976 году, когда страна торжественно отмечала семидесятилетие Леонида Ильича Брежнева. 19 декабря в Большом Кремлевском дворце Председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Викторович Подгорный вручил Генеральному секретарю ЦК КПСС орден Ленина, вторую медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза и Почетное оружие с золотым изображением Государственного герба СССР. Вручая награды, Николай Викторович подчеркнул, что этот юбилей имеет «поистине международное значение». И он был по-своему прав. Незадолго до этого Президент Финляндии Урхо Кекконен вручил Брежневу высшую награду республики — большой крест ордена «Белой розы Финляндии», а Густав Гусак и Тодор Живков наградили Генерального секретаря, уже во второй раз, Золотыми Звездами Героя НРБ и ЧССР. Руководители двенадцати (!) стран вручили в те дни свои высшие правительственные награды «неутомимому» Леониду Ильичу.

Нет, Брежнев не противился воздаваемым ему почестям, а, может быть, под конец жизни и впрямь мнил себя «великим продолжателем идей марксизма-ленинизма», о чем без устали вещали приближенные, телевидение, радио и печать. Собственно говоря, в этом и заключалась человеческая трагедия Леонида Ильича. Несомненно, он сделал немало для нашей страны в начале своей политической карьеры: будучи секретарем ЦК, активно способствовал развитию астронавтики и космической технологии, благодаря усилиям генсека год от года росла обороноспособность Советской Армии и вместе с тем подписано первое советско-американское Соглашение об ограничении стратегических вооружений. Однако чем ближе подступала старость, тем беспомощнее становился генсек в роли ведущего политика, а тем более главы государства. Леонида Ильича то и дело домогали обычные стариковские болячки, он перенес уже несколько инфарктов миокарда, постоянно недомогал от ишемии и пареза лицевого нерва. В таком возрасте и с таким здоровьем обычные смертные давно находятся на заслуженном отдыхе, играют в шашки и в домино. А Брежнева волокли в президиумы и на трибуны, заставляя выступать с многочасовыми, утомительными докладами. Ему бы вовремя одуматься, отойти от дел, уехать на дачу в тишину и покой, но не уходил, не одумался, тем более что и сама политическая система позволяла ему оставаться на своем посту до самой смерти. Все это в конечном счете привело к самой страшной из народных бед — ослаблению и безволию верховной власти.

По воспоминаниям сослуживцев в последние годы своей жизни Брежнев был практически беспомощным человеком и, что самое ужасное, поддавался любым влияниям извне. Утром он мог принять одно решение, а вечером изменить его на противоположное. И некоторые пользовались слабостью вождя в своих корыстных целях.

Среди них был и Юрий Чурбанов.

Отношениям Брежнева со своим зятем мог позавидовать, наверное, каждый. Леониду Ильичу, безусловно, импонировало, что Юрий Михайлович, в отличие от своего предшественника Милаева, занимается серьезными делами. Причастность Чурбанова к внутренним войскам и генеральское звание напоминали Брежневу о военном прошлом, становились темой долгих, задушевных разговоров. Кроме этого, Юрию Михайловичу еще какое-то время удавалось держать в руках свою супругу, что тоже радовало Леонида Ильича.

Чурбанов же просто боготворил своего тестя. Не каждому удавалось вот так запросто проводить вечера в компании лидера сверхдержавы, и уж почти никто не мог называть этого человека «папой». Все это, несомненно, льстило донельзя развитому самолюбию Юрия Михайловича. Он сходился с Леонидом Ильичом все ближе и ближе, старался предупредить каждый его шаг, был ласков, даже по-своему нежен, поверял ему свои самые сокровенные тайны. Без преувеличения можно сказать, что их отношения были даже более тесными, чем с дочерью Галиной. Та все же тяготела к матери.

Наверное, нет нужды повторяться о том, что своим званием и положением Чурбанов был обязан родству с главой государства. Однако посмотрим на другой аспект дела: что значит для главы государства подобное родство? Поднимая Чурбанова до степеней известных, Леонид Ильич не мог не осознавать, какой сокрушительный удар наносит тем самым понятию социальной справедливости, одобряя присвоение генеральского звания, подрывая веру не только у рядовых милиционеров, но и у всего советского народа. Ведь все же видели, все понимали, что к чему...

Окончание следует.

ДЕТИ ШАРИКОВА

9 января планировалось собрание избирателей по выдвижению кандидатов в народные депутаты СССР. Инициативная группа предлагала Виталия Коротича. Еще не набралось в зале положенного количества участников — 500 человек,— как проникшие на балкон зала ДК издательства «Правда» представители «Памяти», причем именно ее «здорового крыла» (как величают их нынче в прессе), возглавляемого лично Игорем Сычевым, попробовали вступить с присутствующими в рукопашную. Разгул черносотенцев, видимо, исчерпавших запас ругательств и перешедших к прямым действиям, проходил на глазах не шелохнувшихся дружинников. Многие люди впервые увидели звериный оскал доморощенного шовинизма, некоторые растерялись.

Случившееся — тяжелый, но необходимый урок всем, кому дорого будущее нашей обновляющейся страны.

А. ФЕДОРОВСКИЙ, преподаватель; М. МАЛЮТИН, преподаватель; А. АБРАМОВИЧ, инженер; В. ТИТОВ, доцент.

ОЧЕВИДЦЫ:

Надежда Кудрявцева, преподаватель вуза: — Собрание было сорвано представителями общества «Память». Мы, жители Свердловского района, будущие избиратели, не смогли помешать этому. Виной, видимо, наша неготовность к таким агрессивным противникам.

Люсьена Кириллова, агитатор, старший корректор: — Глядя на действия хорошо организованной группы хулиганов из общества «Память», на то, как они кричали, свистели, топали ногами, выбрасывали гнусные, оскорбительные лозунги, я невольно думала: что же это мне напоминает? За исторической аналогией далеко ходить не нужно. Так начинали молодчики из мюнхенских пивных. Горько было видеть, как на наших глазах в чистые идеалы перестройки вливался мутный поток «действа» разнузданных «памятников». Никто из них не попросил слова для нормального, спокойного, аргументированного выступления. Но зато у них уже отлаженная, хорошо отрепетированная система хамских выкриков, подавления оппонентов.

Позже я узнала, что избирателей, особенно женщин, идущих в Дом культуры, пикетчики из «Памяти» останавливали и угрожали, что если они проголосуют за предлагаемую кандидатуру, им будет плохо: или — возвращайтесь назад, адреса ваши, мол, нам известны... На некоторых угроза, увы, подействовала. Но мы не отступим, возмущенные уроком антидемократии, преподанным нам на собрании.

Илья Смирнов: — Это дети Шарикова из «Собачьего сердца» Булгакова. Я не впервые увидел откровенных противников перестройки. С фанатичным упорством твердящих националистические лозунги. Я думаю, что это поднявшееся со дна нашей жизни темное, мутное сознание. Сталинщина воинствующая, не желающая сдавать позиции. Слепая злоба, озверелые лица, потоки брани.

Телерепортеры снимали всю начавшуюся вакханалию...

— Мы не быдло,— сердился один из главарей, человек средних лет в пиджаке, джинсах и офицерских сапогах до колен.— Мы за то, чтобы все вокруг говорили на русском языке!

Многочисленные плакаты написаны были по-русски, но содержание их столь же косноязычно и злобно, как и речи самих этих молодцов.

Средний возраст — около сорока, хотя были и молодые люди, были и пожилые. Лидер, сидевший в центре, выкрикивал: «Да здравствует «Память»! Да здравствует Россия!» И после этого поднимал вверх сапог.

Хулиганы? Штурмовики? Крикуны? Но обученные и организованные. Они знали свою силу и не боялись. Они слушали, шныряли между людьми, подавали друг другу знаки. Наглые, сытые, самоуверенные. Они понимали, что их так воспринимают, и отрабатывали именно такой свой образ.

Что же произошло со всеми нами? Почему небольшая группа — ну, сколько их было, человек семьдесят, не больше, на семьсот человек (лишь каждый десятый) — парализовала зал? Задавила. И хотя временами зал начинал закипать, но перекричать слитную, подготовленную команду не мог. Феномен воздействия на множество неорганизованных людей небольшой организованной банды. Мы — не слиты в команды, комитеты, организации, группы. Поэтому небольшая, но спаянная команда шариковых и делает, что хочет. И нам бы задуматься, почему же некоординированности порядочных людей противостоит буквально армейская сжатость и организованность подонков? Ответ на вопрос важен уже и не нам, а всей перестройке. Не слишком ли оказываются разобщены силы разума перед лицом опасности?

Мы до сих пор как-то были уверены, что правда, она — для всех бесспорна. Для всех ясна, явна, для всех одна. Нам кажется, что доводов разума вполне достаточно, чтобы победить в споре. Мы потеряли за долгие годы пассивного, аполитичного существования умение сталкиваться с противником в открытом бою, в открытой и острой полемике, разучились противостоять просто ору, когда не аргументы, а кто кого переорет, становится решающим.

Политикой нельзя заниматься по-дилетантски. Это не милые встречи с читателями или писателями. Это ситуации, когда встречаешься с противником политическим в условиях страны, где политической борьбы не существовало уже много десятилетий.

Не потому ли до сих пор мы надеемся, что все будет хорошо само собой. Кто-то там что-то сделает и — наладится. Главное — кого-то подтолкнуть, написать письмо, а там уже заступятся. А пока страдаем, деловые ребята в начищенных сапогах приходят на митинги и собрания, пытаясь подавить их силой, уверенностью, наглостью, и никаких им не надо аргументов. У них глотки, локти и сапоги. И не нужно им никакой проработанной до тонкостей и все учитывающей платформы. Им достаточно клика: «Бей жидов!» А кто там жид, это им объяснили. Это всякий, кто не с ними.

Пока мы не избавились от наивной веры в то, что понять нас может каждый, потому что за нами — разум, доказательства, правда. Но этак можно и проиграть. А проигрывать мы не имеем права. Тот, кто хоть раз увидел и услышал такое, не может не понять опасности. Мы не можем позволить себе отдать перестройку на растерзание вот этим дядям с поигрывающей ухмылкой.

Погромщик — темная, тупая обывательская сила. Он хочет власти, он хочет диктовать нам, как жить, что любить, что говорить на косноязычном его наречии, которое выдает за русский язык. Тина, поднявшаяся со дна, не должна представительствовать за русский народ, и мы не имеем права допустить, чтобы она действовала его именем.

В. ЧЕРНОВ

Редакцией получены телеграммы, письма, сообщающие о выдвижении в народные депутаты СССР Виталия Коротича. Конференция трудового коллектива Сахалинской геофизической экспедиции, партийные организации Дубны, Институт славяноведения и балканистики АН СССР, Институт философии АН СССР, Союз журналистов Эстонии выдвинули Коротича своим кандидатом. С предложениями выдвинуть его кандидатуру обращаются также театр имени Моссовета, партийное собрание одной из воинских частей и ряд других коллективов.

АЛЬТЕРНАТИВА

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛ ФИЗИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА НАБИТ ДО ОТКАЗА. ИЗ ПОЧТИ ЧЕТЫРЕХТЫСЯЧНОГО КОЛЛЕКТИВА ИНСТИТУТА ЗДЕСЬ ПРИСУТСТВУЕТ КАЖДЫЙ ПЯТЫЙ. ДЕЛЕГАТЫ ОТ ВСЕХ ОТДЕЛОВ, ЛАБОРАТОРИЙ, ФИЛИАЛОВ ИНСТИТУТА СОБРАЛИСЬ НА КОНФЕРЕНЦИЮ, ЧТОБЫ ИЗБРАТЬ ДИРЕКТОРА. БЫЛО ЧЕТВЕРО КАНДИДАТОВ НА ЭТОТ ВЫСОКИЙ ПОСТ. ВСЕ ЧЕТВЕРО — ДОСТОЙНЫЕ УЧЕНЫЕ С МИРОВЫМ ИМЕНЕМ. ПОЧЕМУ ЖЕ ТОГДА СТОЛЬ СИЛЬНО РАЗГОРЕЛИСЬ СТРАСТИ? ПОЧЕМУ ОТ ВЫБОРА ДИРЕКТОРА ЗАВИСИТ, КАК БУДУТ РАЗВИВАТЬСЯ ИССЛЕДОВАНИЯ? ПОЧЕМУ, НАКОНЕЦ, ВОПРОС О ВЫБОРАХ ДИРЕКТОРА ПЕРЕРОС В ПРОБЛЕМУ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ НАУКОЙ?

Дело в том, что ФИАН — институт особенный. Он объединяет ученых почти всех физических специальностей. Такая полифизичность, предполагающая единство разносторонних исследований, заложенная с основания института, делала его уникальным. Однако, особенно в последнее десятилетие, гармоничность ФИАНа оказалась нарушена. Основное внимание стало уделяться тому направлению исследований, где лежат научные интересы возглавляющего институт академика Николая Геннадиевича Басова,— квантовой радиофизике. Постепенно возникла гипертрофия одного научного направления и подавление остальных, что сказывалось и на финансировании исследований. Как говорится, кто платит, тот и заказывает музыку. Это привело к нарушению демократизма в управлении институтом.

Словом, исподволь назревал кризис. Истоки его не столько в личных качествах академика Басова, сколько в самой системе управления. Для такого многопрофильного института и в мировой науке сегодня не нашлось бы лидера: времена великого Леонардо да Винчи безвозвратно прошли.

Необходимость изменений сознавал и сам Басов. Как выход из кризиса родилось предложение о преобразовании ФИАНа в новый тип академического института на федеральной основе. Главным органом управления должен был стать Совет директоров отделений, который в случае несогласия с деятельностью директора института сможет отменять его решения. Составили проект временного устава ФИАНа.

Именно перестройка, демократизация управления наукой поставили вопрос о том, каким должен быть директор этого нового федеративного института.

Назовем теперь имена кандидатов на пост директора.

Лауреат Нобелевской премии выдающийся ученый академик Николай Геннадиевич Басов, более пятнадцати лет возглавлявший институт. Дважды Герой Социалистического Труда. Широко известны его основополагающие работы по созданию и использованию лазеров в различных областях науки, техники, медицины. Он вице-президент Всемирной федерации научных работников, лауреат Ленинской премии; ведет огромную общественную работу: член Президиума Верховного Совета СССР, член Советского комитета защиты мира, председатель правления Всесоюзного общества «Знание».

Другой кандидат в директора — академик Леонид Вениаминович Келдыш. Правда, пока он еще не столь именит, как его увенчанный лаврами соперник, к тому же беспартийный. Но ученым имя Леонида Вениаминовича Келдыша говорит очень много. Это крупнейший физик-теоретик. Его исследования по физике твердого тела, полупроводников и взаимодействию излучения с веществом привели к возникновению ряда перспективных научных направлений. У него нет ни одной теоретической работы, которая не получила бы экспериментального подтверждения. Такое бывает в науке чрезвычайно редко. Ученый удостоен Ленинской премии, Ломоносовской, премии Европейского физического общества. Л. В. Келдыш руководит в ФИАНе отделом теоретической физики, всегда славящимся, кроме выдающихся научных работ, гражданской позицией сотрудников.

Приведу лишь один пример. В те тяжелые времена, когда на академика А. Д. Сахарова шел поток клеветы, когда «общественность», в том числе и, увы, физики, подписывала письма, осуждающие его, в теоретическом отделе ФИАНа, где работал и работает сейчас Андрей Дмитриевич, ни один человек не выступил против него, не поставил своей подписи под организованным письмом. А давление в институте было, и немалое: упрямцам чинились препятствия к защите диссертаций, к выезду за рубеж в научные институты, куда их приглашали, на международные конференции и съезды.

Опальный академик продолжал оставаться сотрудником теоретического отдела даже после высылки в Горький. К нему ездили коллеги, а в Москве на дверях кабинета академика Сахарова оставалась табличка с его фамилией. К чести коллектива ФИАНа следует добавить, что такое отношение к Сахарову разделяло большинство сотрудников.

Здесь ждали возвращения ученого, боролись за него... Многие с теплотой говорят о смелой позиции заместителя директора института Сергея Ивановича Никольского. Это тоже сыграло свою роль, когда члена-корреспондента Никольского выдвигали кандидатом в директора. Но он, как и доктор физико-математических наук Виктор Павлович Силин, в ходе предвыборной борьбы снял свою кандидатуру в пользу Л. В. Келдыша, поскольку их программы оказались близки.

...И вот — конференция трудового коллектива. Выступает со своей программой Леонид Вениаминович Келдыш.

— Наша кампания по выборам директора продолжается более трех месяцев. За эти три месяца мы потеряли много рабочего времени, но сказали друг о друге очень многое, и каждый кое-что понял и о себе,— говорит он.— Основной пункт моей программы — федеральное устройство института, выразившееся в создании нового устава. ФИАН — общефизический институт, его гибкость и многогранность позволяли ему занимать ведущее место в мировой науке более тридцати пяти лет.

Нельзя судьбу многопланового института ставить на единственную карту. Если карта окажется бита — это будет концом ФИАНа. Но если же разумно использовать идею федерации, появится возможность расти и всему новому, и уже проверенному,— подчеркнул Л. В. Келдыш.

Согласно его программе, ФИАН должен прежде всего отвечать за развитие фундаментальных работ.

Начало см. на стр. 1.

Программная речь представила коллективу Келдыша в совершенно ином качестве: известная всем демократичность сочеталась с принципиальностью, даже, пожалуй, жесткостью в оценке ситуации. Неоправданно большое число прикладных исследований в институте, считает он, следует сократить, строительство крупных дорогостоящих установок, особенно на московской площадке ФИАНа, резко ограничить; эти установки должны создаваться в рамках национальных проектов, быть доступными для всех научных институтов, как это делается во всем мире.

Большое внимание уделил Л. В. Келдыш вопросам научной молодежи. Молодым талантливым людям в ФИАНе трудно продвинуться. Поэтому институт становится для них непривлекательным. А молодежи надо дать шанс.

Программа академика Н. Г. Басова отличалась от программы Л. В. Келдыша как в оценке научного уровня работ ФИАНа, так и соотношения прикладных и фундаментальных исследований. Если Келдыш считает, что ФИАН утрачивает свои позиции в мировой науке, то Басов в своем выступлении доказывал, что все обстоит наоборот. Он привел в качестве примера целый ряд работ института, удостоенных Ленинской и Государственных премий, работ, по его мнению, нобелевского уровня. Если Келдыш предлагал сократить неоправданно большое число прикладных работ, то, по мнению Басова, их и без того почти нет в институте, так как создание новых машин и установок с новыми свойствами, по его мнению, относится к фундаментальным исследованиям.

Если Келдыш последовательно отстаивал идею федеративного устройства, то Басов в своей программе, поддерживая эту идею, тем не менее настаивал, что в институте все направления и раньше развивались свободно, и отделы сохраняли автономию.

Большинству в зале все яснее становилось, что Басов как руководитель психологически не готов к управлению институтом на федеральной основе.

— Быть директором такого института, как ФИАН, трудно, это сложное и ответственное дело,— сказал, заканчивая свое выступление, Николай Геннадиевич.— Мне 66 лет, и исправить это невозможно.

Однако он выразил готовность, если коллектив изберет его, работать на этом посту оставшиеся ему четыре года.

Затем начались ответы на вопросы. Особенно досталось Л. В. Келдышу.

— Леонид Вениаминович, вы теоретик, а ФИАН в основном экспериментальный институт. Вы не боитесь попасть под влияние ловких, но слабых экспериментаторов?

— Хотя я и теоретик, но в ФИАНе работаю уже тридцать пять лет. Надеюсь, что Совет директоров отделений не даст мне совершить ошибку.

— Какие ростки научных исследований были подавлены предыдущей дирекцией?

Н. Г. Басов поздравляет Л. В. Келдыша.

— Мне трудно сказать, какие дети не родились.

— Курите ли вы? Ведь руководитель — пример для остальных. Во всем мире идет борьба с курением. От него страдают и те, кто не берет в рот сигареты.

— Я двадцать лет курил. Бросил. Стараюсь не закурить вновь, но поручиться, что этого никогда не случится, не могу.

— Будет ли при вас ограничен возраст администрации?

— Я всей душой за омоложение института, и меня огорчает, что среди кандидатов в директора люди, немногим моложе или старше шестидесяти лет. Хорошо бы избрать директором сорокалетнего. Но нет такого кандидата в директора...

Обсуждение кандидатов длилось несколько часов, хотя для выступающих установили жесткий регламент — 5 минут.

Сторонники Н. Г. Басова в своих выступлениях подчеркивали, что в переходный период, когда институт становится федерацией отделений, предпочтительнее директор с большим опытом руководства, знающий все рычаги управления.

Им возражали сторонники Л. В. Келдыша: «Наш лозунг — перестройка института с новым директором».

Мне показалось, что наиболее четко и объективно мнение делегатов конференции было сформулировано в выступлении доктора физико-математических наук, крупного ученого в области космических излучений В. А. Царева:

— На наших собраниях много было произнесено жестких, порой обидных слов в адрес Николая Геннадиевича Басова. Он прошел суровое чистилище. И я, сидящий в зале, чувствовал себя неловко, когда звучали эти слова. Мы не должны забывать, что Басов — выдающийся ученый, и вклад его в мировую науку переживет наши сиюминутные страсти.

Но сегодня мы обсуждаем не ученого Басова, а кандидата в директора ФИАНа. Стиль руководства Басова — силовой, он сын своего века и не смог выйти из стереотипа того времени. На посту директора он остался пусть выдающимся, но заведующим отделом, где лежат его научные интересы.

Теперь по поводу академика Келдыша. Мне нравится его программа. Оценить его по делам как директора мы еще не можем, так как опыта руководства таким большим коллективом у него не было. Однако я убежден в его искренности и считаю, что мы должны дать ему шанс и тем самым дать шанс ФИАНу.

Его поддержал доктор физико-математических наук В. Н. Мурзин:

— Коллектив не хочет жить по-старому, он не доволен существующим положением дел, он хочет круто изменить ситуацию в институте.

Как подчеркивало большинство, программа Басова сохраняет то, что уже существует в институте. Программа Келдыша содержит глубинные проблемы, нацеливает на их решение и более соответствует духу времени, перестройке.

Наступил глубокий вечер, когда наконец председатель счетной комиссии объявил итоги голосования. Н. Г. Басов — 196 «за», 369 — «против». Л. В. Келдыш — 397 «за», 176 — «против».

Едва смолкли поздравительные аплодисменты, я взяла первое интервью у только что избранного директора ФИАНа. Совсем короткое, учитывая усталость Л. В. Келдыша и поздний час.

— Леонид Вениаминович, почему вы решились вступить в борьбу с самим Басовым?

— У нас с Басовым возникли разногласия по поводу выбора пути, каким должен развиваться институт. Николай Геннадиевич — выдающийся физик, но ему, как многим крупным ученым, свойственна увлеченность. В работе нашего общефизического института появился перекос. Полифизичность, целостность ФИАНа нарушать губительно, хотя квантовую электронику и квантовую радиофизику, в которых столько сделал и делает Басов, я считаю крупнейшим достижением науки. Но, по-моему, руководитель научного коллектива типа ФИАНа должен не столько обладать собственными идеями, сколько уметь оценить чужие. Это было для меня главным мотивом.

— А пошли бы вы на этот шаг, меняющий вашу судьбу, так как он налагает совсем новые обязательства и сильно отвлекает от собственного научного творчества, несколько лет назад?

— До перестройки? Нет!

— Вы связываете этот поворот в своей судьбе и судьбе института с перестройкой?

— Мне кажется, мы все находимся в некоторой эйфории по поводу перестройки. Я тоже думал: а что мне менять? Вроде бы и жил порядочно, и работал на совесть... Но наступает момент, когда говоришь себе: если я могу чему-то помочь, то должен попробовать это сделать. Я понимал, что наш институт теряет свои научные позиции, идет не той дорогой, какой хотелось бы. Я обязан был предложить коллективу альтернативу. Именно теперь, сегодня, пока еще не поздно. Хотя я не убежден, что буду хорошим директором...

Отдел наш носит имя удивительного ученого и человека Игоря Евгеньевича Тамма. Все, кто сталкивался с Игорем Евгеньевичем, на всю жизнь остались под обаянием его личности. После знакомства с Таммом каждый начинал понимать, что есть ценности выше житейских и, может быть, выше научных. Сейчас, в период обновления нашего общества, понимать это особенно необходимо. В какой-то мере и традиции отдела повлияли на мое решение стать директором ФИАНа.

— А как отнеслись к вашему решению друзья, знакомые вне института?

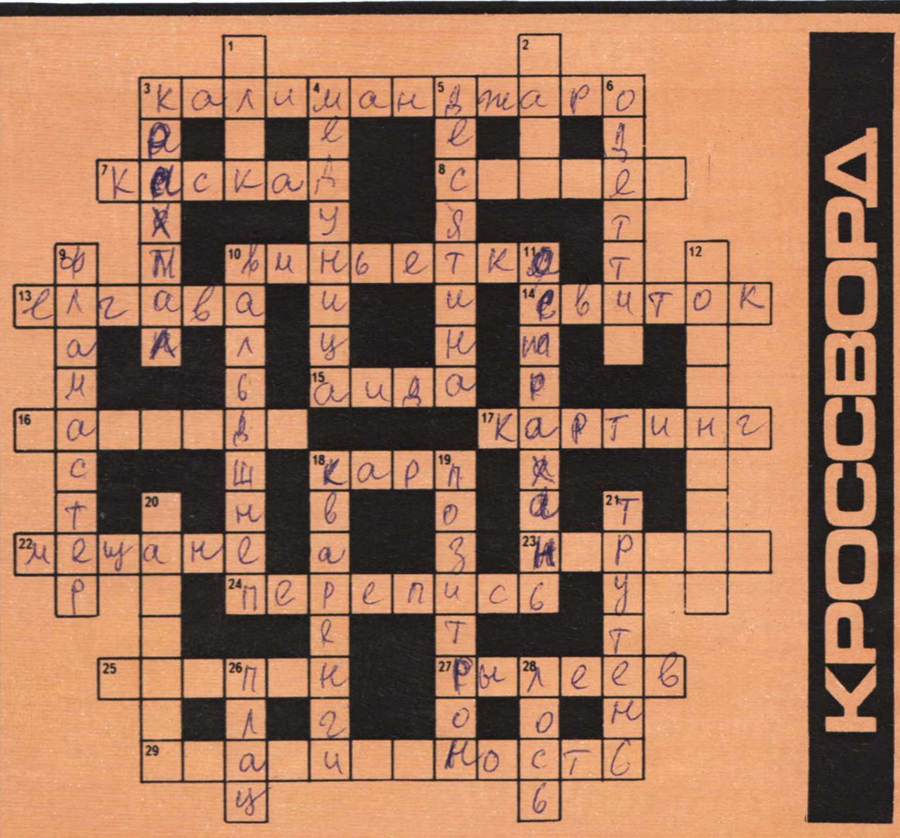
— Страшно удивились. У меня совершенно нет начальнических инстинктов. Я больше люблю слушать, чем говорить, и не умею приказывать.

— Что, по вашему мнению, вскрыла в ФИАНе предвыборная кампания?

— Ничего неожиданного для себя я не увидел. Главными минусами в институте были отсутствие научного общественного мнения и разобщенность. Доходило до того, что в институте больше интересовались, кого как финансируют, чем кто над чем работает.

— Ваши планы на самое ближайшее время?

— Я хотел бы, чтобы ФИАН стал общефизическим институтом в полном смысле этого слова. Надеюсь, что, сильно поругавшись за последние три месяца, мы восстановим дружеские и деловые отношения и будем работать. Еще до результатов голосования я сказал Николаю Геннадиевичу, что надеюсь на его помощь, если стану директором. Он искренне, с полной готовностью обещал помочь и после выборов, поздравляя меня, повторил свое обещание.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Вулкан в Восточной Африке. 7. Водопад, низвергающийся уступами. 8. Чешский композитор, скрипач, дирижер XVIII века. 10. Украшение в книге, рукописи в виде рисунка, орнамента. 13. Город в Латвии. 14. Одна из древнейших форм книги. 15. Опера Д. Верди. 16. Немецкий писатель, автор романа «Каждый умирает в одиночку». 17. Спортивные гонки на микроавтомобилях. 18. Разновидность сазана. 22. Пьеса М. Горького. 23. Русский механик и изобретатель XVIII века. 24. Массовый учет населения. 25. Древний ударный музыкальный инструмент. 27. Русский поэт-декабрист. 29. Постоянство, устойчивость.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Композитор, автор оперы «Армида». 2. Южное созвездие. 3. Углевод, добываемый из растений. 4. Ранневесенний лесной цветок. 5. Русская мера земельной площади. 6. Действующее лицо в балете П. И. Чайковского «Лебединое озеро». 9. Инструмент для письма и рисования красками. 10. Лесной кулик. 11. Областной центр в РСФСР. 12. Басня И. А. Крылова. 18. Архитектор, создавший Смольный институт. 19. Античастица электрона. 20. Декоративное растение, цветок. 21. Русский сатирический журнал, издававшийся Н. И. Новиковым. 26. Площадь для строевых занятий, военных парадов. 28. Животное семейства оленей.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Гафури. 8. Лазурь. 9. Нетто. 10. Парсек. 11. Белова. 13. Экскурсия. 17. Геркулес. 19. Стокпорт. 20. Эскарп. 21. Стела. 22. Лебедь. 23. Голубика. 25. Инвенция. 27. Антресоль. 30. Шишкин. 32. «Ералаш». 34. Тимор. 35. Олекма. 36. Оцелот.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Запасник. 2. Курс. 3. Минкус. 4. Глобус. 5. Узел. 6. Кривошип. 12. Суверенитет. 13. Эклиптика. 14. Ярославль. 15. Терскол. 16. Прудкин. 18. Сосна. 19. Саади. 24. Умбриэль. 26. Незнамов. 28. Тантал. 29. Озеров. 31. Кокс. 33. Алей.

Уважаемые читатели!

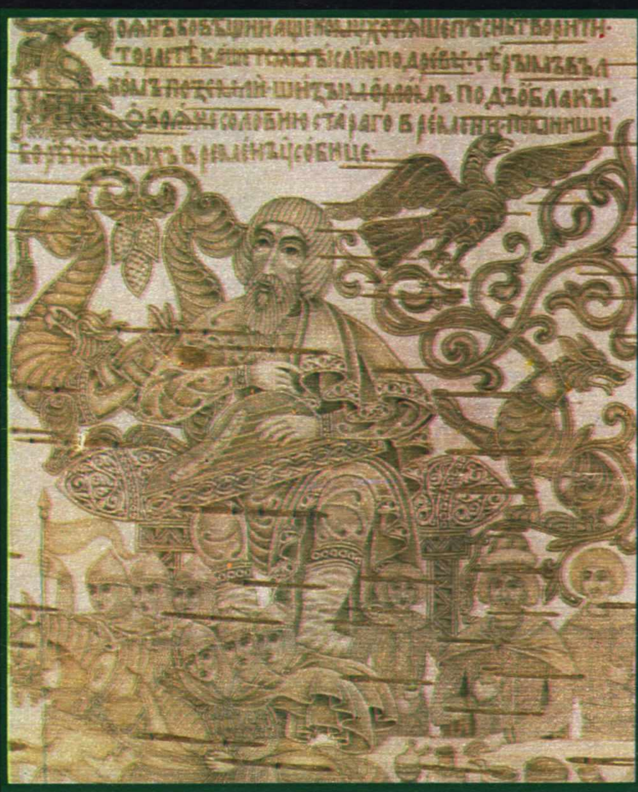
В конце прошлого года мы начинали публиковать остросюжетную повесть Г. Вайнера и Л. Словина, но вынуждены были прекратить публикацию по не зависящим от редакции причинам. Наша почта переполнена письмами с одним и тем же вопросом, будем ли мы печатать детективы.

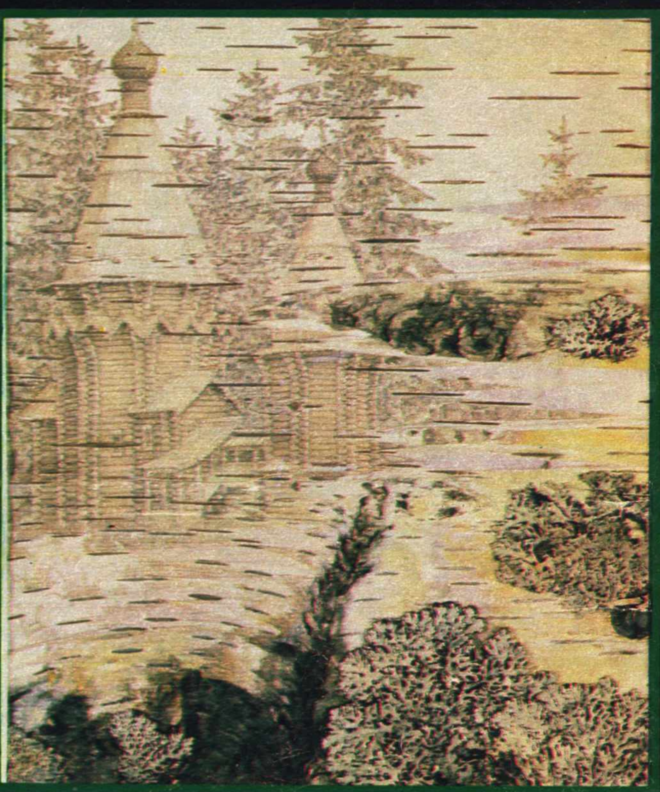
Идя навстречу многочисленным пожеланиям, со второго квартала нынешнего года мы открываем рубрику «Библиотека зарубежного детектива». В ней мы постараемся представить разные направления жанра: от политического детектива до психологического и сатирического. Все произведения, готовящиеся к публикации в «Огоньке», будут новыми для советских читателей, хотя многие принадлежат перу известных мастеров жанра.

Отдел литературы

Народный мастер Борис Чурилов увлекся созданием изображений на бересте в начале шестидесятых годов, когда путешествовал по Новгороду. Проникнув на территорию археологического раскопа, он увидел, как ученые осторожно извлекают небольшие черные трубочки. Затем он увидел их в музее. Тщательно отреставрированные, они приобрели первоначальный белый цвет, а на них явственно различались письмена наших далеких предков. Тогда его поразила долговечность бересты. Восемьсот лет!..

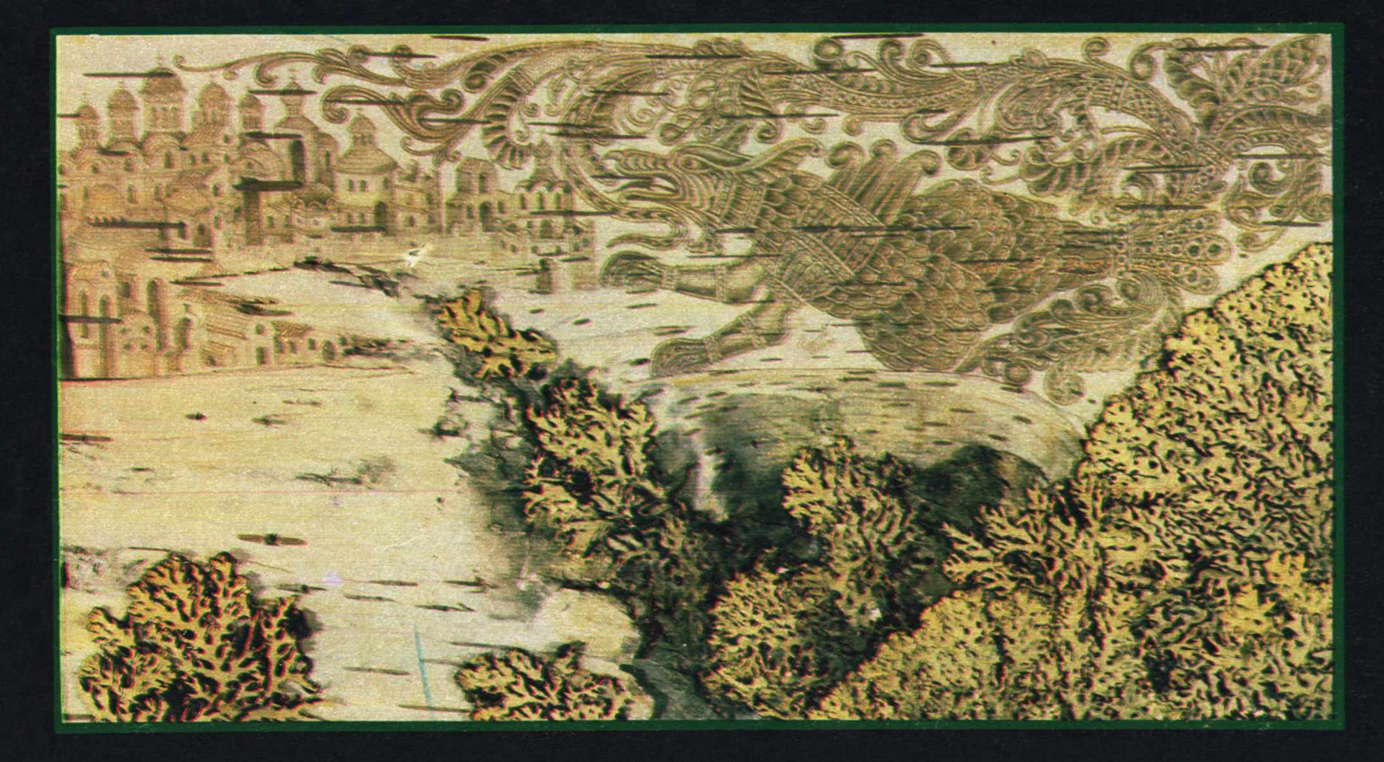
Чурилов объездил русский Север, изучая архитектуру древних русских городов. Его работы напоминали нам о сокровищах, которые сплошь и рядом пребывали в небрежении, разрушались...

В 1980 году его работы демонстрировались в Париже, затем объехали всю Францию. Многие его произведения находятся за границей, в руках частных коллекционеров.

Особый цикл составляет триптих «Киев — мать городов русских». Ярослав Мудрый, Киевская София, Нестор-летописец... «Слово о полку Игореве» также вдохновило самодеятельного художника, который мечтает отобразить на бересте все духовное богатство Древней Руси...

Хочется надеяться, что когда-нибудь яркие, талантливые работы Бориса Чурилова украсят и стены наших, отечественных музеев.

Сергей БЫЧКОВ

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663